

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 14-041

РАЗВЕДКА «ПОД КРЫШЕЙ»

Из истории спецслужбы

М.Е. Болтунов

РАЗВЕДКА «ПОД КРЫШЕЙ»

М.Е. Болтунов

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Annotation

Разведчики всегда прячут свою сущность, выдавая себя за другого. То есть, говоря современным языком, работают «под крышей». Для прикрытия спецслужбы используют должности сотрудников в посольствах, торгпредствах, в различных международных и общественных организациях, не говоря уже о средствах массовой информации.

Однако так было не всегда. Разведка не сразу строилась. Да и в разведке не сразу поняли, сколь удобно и выгодно «крышевое» прикрытие. К осознанию этого факта шли долго, мучительно, через тернии и ухабы, набивая шишки и синяки. По сути, шли целое столетие.

- [Разведка «под крышей». Из истории спецслужбы](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Создатель и вдохновитель](#)
 - [Первый «крышевик»](#)
 - [Загадка барона Шиллинга](#)
 - [Военная разведка: взгляд на Восток](#)
 - [Добывать сведения «по части военной»](#)
 - [«Временные агенты»](#)
 - [«Нет вовсе полных и верных сведений»](#)
 - [Две звезды военной разведки и дипломатии](#)
 - [Под фрактом дипломата, под мантией ученого](#)
 - [Феномен генерала Пржевальского](#)
 - [Военные наблюдатели](#)
 - [Агенты Красного Креста](#)
 - [Персидские казаки и русские разведчики](#)
 - [«Трансвааль, Трансвааль, страна моя!»](#)
 - [Переименован... в секретари](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Война на пороге](#)
 - [Дальняя разведка «на сопках Маньчжурии»](#)
 - [«Чайные купцы»](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [«О, Русь! Забудь былую славу»](#)
 - [«Сведения о военных силах...»](#)

- [«Усыпил бдительность англичан...»](#)
 - [Под видом «саратовского помещика»](#)
 - [«Агентурной сети не имеет...»](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
 - [«Ныне Господь нам послал испытание...»](#)
 - [Работа сложная и опасная](#)
 - [«Мы как без рук...»](#)
 - [«Прикрыть истинную деятельность»](#)
 - [ЧАСТЬ ПЯТАЯ](#)
 - [Начнем с нуля](#)
 - [Кадры решают все](#)
 - [«Планы городов и укреплений»](#)
 - [От героев былых времен...](#)
 - [Пионеры «белой» разведки](#)
 - [ЧАСТЬ ШЕСТАЯ](#)
 - [Послевоенные легальные резидентуры](#)
 - [«Оказались битыми, как мальчишки...»](#)
 - [«Советский Союз, как очередной противник...»](#)
 - [Фронт вдали от фронта](#)
 - [Огромный мир разведки](#)
 - [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
-

**Разведка «под крышей». Из истории
спецслужбы
Михаил Болтунов**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разведка — особый, я бы сказал, тайный вид деятельности. Тут не пойдешь в бой «с открытым забралом», предупреждая противника, как полководец Древней Руси, Киевский князь Святослав: «Иду на Вы!» Таким способом и себя погубишь и, равным счетом, ничего не добьешься. Потому разведчики всегда прячут свою сущность, выдавая себя за другого. То есть, говоря современным языком, работают «под крышей». Сегодня такой подход стал делом вполне обычным и будничным. Для прикрытия спецслужбы используют должности сотрудников в посольствах, торгпредствах, в различных международных и общественных организациях, не говоря уже о средствах массовой информации.

Деятельность под легендой корреспондента информационного агентства, газеты, журнала для разведчика «золотое дно». Какой-нибудь прожженный репортеришка готов пролезть в любую дыру, лишь бы добыть сенсацию для родного издания. Поди, проверь, истинный это писака ши писака от разведки.

Однако так было не всегда. Разведка не сразу строилась. Да и в разведке очень не быстро поняли, сколь удобно и выгодно «крышевое» прикрытие. К осознанию этого факта шли долго, мучительно, через тернии и ухабы, набивая шишки и синяки. По сути, шли целое столетие.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Создатель и вдохновитель

... В январе 1810 года генерал-губернатор Великого княжества Финляндского Михаил Барклай-де-Толли был назначен военным министром Российской империи. Он сменил на этом посту генерала от артиллерии графа Алексея Аракчеева. Тот стал председателем департамента военных дел во вновь учрежденном Государственном совете.

Назначение Михаила Богдановича на столь высокую должность стало для многих неожиданностью. Вообще, карьерный взлет Барклая-де-Толли был стремительным. Еще зимой 1807-го он был генерал-майором, в апреле его произвели в генерал-лейтенанты и назначили командиром дивизии. Через год с небольшим, он возглавил Отдельный экспедиционный корпус. В следующем 1809-м Барклай пожалован чином генерала от инфантерии, а вскоре стал Главнокомандующим русской армии в Финляндии и генерал-губернатором Великого княжества. Вначале 1810-го он уже военный министр. Таким образом, за два неполных года из генерал-майора Михаил Богданович вышел в полные генералы, а с должности командира полка ускоренным маршем прошагал в министры.

Правда, эти годы были насыщены постоянными «боями и походами» и вместили в себя войну в Финляндии, сражение при Прейсиш-Эйлау, тяжелое ранение, лечение, возвращение в строй, командование Экспедиционным корпусом, легендарный переход через Кваркен — по морскому льду, в мороз и холод на протяжении восемнадцати часов. Но кого этим можно было удивить в то время. Многие генералы воевали храбро и умело. Тот же Петр Багратион, у которого совсем недавно Барклай-де-Толли ходил в подчиненных. А уже о генерале Михаиле Кутузове и говорить не приходится. Он был на десять лет старше Михаила Богдановича, славен подвигами, опытен как в делах военных, так и дипломатических. Но император Александр I выбрал на пост военного министра Барклая-де-Толли. И не ошибся.

Россия стояла на пороге войны. И это хорошо осознавал новый глава военного ведомства. К тому времени Наполеон Бонапарт подчинил своей власти почти всю Европу. Он установил контроль над Голландией, Италией, Испанией, большинством Германских государств. Три с небольшим года назад французский император наголову разбил прусскую армию. После этого он подписал декрет, объявлявший «британские острова в состоянии блокады». Уже во время Тильзитского мира летом 1807 года

все говорили о войне. М. Сперанский в своей записке «О вероятности войны с Францией после Тильзитского мира» писал: «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром. Самый мир заключал в себе почти все элементы войны».

Но особенно эмоционально по этому поводу высказался в своей работе «Тильзит в 1807 году» Денис Давыдов: «1812 год стоял уже посреди нас, русских, со своим штыком в крови по дуло, со своим ножом в крови по локоть».

Генерал Барклай-де-Толли не был русским и не отличался яркостью и романтизмом в речах и письменах, как поэт Давыдов, но он любил Россию и готов был защищать ее тем самым «штыком по дуло в крови».

Однако давно прошли те времена, когда молодой офицер поднимался в атаку под стенами крепости Очаков, за что и был удостоен золотого Очаковского креста на георгиевской ленте. Теперь, от него требовалось совсем другое — не личная храбрость егерского капитана, а точный расчет и верная стратегия армейских преобразований. Ошибиться он не мог. Не имел права. Михаил Богданович понимал: времени на исправление ошибок нет.

Полковник Александр Чернышев, который был представителем императора Александра I при дворе Наполеона, в декабре 1810 года доносил: «Наполеон уже принял решение о войне против России...» Через два месяца он подтвердит свое разведсообщение: «Все принимаемые Наполеоном меры теперь уже могут служить для нас доказательством, что война с Францией неизбежна, хотя нельзя с точностью определить время, когда она начнется».

Бонапарт на все реформы отвел Барклаю-де-Толли всего ничего, два с половиной года. Что же успел сделать за этот короткий промежуток времени военный министр? Как ни странно, очень многое. Он оказался талантливым и энергичным военным организатором. Ведь как бы это парадоксально не звучало, мало быть смелым, грамотным полководцем на поле боя, в мирное время надо суметь подготовить армию к будущей войне. Не к прошлой, как это часто случается, а именно к предстоящей.

Михаил Богданович готовился к войне с Францией по нескольким направлениям. Прежде всего, активизировал строительство крепостей и инженерных сооружений на западе страны. Здесь возводились две новые крепости — Бобрыйск и Динабург. Усиливались укрепления в районах Киева и Риги. Между Двиной и Днепром срочно подбирали места для будущих укрепрайонов.

Заботился о тыловом обеспечении войск — увеличении запасов

продовольствия, фуража, боеприпасов.

В условиях, постоянного роста численности армий противника, усложнялись формы и методы боевых действий войск, повышались требования к организации управления на поле боя. И потому Барклай-де-Толли упорядочил работу штабов, ввел новый устав пехотной службы, принял первое в русской армии положение о полевом управлении войсками.

Под его руководством разрабатывается стратегическая концепция ведения будущей войны с Наполеоном.

Однако самой большой заслугой военного министра Барклая-де-Толли в эти годы было строительство новой современной организации военной разведки. Она принципиально отличалась от существующей ранее — медлительной, неэффективной, плохо управляемой.

Дело в том, что прежде военное ведомство стратегической разведкой практически не занималось. Эти функции возлагались на чиновников Министерства иностранных дел. Все, что удавалось им узнать по военно-политическим проблемам, направлялось в столицу империи и попадало на рабочий стол руководителя МИДа, а тот уж решал, познакомить с этой информацией военного министра или отправить ее в архив. Особого рвения в добывании военной, а особенно военно-технической информации работники посольств не проявляли. Во-первых, это не было их первоочередной задачей, во-вторых, они плохо разбирались в незнакомой для них тематике.

Барклай-де-Толли прекрасно понимал всю ущербность такого подхода. И если в мирное время с подобным состоянием разведки еще можно было мириться, то в преддверии войны оставлять все по-прежнему, означало обрекать себя на заведомое поражение.

Первое, что сделал Михаил Богданович, — создал центральный разведывательный орган. Название ему дали «Экспедиция секретных дел при военном министерстве».

Возглавил «Экспедицию» офицер, которого Барклай-де-Толли хорошо знал и ценил, — флигель-адъютант полковник Алексей Воейков. Алексей Васильевич начинал службу еще ординарцем у великого полководца Александра Суворова во время швейцарской кампании. Принимал участие в Русско-турецкой войне 1806 года, во Французской (1806–1807 гг.), и Шведских кампаниях (1808–1809 годов). Вместе с генералом Барклаем-де-Толли участвовал в зимнем переходе через залив Кваркен.

В 1810 году Воейков становится во главе «Экспедиции секретных дел». Однако этому органу нечем было руководить, и он мог превратиться в

дополнительное подразделение, которое «обрабатывало» бы те же материалы, поступающие из посольств. И потому следующий шаг министра был вполне логичным — развернуть собственные регулярные зарубежные разведсилы. Для этой цели в диппредставительства, где главами состояли «послы военных генеральских чинов», решили направить офицеров. Официально они числились адъютантами генералов-послов.

Кандидатуры первых российских военных разведчиков подбирали внимательно и терпеливо. Нужны были офицеры опытные, умелые, умеющие ладить с людьми, словом, «тертые калачи». Отобрали семерых: трех полковников — Александра Чернышева, Федора Тейль фон Сераскеркена и Роберта Ренни. Они соответственно поехали в Париж, в Вену и в Берлин. Майор Виктор Прендель убыл в Дрезден. Три поручика — Григорий Орлов, Павел Брозин и Павел Граббе были направлены в Берлин, в Кассель, потом в Мадрид и в Мюнхен.

Некоторые историки называют эту группу офицеров «великолепной семеркой». Пожалуй, они недалеки от истины. Несмотря на большую разницу в возрасте, (майору Пренделю в 1810 году исполнилось 46 лет, а поручику Граббе всего 23 года), все они успели послужить в боевых частях, принимали участие в походах, воевали.

Чаще всего в исторических исследованиях, биографических очерках этих офицеров перечисляют общим списком и именуют военными агентами Барклай-де-Толли. Иногда, правда, указывают, что поручик Павел Граббе пребывал в Мюнхене в звании канцелярского служителя при дипмиссии России за рубежом.

Вот в этом и заключена особенность, которая в корне отличает поручика Граббе от других офицеров-разведчиков, посланных за границу.

Павла Христофоровича нельзя назвать военным агентом. Дело в том, что шестеро его коллег убыли в разные европейские города, пусть и под легендой адъютантов генералов-послов, но они не скрывали своих воинских званий и принадлежности к армии Российской империи. С Граббе было все иначе. Он выдавал себя за человека сугубо гражданского, в «звании канцелярского при миссии служителя с ношением употребительного мундира», то есть не мундира артиллерийского поручика, коим и был Павел Христофорович, а форменного платья скромного чиновника посольства. Таким образом, создавая зарубежные разведсилы, Барклай-де-Толли открыл два новых направления в развитии российской стратегической разведки — служба военных агентов и так называемая «крышевая» работа под прикрытием штатской должности при диппредставительстве.

Остается добавить, что военный министр не ограничился и этим. «С высочайшего Государя Императора соизволения» впервые от имени военного ведомства он поставил разведывательные задачи послам в некоторых европейских странах. Михаил Богданович хотел получить сведения «о числе войск, обустройстве, образовании и вооружении их и расположении по квартирам... о состоянии крепостей, способностях и достоинствах лучших генералов и расположении духа войск».

Такие обращения были направлены послам России в Австрии, в Саксонии, в Баварии, в Швеции и во Франции.

Создавая стратегическую разведку, Барклай-де-Толли понимал, что и этого мало. И потому он организует уже в эти, пока мирные, но уже предвоенные годы, и тактическую разведку. По его приказу штабы армий, корпусов, воинские части которых развернуты на западной границе, начинают сбор разведывательной информации о противнике.

«Эффективная деятельность, — отмечает историк М. Алексеев в книге «Военная разведка России», — не имевшей аналогов в истории единой централизованной системы агентурной разведки со специальным центральным органом, зарубежными силами и средствами, с четко поставленными разведывательными задачами и необходимым финансовым обеспечением явилась заслугой выдающегося русского военного деятеля Михаила Богдановича Барклая-де-Толли. Он смог предвосхитить и реализовать на практике ставшую через много лет насущной потребность вооруженных сил государства в собственной единой структуре военной агентурной разведки со специальными центральными органами и зарубежными силами и средствами».

Первый «крышевик»

Итак, как мы уже сказали, первым разведчиком, который работал под прикрытием должности «канцелярского при миссии служителя» стал Павел Христофорович Граббе. Зная, с какой тщательностью подбирал офицеров на эти должности министр Барклай-де-Толли, можно констатировать, что поручик артиллерии Граббе не случайно оказался в Мюнхене.

Кто же он такой, этот Павел Граббе? Что о нем известно? Почему именно его для заграничной разведывательной миссии выбрал из многих офицеров русский армии военный министр?

На склоне лет, в 1861 году Павел Христофорович в одной из своих записных книжек, словно подводя итог прожитому, написал: «Моя полная переверотами жизнь». Такое заявление, на первый взгляд, звучит странновато из уст человека, который добился огромных высот, имел чин генерала от кавалерии и генерал-адъютанта, являлся членом Государственного Совета Российской империи. Тем не менее Граббе прав. Его судьба изобилует страшными падениями. Кажется впереди крах карьеры, да и вообще, всей жизни. Однако она полна столь же стремительными, невероятными взлетами, когда после 4-месячного заточения в крепости он вновь командует полком, а после суда становится командующим войсками, и ему возвращают звание генерал-адъютанта.

В этих же записках он сам перечисляет свои злоключения: «...При Александре I был в заточении, при Николае с первых дней его вступления на престол, привезенный в Петербург, сначала на гаубвахте, потом в подвале Зимнего дворца, оттуда взаперти в Инспекторском Департаменте и, наконец, в Динамюндской крепости. Позже уже генерал-адъютантом, под судом и с часовыми на квартире...»

Вот такая не простая жизнь. А началась она в 1789 году в большой и небогатой семье Граббе. Четырехлетним ребенком Павел покинул отчий дом и воспитывался в семье генерала Степана Микулина в Петербурге, который спустя несколько лет определил мальчика в Сухопутный шляхетский кадетский корпус. В неполных 16 лет в 1805 году он выпущен из корпуса подпоручиком и направлен во 2-й артиллерийский полк. Прохлаждаться было некогда, и потому юного подпоручика командируют в действующую армию в Моравию.

Так началась его служба. Он участвовал в сражении под Голо-мином. Позже храбро действовал под Прейсиш-Эйлау, за что был удостоен

золотого креста, редкой в ту пору награды.

В следующем году Павел Граббе, командуя ротой, водил ее в бой под Гейльсбергом и Фридландом. По возвращении с войны некоторое время он находился в Петербурге, и вновь возвращается в войска, расположенные в Польше.

В 1810 году военный министр Барклай-де-Толли направляет его в состав русского посольства в Баварии.

Историк С. Чернов, долгое время изучавший деятельность Граббе, писал: «...Этот рыцарь-герой — не только самоотвержен, благороден и храбр, он и очень выдержан и осторожен. Более того, этот рыцарь-герой не только мужественен и тверд на каждом своем посту и при исполнении всякого начальственного поручения, но и изобретателен и изворотлив в сложном, уклончивом и хитром деле военно-политической разведки».

С началом Отечественной войны Граббе сражается под Смоленском, Витебском, Бородино, Тарутиным, Малоярославцем, Вязьмой и Красном.

Отставной артиллерист генерал-майор Николай Дивов так вспоминает в своих мемуарах о нем: «Во время стоянки нашей в Дрисском укрепленном лагере я имел случай познакомиться с П.Х. Граббе, про которого уже в то время мы знали, что он отличился в сражениях 1807 года. Его военные способности, героическая пылкость, ко всему этому прекрасная наружность обращали на него общее внимание.

В начале 1812 года П.Х. Граббе числился в гвардейской конной кавалерии и состоял адъютантом главнокомандующего Барклая-де-Толли.

...Несмотря на свой тогда обер-офицерский чин, он был уже заметным деятелем по блистательным способностям, личной храбрости и той живой отважности и предприимчивой деятельности, которая его всегда отличала».

После изгнания Наполеона за пределы Российской империи Граббе участвовал в заграничных походах, за что был удостоен нескольких орденов и чина полковника.

В 1815–1816 годах Павел Христофорович живет в Петербурге. В столице ведет активную светскую жизнь — посещает театр, модные салоны, гостит у братьев Тургеневых.

Новый 1817 год приносит и новое назначение: Граббе приказано принять под свою команду Лубенский гусарский полк. Теперь в столице он бывает наездами. Но это не мешает ему познакомиться с И. Якушкиным, членом тайной организации «Союз благоденствия», позже с И. Пущиным и П. Вяземским.

В 1821 году проходит московский съезд «Союза благоденствия». Члены тайного общества не знали, что за ними уже следят. Вскоре

начальнику Главного штаба П. Волконскому доложили имена заговорщиков — Н. Тургенева, М. Орлова, М. Фонвизина, Ф. Глинки, отца и сына Муравьевых. В этом «черном списке» была и фамилия полковника П. Граббе.

Вскоре обычный конфликт Павла Христофоровича с начальством дал возможность властям удалить заговорщика подальше от войск. В 1822 году он получил приказ сдать полк и отправиться на местожительство в Ярославль.

Пришлось близким его товарищам скидываться и собирать деньги на житье Павлу Христофоровичу, поскольку никаких своих сбережений у него не было. Его друг И. Якушкин так и признался в своих «Записках», что «он (Граббе) командовал Лубенеют полком почти 6 лет: в это время на его месте всякий дошлый полковой командир составил бы себе огромное состояние. Некоторые из коротких приятелей Граббе сложились и доставили ему годовое содержание, без чего он решительно не имел, чем существовать в Ярославле».

Год жил полковник Граббе, по сути, в ссылке, в безделии и безденежье. Более выдержать не смог. Обратился с письмом к Александру I. В июне 1823 года он был вызван в Главный штаб, а через два месяца получил назначение младшим полковником в Северский конно-егерский полк. Увы, командиром полка его не назначили, но на службу вернули. Как говорят, и на том спасибо.

1825 год. Восстание декабристов застало Граббе на службе в селе Полошки Черниговской губернии. Тут его и арестовали, доставили в Петербург.

В следственной комиссии, одним из активнейших членов которой был коллега Граббе по той самой «великолепной семерке» Александр Чернышев, Павел Христофорович вел себя с достоинством и честью, отвечал смело и даже дерзко.

А. Розен в «Записках декабриста» свидетельствует: «Чернышев, как главный труженик в комиссии, вероятно, от усталости, от утомления, от нетерпения, забывался иногда в своих замашках, выходках и угрозах, так что П.Х. Граббе был вынужден сказать ему правду, за что по оправдании судом, оставлен был в крепости под арестом на шесть месяцев за дерзкие ответы, данные комиссии».

После освобождения из крепости Граббе возвратился в свой полк.

В 1829 году Павел Христофорович назначен исполняющим должность начальника штаба войск в Валахии, ему присвоено звание генерал-майора.

Будучи начальником штаба 1 — го пехотного корпуса отличился в боях

в Польше, был ранен, награжден орденами и стал командиром 2-й драгунской дивизии.

В этот период, а точнее, в 1834 году Павел Христофорович познакомился с Пушкиным. В своих записках, опубликованных в журнале «Русский архив», он рассказывает: «...Сидя в Демутовом доме у Н.Н. Раевского, я изъявил сожаление, что не знал лично Пушкина. Он жил неподалеку. Раевский послал его просить, и к живому удовольствию моему Пушкин пришел. Мы обедали и провели несколько часов втроем. 12-й год был главным предметом разговора».

1837 год в жизни Граббе был отмечен тем, что его произвели в чин генерал-лейтенанта и назначили командующим войсками Кавказской линии и в Черномории. И это новый, весьма сложный этап в его жизни. Были тут и свои блистательные победы, и горькие поражения. Пять с половиной лет провел генерал на Кавказе. Время было трудное. Российская империя вела войну против Шамиля.

Павел Христофорович руководил войсками, расквартированными в Дагестане и в Чечне. Главными опорными пунктами для батальонов русской армии были крепости Грозная и Внезапная, а также Темир-хан-Шура.

Первый удар Граббе со своими войсками нанес по укрепленному району Ташав-Хаджи, где находился союзник Шамиля — Ахмет-Тага. Внезапность действий дала свои положительные результаты. Горцы, застигнутые врасплох, успели скрыться, крепость была сожжена.

Однако мюриды продолжали нападать на русские отряды. Особенно страдала от этого воинская часть под руководством полковника Лабинского, расположенная на равнине. И тогда генерал Граббе главными силами атаковал горцев с фронта, а с тыла ударила кавалерия.

Бросив свои позиции, мюриды вновь ушли в леса. Граббе форсированным маршем двинул свои войска в ичкерийские земли и вскоре занял селение Саясань, где располагались главные силы Ташав-Хаджи. Таким образом, первоначальную задачу войска Граббе выполнили, дальше предстояли бои непосредственно с горцами Шамиля.

Батальоны возвратились в крепость Внезапную и стали готовиться к походу на аул Ахульго, где были расположены основные формирования Шамиля.

К крепости Ахульго генерал Граббе направился самым опасным путем, через земли враждебных горских племен. Он считал необходимым нанести поражение не только силам Шамиля, но и другим племенам, с которыми пришлось бы встретиться в пути. Павел Христофорович понимал: победа

над Шамилем, не станет окончанием длительной войны, даже если тот потеряет Ахульго. Он соберет подкрепление среди горских племен. Этой возможности и хотел лишить Граббе своего противника.

Отряд русских войск Шамиль встретил далеко от своей «столицы», в крепости Буртунай. Хорошо укрепленные позиции, тем не менее, удалось взять.

Далее на пути войск лежала крепость Аргунь, где горцы собрали более 16 тысяч бойцов. Огнем артиллерии выбить мюридов со своих позиций не удалось, и тогда в атаку бросили солдат. Бой продолжался весь день. Потери с обеих сторон оказались большими, однако крепость была взята.

Теперь дорога на Ахульго оказалась открытой. Селение горцев располагалось на двух высоких утесах. Внизу протекала река. Крепость обороняли самые опытные и бесстрашные воины. Обстановка осложнялась тем, что союзник Шамиля Ахтверды Маго-ма, собрав войска, занял господствующие высоты рядом с аулом Ахульго. Он препятствовал блокаде крепости войсками русских войск. Боевые действия приходилось вести одновременно против двух вождей враждебных горцев.

Первый штурм Ахульго тремя отрядами русских солдат положительных результатов не дал. С большими потерями роты отступили.

Тогда Граббе отдал приказ: через реку, омывающую аул, построить мост, лишив, таким образом, Шамиля сообщения по воде и окружить крепость с неприступной стороны. Саперы начали строить галерею, чтобы осуществить возможность подъема и спуска войск с горы.

Вновь был предпринят штурм крепости. Шамиль выбросил белый флаг. Начались переговоры, закончившиеся неудачно. Опять пришлось идти на приступ. Сначала войска Граббе атаковали новый Ахульго, потом последний оплот Шамиля — старый Ахульго. Бой был отчаянный, крепость пала, но Шамилю удалось скрыться от наступающих.

За взятие Ахульго генерал Павел Граббе был награжден орденом Св. Александра Невского.

Отряд русских войск понес большие потери в живой силе, солдаты и офицеры были утомлены длительными, опасными переходами, непрерывными боями, штурмами крепостей. Однако времени для отдыха и восстановления сил не было. Горские племена вновь нападали на русские крепости и форты, грабили их, убивали солдат и офицеров.

В 1840 году пришлось провести еще одну боевую операцию на территории Чечни, разгромив отряды враждебных горцев. Но потом начались неудачи, и в 1842 году генерал Павел Граббе покинул Кавказ.

Несколько лет он жил в своем имении в деревне Тимчиха, что в

Полтавской губернии, а в 1849 году вновь был призван на государеву службу и назначен командовать особым отрядом в Венгрии.

Бесконечные военные походы, сражения, командирские хлопоты, казалось бы, вся жизнь занята войной. Однако это не про Граббе. В этих походах Павел Христофорович не огрубел душой и не превратился в сухого солдафона.

В «Записной книжке» за 1859 год находим интересную запись. «В субботу был на обеде у Булгарина по случаю двадцатипятилетия существования «Северной пчелы», издаваемой с самого начала и доньше обще с Н.И. Гречем... грустное замечание, которым мы встретились с Гречем, вспомнив подобные обеды в нашей молодости, где за одним столом мы видывали Гнедича, Козлова, Тургеневых, Блудова, Дашкова, Крылова и других. Это почти некролог. Пушкин был еще в лицее».

Так что старый боевой генерал хорошо помнил петербургских друзей-литераторов, посиделки молодости, модные в ту пору журналы. Не чурался он встреч с друзьями юности и теперь, горюя о том, что многих уже нет в живых.

В 1852 году Павла Христофоровича назначили членом комитета инвалидов, который занимался помощью раненым. И тут его ожидает очередной «переворот» судьбы. Вскоре, вместе с другими членами комитета, он предан суду по делу титулярного советника Политковского о растрате денег. Граббе был приговорен судом к трехмесячному аресту «за доверие к мошеннику», но его помиловал государь.

А уже в следующем году его назначают командовать войсками в Кронштадте, потом во всей Эстландии.

В 1862 году генерал от кавалерии Граббе принял высокий пост — наказного атамана войска Донского. Четыре года находился на этой должности.

В 1866 году Павел Христофорович возведен в графское достоинство Российской империи и назначен членом Государственного совета.

Скончался он в 1875 году.

Так прожил свою жизнь первый разведчик-«крышевик» Павел Христофорович Граббе.

Загадка барона Шиллинга

Рассказав о Граббе, как о первом разведчике-«крышевике», пожалуй, в этой истории следовало поставить точку. Действительно, тут нет никаких сомнений. Сохранились архивные документы, подтверждающие командирование поручика артиллерии Граббе в Мюнхен, в качестве того самого «канцелярского при миссии служителя». Не подвергая сомнению этот факт, тем не менее есть все основания полагать, что Павел Христофорович являлся не единственным «пионером» в деле «крышевой» разведки. Выходит, был кто-то еще? Но кто? Может, его имя до сих пор неизвестно? Да нет, как раз наоборот. Это Павел Львович Шиллинг-Канштадт. Жил он во времена Пушкина, и даже дружил с великим поэтом.

Любой достаточно образованный человек, скажет вам, что Шиллинг был создателем электромагнитного телеграфа. Он также внедрил электрический способ подрыва минных зарядов, ввел в России литографию. Еще более продвинутые вспомнят, что Павел Львович вошел в историю криптографии как изобретатель так называемого биграммного шифра. И все это правда.

Но вот то, что Шиллинг был еще и разведчиком-«крышевиком» вряд ли кто станет с уверенностью утверждать. В первую очередь потому, то посылка его за границу в качестве разведчика, работающего под прикрытием, до сих пор не подтверждена документально. Впрочем, возможно, что документы пока не найдены, или за давностью лет утеряны, или хуже того, уничтожены. А может, и вовсе их не существовало. Каждый из подобных вариантов вполне реален. Ведь речь идет о тайной, секретной миссии.

Не будем и мы жестко настаивать на принадлежности Шиллинга к корпусу разведчиков-«крышевиков». Тем более что в 1803 году, когда он уехал за границу в Мюнхен, и корпуса такого не существовало. Только через семь лет Барклай-де-Толли пошлет за рубеж свою «великолепную семерку» и среди них Павла Граббе, которого оформят как «канцелярского служащего», кстати говоря, при том же посольстве в столице Баварии.

Так они и будут работать вместе Шиллинг и Граббе в 1810–1812 годах в одном представительстве в Мюнхене, на одинаково скромных должностях «канцеляристов». Накануне нападения Наполеона на Россию оба вернутся домой и примут участие в Отечественной войне.

Но это будет потом, а пока вновь обратимся к Шиллингу. Мы

остановились на том, что на сегодня нет документальных подтверждений о направлении Павла Львовича в Баварию с разведывательными целями. Хотя вся логика пребывания Шиллинга в Мюнхене подтверждает этот факт.

Итак, начнем с того, что юный Шиллинг в 1802 году заканчивает первый кадетский корпус. Ему всего 16 лет, воинское звание — подпоручик. Он направлен в службу Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. Попал Шиллинг туда не случайно. Инженер-генерал Петр Сухтелен, человек опытный и высокообразованный, комплектовал свою службу лучшими, наиболее талантливыми выпускниками российских кадетских корпусов. Здесь они получали дополнительные знания по геодезии, астрономии, картографии. В ту пору в армии этих офицеров называли колонновожатыми.

Под руководством генерала Сухтелена молодой подпоручик прослужил не долго, всего год. Уже в мае 1803 года его отчисляют с военной службы (?!). Откровенно говоря, странный поступок. Еще девятилетним ребенком отец Шиллинга, командир пехотного полка, записал его на службу. После смерти отца Павел приезжает в Петербург, поступает в кадетский корпус. Несколько лет упорного обучения, выпуск, получение офицерского звания, распределение к Сухтелену... и вдруг неожиданный уход с военной службы. То, о чем мечтал юноша, казалось, рухнуло в одночасье. Но почему? Оказывается, по личным мотивам. Екатерина Шиллинг, мать Павла после смерти мужа выходит замуж за барона Карла Бюлера. И теперь барона назначают российским посланником при баварском дворе в Мюнхене. Мать забирает с собой сына. Казалось бы, что тут необычного. Но Павел не малый ребенок, ему уже 17 лет. Мать и сын давно живут каждый самостоятельной жизнью. Павел Шиллинг пусть и молодой, юный, но выпускник корпуса, офицер квартирмейстерской службы. И вот такой поворот.

Тем не менее Шиллинг отставлен от воинской службы. Буквально на следующий день его причисляют к русской дипломатической миссии в Мюнхен. Кстати говоря, сверх штата, то есть без денежного содержания.

Впрочем, по поводу жалования проблем нет: отчим вполне способен содержать пасынка. Но остаются другие вопросы. Например, с какой скоростью оформляется перевод подпоручика из одного ведомства в другое. Буквально за один день.

Даже через много десятилетий, в конце века, когда, наконец, придет осознание важности работы военных разведчиков под дипломатическим прикрытием, эта процедура будет связана с огромными формальностями и канцелярской волокитой.

Сначала подбирался кандидат на должность тайного военного агента. Об этом доносили начальнику Главного штаба. Тот докладывал военному министру. Глава ведомства обращался к коллеге— министру иностранных дел. В свою очередь глава МИД спрашивал мнение посла. Потом документы шли в обратном порядке. Если МИД не возражал, военный министр обращался к государю, чтобы получить «высочайшее соизволение».

После получения оного кандидату предлагалось подать прошение об отставке. Как только отставка становилась свершившимся фактом, подавалось прошение о зачислении на службу в Министерство иностранных дел. После кандидат несколько месяцев знакомился с новыми обязанностями. В общем, столь длительная и сложная процедура могла тянуться месяцами, а то и годами.

Что ж, возможно, в начале века оформление и отправка за границу тайного агента еще не была столь забюрократизирована. Однако наиболее вероятным кажется совсем другое: нашелся-таки мудрый и толковый руководитель, который сумел оценить явную выгоду и перспективность складывающейся ситуации. Действительно, сердобольная мать, в данном случае Екатерина Ивановна Шиллинг, не желает отпускать далеко от себя любимого сыночка, оставлять его одного в Петербурге. Что ж, вполне жизненная картина. Ну, кто разглядит в этом юноше разведчика? Легенда, как говорится, «железная». Отсюда и спешность, с которой подпоручик Шиллинг превратился в «канцелярского служителя».

Возможно, идея эта принадлежала самому генералу Сухтелену. Ведь в ту пору Петр Корнильевич руководил квартирмейстерской частью русской армии, и заниматься разведкой входило в его непосредственные обязанности. Но, так или иначе, человек, принявший это решение, не просчитался.

Девять лет провел Павел Шиллинг в Мюнхене. Трудился при отчине, но когда Яков Бюлер получил новое назначение в Петербург, а вместо него приехал князь Барятинский, также остался служить при дипмиссии. Видимо, полезным оказался «канцелярский служитель». И это еще одно доказательство в пользу деятельности Шиллинга в качестве разведчика-«крышевика».

И все-таки, чем же конкретно занимался все эти годы Павел Львович в Баварии? «Разными художествами и общепользными ремеслами», — отвечал на подобный вопрос его друг Н.И. Греч. Что тут скажешь? Звучит несколько странно для современного человека, и потому следует заметить, термин «художество» в ту пору имел иную окраску, и означал не что иное,

как изобретательство.

Одну из важнейших задач, которую удалось решить Шиллингу за границей, было обретение русским Генеральным штабом секрета литографии. Об этом весьма заботились генералы А. Аракчеев и М. Волконский. Они прекрасно понимали ценность литографического способа размножения на бумаге чертежей и рисунков, который изобрел Алоиз Зенефельдер.

Шиллинг знакомится с изобретателем, и вскоре секрет становится известным Павлу Львовичу, а потом и руководителям военного ведомства Российской империи. Шиллингу так же удалось добыть литографические камни, с помощью которых изображение переносилось на бумагу. Вскоре такие камни были найдены и в России. А Генеральный штаб наладил выпуск топографических карт именно передовым литографическим способом.

К тому времени, когда молодой подпоручик сменил военный мундир на форменное платье канцелярского служителя, в соседней Франции в самом разгаре шли работы по совершенствованию аэростатов, которые Наполеон хотел применить в ходе военных действий.

Франция в те годы шагнула далеко вперед в развитии воздухоплавания. Профессор Шарль и Робертс стартовали с парижского Марсова поля и поднялись на высоту 2000 м. Бланшар предпринял путешествие и благополучно пересек Ла-Манш. В 1783 году лейтенант Менье представил Парижской академии наук свое сочинение: «О применение аэростата в военных целях». И вот это более всего беспокоило Россию.

Павел Шиллинг внимательно следил за французскими работами по воздухоплаванию. Л когда Наполеон, разочарованный неудачами изобретателя Франца Леппиха приказал арестовать его, в российском посольстве в Мюнхене тайно выдают паспорт воздухоплавателю и доставляют его в Москву. В этой операции самое активное участие принимает и Шиллинг.

Однако Павел Львович, как истинный разведчик-«крышевик», будучи человеком высокообразованным, не только отслеживает появление научно-технических изобретений, добывает их и переправляет на Родину, но и сам активно занимается «художествами». Именно ему принадлежит изобретение электрического способа подрыва мин.

Познакомившись в Мюнхене с создателем электролитического телеграфа С. Земмерингом, Павел Львович увлекся электротехникой и принял участие в его опытах. А в 1811 году сам сделал крупнейшее

научное открытие — изобрел новый способ подрыва минных зарядов. Об этом Земмеринг написал в своем дневнике. Он отметил, что Шиллинг приходил к нему несколько раз, «желая сообщить свой план взрывать мины».

Свое изобретение Павел Львович продемонстрировал уже после возвращения в Россию осенью 1812 года в Петербурге. Свое новое оружие (подрыв мин под водой реки Невы) он демонстрирует в присутствии императора Александра I. Изобретение было, безусловно, уникальным, оно обогнало свое время. Достаточно сказать, что пройдет более четверти века, прежде чем английские ученые применят электричество для подрыва подводной мины. Но тогда в 1812 году опыты Шиллинга не были по достоинству оценены и поняты морским ведомством.

Главной научной и технической заслугой Шиллинга считается создание первого в мире электротелеграфа. Уже в 1832 году этот аппарат передал текст телеграммы, написанной лично императором Николаем I.

Кроме увлечений техникой и изобретениями Павел Львович Шиллинг организовал разведывательную и научную экспедицию в Сибирь «для обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ Китая». Оттуда он привез большую коллекцию редких карт, маньчжурских, японских, тибетских рукописей, которые и доселе имеют большое историческое, военное и культурное значение.

Кстати говоря, в эту экспедицию очень хотел поехать Александр Пушкин. Он даже написал стихи, в которых высказывает желание:

Поедем, я готов; куца бы вы друзья,
Куца б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножью ль стены далекого Китая...
В кипящий ли Париж...

Увы, Пушкину не суждено было отправиться в «далекий Китай». Граф А.Х. Бенкендорф сообщает поэту об отказе императора Николая I включить его кандидатуру в состав экспедиции.

А закончить рассказ об удивительном человеке — бароне Павле Львовиче Шиллинге-Канштадте хотелось бы еще одним напоминанием. Современники барона знали, что он служил в Министерстве иностранных дел. Но вот то, что Шиллинг руководил одним из самых тайных

подразделений внешнеполитического ведомства, так называемой цифровой экспедицией, ведомо было только самому узкому кругу людей.

Экспедиция занималась практической криптографией, зашифровыванием текстов и их расшифровкой. Сам же барон Шиллинг имел высокий чин действительного статского советника, что было равнозначно генеральскому званию, и вошел в историю, как крупный специалист-криптограф, создатель шифра, которым пользовались в России практически до начала XX века.

Вот, собственно, и все, что хотелось бы поведать читателю о бароне Павле Львовиче Шиллинге-Канштадте. А теперь сами судите, может ли он претендовать на роль если не первого, то, по крайней мере, одного из первых разведчиков-«крышевиков», работавших в далеком XVIII веке.

Военная разведка: взгляд на Восток

В предыдущих главах мы рассказали о том, как Барклай-де-Толли в преддверии войны с Наполеоном перестроил всю систему организации военной разведки: создал центральный орган — «Экспедицию секретных дел», развернул собственные регулярные разведывательные силы за рубежом, назначив в дипмиссии кадровых офицеров, среди которых был и первый «крышевик» Павел Граббе. Отдельно поговорили и о деятельности барона Шиллинга. Теперь пришло время узнать, каким образом развивалось «крышевое» направление в разведке в послевоенные десятилетия.

Сразу надо сказать, что та модель развития, которую предлагал Барклай-де-Толли поддержки у руководства военного ведомства не получила. Хотя, как показывает время, она была единственно верной. Ведь и до сих пор наша стратегическая разведка построена на тех же барклаевских принципах: центр и разведсилы за границей, состоящие из трех элементов — легальные военные агенты (военные атташе при посольствах), «крышевик» (разведчики под прикрытием) и нелегалы.

Однако тогда, после войны 1812 года и заграничных походов, армия была переведена на штаты мирного времени, система центрального управления подверглась преобразованиям. Утвердили Главный штаб Его Императорского Величества, в состав которого вошло и Военное министерство. «Сбор статистических данных и сведений об иностранных государствах» вменялся в обязанности первого отделения управления генерал-квартирмейстера. Словом, все вернулось на круги своя: отдельного центрального органа разведки, как и в добарклаевские времена, не существовало, зарубежные силы также отсутствовали. Реально стратегическую разведку в Военном министерстве, или теперь в Главном штабе, вести было некому.

Занимались ею, как и прежде, ни шатко ни валко чиновники Министерства иностранных дел. Впрочем, надо отметить, что такому положению вещей сопутствовала и сама военно-политическая обстановка в Европе. После разгрома «Великой армии» Наполеона у Российской империи долгое время отсутствовал сильный внешний противник, который мог бы угрожать безопасности страны.

Да и к тому же военные идеи Барклая-де-Толли в отношении построения разведки оказались столь прогрессивными и новаторскими,

опережающими свое время, что попросту не были поняты и осознаны современниками. Даже те, кто принимал непосредственное участие в «проекте Барклая», как, к примеру, полковник Александр Чернышев, возглавив впоследствии военное ведомство, оставался в плену старых представлений.

Справедливости ради, надо отметить, что начальник Главного штаба князь Михаил Волконский в 1818 году поставил перед управлением генерал-квартирмейстера важнейшую задачу — создать «Общий свод всех сведений о военных силах европейских государств». С целью сбора этих сведений за границу были посланы два офицера — в Париж — полковник Михаил Бутурлин и в Баварию — поручик Вильбоа. Однако их миссия не увенчалась успехом. Работа по составлению «Свода» так и не была завершена.

Практически в это же время, а точнее в 1819 году, командир отдельного Грузинского корпуса генерал Алексей Ермолов организовал экспедицию в Туркмению и в Хиву. Это говорило о том, что Российская империя внимательно смотрела не только на Запад, но и на Восток. Хива, Бухара, Коканд, туркменские земли, Персия, Афганистан, Османские территории, все они располагались у границ империи и, безусловно, имели стратегическое значение.

Продвигаться на Восток Россия вслепую не могла и потому впереди шла военная разведка. Однако деятельность ее в корне отличалась от работы в европейских условиях.

Военные агенты, которые были опробованы Россией еще в 1810–1812 годах в ведущих европейских странах, а с 1856 года стали работать на постоянной основе, к сожалению, не могли оказаться на Востоке. Даже в начале XX века Российская империя не имела там своих официальных военных представителей. Почему? В первую очередь потому, что во многих землях не было централизованной власти. К тому же руководство империи воспринимало эти регионы не в качестве равных себе, а скорее второстепенных. Кроме того, международное европейское право, относительно дипломатов здесь, как правило, не действовало, и они реально рисковали здоровьем и жизнью. Тем более если дипломат оказывался не мусульманином. Были и иные объективные причины. Поскольку офицеров, которые занимались разведкой, непосредственно в военных учебных заведениях той поры не готовили, и у них отсутствовала специальная подготовка, они, как правило, не знали восточных языков, работать им на Востоке было крайне трудно.

Тем не менее интеграция восточных территорий в имперское

пространство продолжалась как дипломатическим, так и военным путем. И коли использовать военных агентов как организаторов разведки в этих землях не представлялось возможным, военное руководство искало другие формы и методы добывания разведывательной информации. И среди них, военно-научные и военно-дипломатические. Разумеется, задачи, в первую очередь, ставились военные.

И они, как правило, предшествовали началу боевых действий. Однако когда территории уже были захвачены и присоединены к империи, научная составляющая выходила на первый план. Ведь надо было изучать новые, «освоенные» земли, описывать их, наносить на карты.

Что касается военно-дипломатических миссий, то их, как правило, возглавляли офицеры Генерального штаба. Но даже если экспедицией руководил штатский дипломат, в состав миссий всегда включались военные специалисты, чаще всего геодезисты, топографы, картографы.

В период своего пребывания в стране они собирали сведения, как политического, так и военного характера. Более того, в своем отчете участники экспедиции должны были дать не просто топографическое или геодезическое описание местности, но военностатистический отчет с анализом обстановки в стране и обязательно с докладом по дислокации и вооружению армии и флота.

Первую военно-дипломатическую экспедицию после войны 1812 года организовал генерал от инфантерии Алексей Ермолов. Общее руководство ею осуществлял Елисаветпольский окружной начальник майор Пономарев, но исполнение основных задач командир корпуса возложил на офицера Генерального штаба капитана Николая Муравьева.

Участникам миссии предстояло составить карту восточного берега Каспийского моря, провести разведку полезных ископаемых, изучить пути движения в Индию, наладить торговые и дипломатические отношения с туркменами. Второй этап — проникновение капитана Муравьева в Хиву, встреча с ханом и установление отношений с хивинцами. Разумеется, в ходе всего путешествия предстояло вести разведку, как туркменских, так и хивинских земель.

Генерал Ермолов прекрасно понимал: миссия такого рода трудна и опасна. На путешественников могли напасть по дороге (они везли дорогие подарки хану), заподозрить в них шпионов (как, в сущности, и случилось), и потому людей в экспедицию подбирали с особой тщательностью. Капитан Муравьев весьма подходил для этой цели.

Он родился в семье военного. Отец его до поступления на военную службу окончил Страсбургский университет, обладал блестящими

математическими способностями. Любовь к точным наукам унаследовал и Николай Муравьев-младший. А еще он проявил большое стремление к овладению иностранными языками. В детстве и юности освоил польский, французский, английский и немецкий. Позже изучал восточные языки — турецкий, татарский, туркменский. Интересовался персидским и арабским. Кроме того, Николай отменно рисовал, играл на нескольких музыкальных инструментах.

Познания его в математике были столь хороши, что 16-летним прапорщиком Муравьев преподавал в школе колонновожатых геометрию и фортификацию.

Весной 1812 года его направили в действующую армию. Он принимал участие в Бородинском сражении, в боях под Тарутином, под Вязьмой и на Березине. Гнал французов на запад, бился при Кульме. За успешные действия под Лейпцигом был произведен в поручики.

После войны Николай Муравьев стал офицером Генерального штаба. В 1815 году получил чин штабс-капитана.

Через два года он включен в состав посольства, которое возглавляет генерал Ермолов. После этой поездки в Персию командир корпуса поручает Муравьеву убыть с миссией в Туркмению и Хиву.

Для того чтобы понять меру опасности, которой подвергся капитан, и ценность исследований достаточно затянуть в его записки, которые были изданы в 1822 году в России, а потом и за рубежом на французском, английском и немецком языках. Уже оглавление этой книги говорит о многом. Приведем названия некоторых глав: «Путешествие в прибрежную Туркмению», «Путешествие в Хиву и пребывание в ханстве Хивинском», «Обратный путь», «Общее обозрение Хивы», «Междоусобная война в Хивинском ханстве», «Перемена прежнего правления, водворение самовластия, нрав властителя и нынешнее управление Ханства», «Ходячие монеты, взимание податей, состояние финансов, общая промышленность и торговля хивинцев», «Нравы, вероисповедание, обычай и просвещение узбеков». Одна из основных, центральных глав повествует о «военном состоянии Хивинского ханства».

Так что даже по перечню глав можно судить об огромной военно-научной работе, которую провел капитан Муравьев.

А была ведь еще и дипломатическая часть — не менее важная и ответственная.

Но чтобы понять все это, надо возвратиться к началу экспедиции и хотя бы коротко пройти путь в Туркмению и Хиву вместе с разведчиком Николаем Муравьевым.

Сам Николай Николаевич позже напишет: «Исполнение намерения своего вступить в дружеския сношения с туркменами, господин Главнокомандующий возложил на Елисаветпольского окружного начальника господина майора Пономарева, а мне, как офицеру Генерального штаба поручено было, обзрев с ним вместе восточные берега Каспийского моря, следовать в Хиву для сношения с владельцем оной и описания того края. По сему поводу я был на берегах туркменских и в Хиве».

Для экспедиции выделили два судна: корвет «Казань» и шкуот «Святой Поликарп».

24 июля миссия двинулась в путь и через четыре дня прибыла к туркменским берегам. Полтора месяца обследовал Муравьев побережье, уходил вглубь туркменских земель, вел переговоры со старейшинами.

Вот лишь некоторые из его впечатлений, которые он положил на бумагу. «Вдруг сильный ветер поднялся с моря, отплыв с полверсты от берега, мы не могли идти далее, волна заливала нас, Юрьев предлагал воротиться; я решился, и мы опять привалили к берегу на ночлег. Мы были без хлеба и без воды, к тому ж опасались внезапного нападения от туркменов — для чего вытащив два флаконета на берег, заняли два бугра, обзавелись цепью, и таким образом, расположились ночевать.

30 июля. Положение наше час от часу становилось неприятнее: бурун не уменьшался, сухари приходили к концу; жажда усиливалась, л/оды стали употреблять морскую воду; обмакивая в нее остальные сухари свои».

О том, сколь непросто было договариваться с местными туркменами, Николай Николаевич записал следующее: «Вскоре наехало к нам человек восемь гостей, — которых мы накормили пловом и старались угостить; но когда дело дошло до отправления Петровича (один из членов экспедиции. — М.Б.) к Киату (начальник над несколькими туркменскими старшинами. — М.Б.), то Назар Мерген (старшина местного кочевья), согласившийся прежде проводить его за три червонца, стал отказываться, и просил пять, а наконец и десять. Пономарев, выведенный из терпения, отослал всех с корвета...»

Вот в таких условиях, несмотря на все трудности, Муравьев упорно делал свое дело: на выдолбленном из дерева туркменском челне обследовал устье реки Горган. Затем на корвете перешел в Красноводский залив, исследовал его с моря и с суши и обнаружил, что остров Дарджа, нанесенный на карту экспедицией М. Войновича в 1782 году, превратился в полуостров.

«Читая путешествия российской эскадры, под командой графа

Войновича, — записал в своем дневнике капитан, — я нашел описание серебряного бугра, совершенно не согласным с тем, что сам видел: там сказано, что серебряный бугор есть остров. Острова нет».

Когда исследования в туркменских землях были завершены, Муравьев отправился в Хиву. Он еще не знал, что все его злоключения, опасности, волнения впереди.

«Сентября 19. Я оставил берег и отправился в степь, — пометил Муравьев. — При мне находились только переводчик армянин Петрович и денщик мой. Недостаток в людях заменил я добрым штуцером, пистолетом, большим кинжалом и шашкою, которые во всю дорогу с себя не снимал».

Николай Николаевич неспроста запасся «добрым штуцером и пистолетом», а также холодным оружием. Он присоединился к каравану, который шел в Хиву.

На третий день они вступили в совершенно безлюдную степь. Не все караванчики относились по доброму к русскому пришельцу. Приходилось скрывать свое истинное имя.

«Во время поездки моей ходил я в туркменском платье, и называл себя турецким именем Мурад-бек, сие имело для меня значительную выгоду потому; что хотя меня все в караване знали, но при встречах с чужими, я часто слыл за туркмена, поколения Джафарбай, и тем избавлялся от вопросов любопытных», — вспоминал Муравьев.

В дороге были семнадцать дней. 6 октября капитана Муравьева встретили чиновники, которых послал хан. Они препроводили путников в маленькую крепость, как сам Николай Николаевич, называл ее «крепостцу», что располагалась в деревне Иль Гельда.

В первый день гостей напоили чаем с сахаром, накормили пловом и поместили в комнату под охрану. Поначалу Муравьев принял это за «почесть», но вскоре понял: он оказался в плену. Ему сказали, что хан примет его завтра, 7 октября. Но, ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю его никто не принял.

«Меня почитали за лазутчика, — напишет позже Николай Николаевич, — обращение со мной становилось всякий день грубее, пищи умереннее, чай перестали давать, так же и дрова для варения пищи... Присмотр за мной сделался строже и мне не позволяли даже на минуту отлучаться из комнаты без двух сторожей».

Проходили дни, недели, и капитан Муравьев готовился либо к «томительной неволе», либо к «позорной и мучительной казни». Он даже помышлял о побеге и лучше желал умереть на свободе с оружием в руках, если бы его нагнали в степи.

46 дней продолжалось заключение Николая Муравьева. Наконец, хан потребовал к себе посланника.

Хану были вручены подарки и письмо Ермолова. Переговоры прошли быстро. Муравьеву удалось убедить хана, что он прибыл с целью установления дружественных и торговых контактов между Хивой и Россией. Разногласия вызвали только пути, по которым должны двигаться караваны к Каспийскому морю. 21 ноября Муравьев отправился в обратный путь.

Генерал Алексей Ермолов так оценит деятельность своего посланника: «Гвардейского генерального штаба капитан Муравьев, имевший от меня поручение поехать в Хиву и доставить письмо тамошнему хану, несмотря на все опасности и затруднения, туда поехал. Ему угрожали смертью, содержали в крепости, но он имел твердость, все вытерпев, ничего не устранившись, видел хана, говорил с ним... Муравьев, есть первый из русских, в сей дикой стране, и сведения, которые передал нам о ней, чрезвычайно любопытны».

За успешное выполнение задания Николай Муравьев был произведен в подполковники, а потом и в полковники. В 1822 году он станет командиром карабинерного полка. Позже возглавит вторую длительную экспедицию в Туркмению.

Потом будут бои с персиянами, присвоение звания генерал-майора. Муравьева назначат командиром гренадерской бригады Кавказского корпуса.

В войне с Турцией войска под командованием генерала Муравьева возьмут считавшуюся неприступной крепость Карс, потом крепость Ахалцых и, наконец, крепость Байбут.

В 1831 году он участвует в подавлении польского восстания, получает чин генерал-лейтенанта и должность командира дивизии.

Через год император Николай I посылает его в Александрию и в Константинополь. Обострились отношения между Египтом и Турцией, вспыхнул вооруженный конфликт. Мало кто верил в благополучный исход дипломатии Муравьева. Но генерал блестяще справился с поставленной задачей — он убедил турецкого султана в дружелюбии России, а затем вынудил египетского пашу отдать приказ о прекращении военных действий.

За заслуги в этой миссии Муравьева производят в генерал-адъютанты. Однако из-за разногласий с императором Николаем I в 1837 году он лишен этого звания и уволен со службы. Через десять лет о нем вспомнили и вновь позвали на службу Муравьев — командир корпуса, участвует в

походе в Венгрию.

В 1854 году Англия и Франция объявляют войну России. И опытный, смелый военачальник Муравьев, хорошо знающий южный театр военных действий, становится наместником на Кавказе и главнокомандующим отдельным кавказским корпусом.

После нескольких месяцев взята крепость Карс — ключ к Востоку. Это была крупная победа русской армии. Муравьев к своей фамилии получает почетную приставку — «Карский».

Добывать сведения «по части военной»

В 1827 году управляющим военным министерством назначается генерал-лейтенант Александр Иванович Чернышев. Он получает звание генерала от кавалерии и в следующем году становится управляющим Главного штаба. Его вводят в Государственный совет. Таким образом, с 1828 года князь Чернышев сосредоточил в своих руках всю военную власть. Начинается 25-летний период его правления военным министерством.

Только в 1852 году Александр Чернышев уволится в отставку со своего поста по состоянию здоровья. Притом что за ним будут сохранены другие государственные посты, такие как должность председателя Государственного совета и комитета министров — высшие в империи.

Александр Иванович уйдет со своего высокого поста с большим почетом. К тому времени он будет удостоен огромного количества всевозможных наград: российских и иностранных орденов, денежных поощрений, рескриптов государя императора, в которых выражалась признательность и благодарность за его деятельность. Ему пожаловано во владение имение «Кленова», находящееся в царстве Польском и приносящее солидный доход. Он был введен в княжеское достоинство.

Двум полкам Санкт-Петербургскому уланскому и Кабардинскому егерскому, приказали именоваться полками генерал-адъютанта князя Чернышева. Александра Ивановича наградили портретом Его Императорского Величества, украшенным алмазами, для ношения в петлице.

26 августа 1852 года, в день 25-летнего управления военным министерством, Чернышев был уволен от должности, получил благосклонный рескрипт Государя, в котором сообщалось о назначении его сына Льва флигель-адъютантом. Одновременно Александру Ивановичу пожаловали казенный дом в Петербурге, который он занимал, а министр финансов получил распоряжение выплачивать из государственного казначейства необходимые средства на содержание дома.

Так завершилась четвертьвековая деятельность светлейшего князя Александра Ивановича Чернышева на посту военного министра. Напомним было это в 1852 году. А в следующем 1853 году началась Крымская война, в которой Российская империя потерпела поражение, потеряла более полумиллиона человек, Черноморский 2* 35 флот и в марте 1856 года

пошла на заключение тяжелого для нее Парижского мира.

А что же светлейший князь Чернышев? Весной 1855 года он уехал лечиться за границу, а в 1857-м скончался в Италии. Итоги его деятельности на посту военного министра пришлось пожинать последователям. И, как показала война, итоги эти оказались плачевными.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, что за эти долгие два с половиной десятка лет Чернышев ничего не сделал для преобразования армии. Список его реформации велик: тут и преобразование центрального военного управления, определение новой структуры министерства, учреждение академии и кадетских училищ, изменение системы провиантских заготовлений.

Занимался министр и перевооружением армии: на смену кремневому оружию пришло ударное. Совершенствовались конструкции пушек, создавалась горная артиллерия. Строились новые крепости и укрепления.

Однако, сколько бы мы не перечисляли реформы князя Чернышева, в конечном итоге, готовность армии проверяется в бою. И такую проверку русской армии, а стало быть, и длительной работе министра на своем посту, устроила Крымская война. А здесь мы потерпели поражение. В результате России запрещалось держать военный флот на Черном море, она отказалась от протектората над Молдавией и Валахией и притязаний на «покровительство» православным подданным Турецкой империи, а также от «свободы плавания по Дунаю», что означало лишение доступа к его устью.

Это тяжелое поражение значительно ослабило влияние России как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Она утратила последние следы европейской гегемонии, обретенной после победы над Наполеоном.

Кто же повинен в том, что за сорок лет Российская империя, по сути, уступила свои ключевые позиции Англии и Франции?

Разумеется, прежде всего, император, как Александр I, так и Николай I, и их ближайшие сподвижники, среди которых особым доверием пользовался князь Чернышев. Он долгие годы отвечал за военное строительство в государстве и подготовку армии к будущей войне. В его ведении была и военная разведка. Что же происходило с ней в период между окончанием войны 1812 года и началом Крымской войны 1853–1856 годов?

Александр Иванович так и не решился на коренную перестройку военной разведки, хотя верный путь, по которому следовало идти, указал ему еще Барклай-де-Толли. Видимо, от того бравого полковника Чернышева, который был нашим первым военным агентом в Париже и

прослыл смелым и удачливым разведчиком, через полтора десятка лет мало что осталось. Теперь он был обременен высокой должностью, наградами, милостью государя, и ломать старую систему разведки не желал.

Впрочем, нельзя сказать, что он вовсе оставался равнодушным к разведывательным делам. С большой долей вероятности можно утверждать, что Чернышев понимал всю ущербность получения разведданных через Министерство иностранных дел, и это беспокоило его.

Так в 1830 году он обращается к императору Николаю I и просит его дать указание собирать сведения об открытиях, изобретениях и усовершенствованиях «как по части военной, так и вообще по части мануфактур и промышленности». Предписывалось немедленно «доставлять об оных подробные сведения». Что, собственно, государь и делает.

Интересна реакция министра иностранных дел, опытного и хитрого Карла Нессельроде. Он сослался на большую загруженность посольств дипломатическими делами, да еще и отсутствием соответствующих технических знаний у его подчиненных. И тут же предложил переложить обязанности по добыванию сведений «по части мануфактуры и промышленности» на заграничных представителей Министерства финансов. Более того, изворотливый Нессельроде, даже подобрал конкретные кандидатуры чиновников. Министру финансов ничего не оставалось, как согласиться с МИДом.

К сожалению, разведку и добывание сведений «по части военной» Карлу Васильевичу перевалить было не на кого. Главный штаб своих представителей за рубежом не имел, да и МИД издавна поставлял сведения военного характера.

Чернышев тем не менее не успокоился. В 1832 году он инициировал обращение великого князя Михаила Павловича в российские дипломатические миссии за границей. Михаил Павлович, будучи генерал-инспектором по инженерной части, поддержал военного министра и дал указание послам добывать открытую и секретную литературу, документы по инженерному делу «долговременной и полевой фортификации, атаке и обороне крепостей, военностроительному и понтонному искусству».

Неверно было бы утверждать, что посольские чиновники вовсе игнорировали указания императора и Великого князя. Некоторые сведения, документация, а иногда и образцы оружия поступали в Россию.

Так в 1832 году российскому посольству в Париже удалось приобрести чертежи новых лафетов для пушек французской полевой артиллерии, а через три года — чертежи и описание зажигательных ракет, ударного ружья

и пушек осадной, береговой и горной артиллерии.

Из Вены, в 1834 году, российские диппредставители сообщили о новом ударном механизме для огнестрельного оружия, изготовленном австрийским изобретателем Цейлером.

В 1835 году генеральный консул России в Гамбурге Р. Бехерахт сумел купить в Бельгии модели орудия, ружья новейшего образца и модель телеграфа. Добытые покупки были признаны весьма ценными, и консул удостоился «за усердную службу» ордена Св. Анны 2-й степени.

В том же году в Париже удалось приобрести образцы новых ружейных стволов, а также документацию по производству пушек на заводе в Тулузе.

Примерно таким же образом, добывалась и военно-политическая информация. Военному министерству приходилось довольствоваться теми отрывочными и далеко нерегулярными сведениями, которые поставляли чиновники МИДа из-за границы. И обязанности «по собиранию статистических сведений об иностранных государствах» понимались как обработка информации, поступающей из посольств.

В эти годы реальными источниками поступления развединформации были разве что флотские офицеры, выезжающие в командировки за границу. Так в сентябре 1829 года для изучения новейших достижений в кораблестроении в Соединенные Штаты Америки был командирован капитан 1-го ранга Александр Авинов.

Александр Павлович, потомственный дворянин. Родился в семье кавалерийского подпоручика. В десять лет его дядя вице-адмирал Н. Скуратов определил юного Сашу в Морской кадетский корпус. С тех пор вся его жизнь была связана с морем.

В 1801 году вместе с будущими адмиралами Михаилом Лазаревым и Михаилом Станюковичем для практического изучения морского дела был послан в Англию. Под командой легендарного адмирала Нельсона участвовал в Трафальгарском сражении, попал в плен. После возвращения на родину служил на Балтике, находился в плавании у берегов Голландии и Англии.

В 1819 году Александр Авинов отправился в кругосветное плавание на шлюпе «Открытие».

С 1823 по 1827 год командовал кораблем «Гангут», участвовал в Наваринском сражении. «За храбрость, присутствие духа и усердие» был произведен в капитаны 1 — го ранга и удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени.

Через два года его назначают командиром 110-пушечного корабля «Император Петр I», но постоять на его капитанском мостике Александру

Павловичу не удалось. Авинова направили в США. Официальная цель поездки — покупка парового корвета новейшей конструкции. Разведздание — изучение американской системы судостроения.

Обе поставленные задачи были выполнены успешно — приобретен корабль «Кенигстон», на котором Авинов и возвратился домой. Ему дадут новое название — «Князь Владимир», и корвет станет флагманским кораблем Балтийского флота.

С не меньшим интересом ждали на Родине и доклада адмирала о новейших технологических новинках в области кораблестроения США. Александр Павлович не подвел: он накопил большой научный и практический материал, чертежи, специальную литературу.

В 1837 году в США был командирован капитан II ранга Иван Шанц. Прежде чем попасть в Америку, Иван Иванович прошел большой путь во флоте Российской империи. Служил на галете «Аглая», тендере «Атис», бриге «Ахиллес», фрегате «Патрикий», командовал шхуной «Лизетта».

С 1828 по 1831 год Шанц участвовал в третьей Архипелагской экспедиции на линейном корабле «Фер-Шампенауз», командовал флюгером «Ораниенбаум». Весной 1834 года его назначили командиром военного транспорта «Америка». На нем он и совершил кругосветное путешествие.

Возвратившись из плавания, Иван Иванович получил звание капитана II ранга, а через два года и капитана I ранга.

Итак, Шанц отправился в США, чтобы состоять при постройке на верфи Вильяма Брауна в Нью-Йорке самого современного фрегата «Камчатка». Однако он не засиживался на верфи. Ведь у него были и другие, не менее важные разведздания. Позже, в мае 1838 года, Иван Шанц доложит русскому посланнику в США А. Бодиско:

«Чсть имею представить Вашему Превосходительству ведомость по чертежам и моделям, собранным мною здесь в течение шести месяцев. В одной так же показаны некоторые предметы по части морской, о которых я старался сделать свои замечания».

Далее он сообщает послу, что «для обозрения казенных Адмиралтейств и главных купеческих верфов» посетил Бостон, Нью-Йорк, Филадельфию, Балтимор, Вашингтон и Норфолк. «Для испытания качеств здешних морских пароходов, шел я в декабре на пароходе из Норфолка в Шарлстон, и дабы познакомиться с управлением мелкими шхунами Балтиморскими, отправился на одной из таковых из Шарлстона в Вест-Индию». В общем, следует отметить, что Иван Шанц изучал флот США основательно.

Возвратившись на построенном фрегате «Камчатка» в Кронштадт,

Иван Иванович привез с собой большое количество чертежей и моделей судов различного класса, материалы и документы о различных американских технических новинках, даже весьма далеких от армии и флота: описание мельниц, машин для изготовления чертежей.

В дальнейшем он будет продолжать свои командировки и станет крупнейшим специалистом-кораблестроителем. Под его наблюдением построят фрегаты «Рюрик» и «Олаф», корвет «Калевала», канонерскую лодку «Стерлядь».

Действительно, командировки флотских офицеров приносили несомненную пользу нашему Отечеству. Однако надо признать, они также носили единичный, эпизодический характер. Припомним, между поездками Авилова и Шанца в США — восемь лет! Словом, морское министерство, как и их коллеги из военного ведомства, довольствовались в основном тем, что им поставлял МИД.

В 40-е годы XIX века разведывательные задачи иногда возлагались на военных представителей императора, которые на основе двусторонних договоренностей прикомандировывались к главам иностранных государств. Назывались эти офицеры не «военными агентами», а «корреспондентами Военного министерства» или «военными корреспондентами». Правда, они тоже не делали погоды, ведь их было мало — всего два-три человека. Да к тому же работали они в западных странах. Что же касается Востока, то военное ведомство Российской империи по-прежнему применяет такую форму «крышевой» разведки, как военно-научные и военнодипломатические экспедиции. Одной из первых таких экспедиций после двадцатилетнего перерыва стало путешествие капитана Прокофия Никифорова в Хиву в 1841 году. В этом же году в Бухару был послан подполковник Константин Бутенев.

О них наш рассказ в следующей главе.

«Временные агенты»

Именно так назвал капитана Генерального штаба Прокофия Никифорова и подполковника Константина Бутенева военный министр генерал-адъютант граф Александр Чернышев.

На дворе стоял 1841 год. Никифоров собирался с миссией в Хивинское ханство, а Бутенев — в Бухарское. С конца XVIII века Российская империя желала спокойствия и стабильности в этих приграничных государствах. Однако племена киргиз-кайсаков занимались грабежами, угоном скота и захватом людей в рабство, с целью их продажи. А это означало, что из-за подобных инцидентов в оренбургском пограничье шла непрерывная пограничная война между казаками и местными кочевыми племенами. Известный историк В.О. Ключевский называл ее «войной, не прекращающейся ни на минуту в течение 150 лет».

Некоторая стабилизация обстановки произошла во второй половине XIX века, что, скорее всего, было связано с экспедицией полковника Генерального штаба Ф. Берга, предпринятой в 1825 году. Хивинские ханы восприняли эту миссию, как военную. После этого в течение нескольких лет наши купцы, торговавшие с Бухарой, не подвергались притеснениям и нападениям. Однако уже в 1835 году в Хиве находились несколько сот русских пленных. Возобновились грабежи караванов и разорение земель киргизов и туркмен — подданных Российской империи.

В ответ на это были арестованы хивинские подданные, проживающие в юго-восточных землях империи, их товары и имущество конфисковали. Хивинские ханы в 1837 году возвратили 25 пленных, потом еще 80, но участились грабежи и захваты на Каспийском море. В плен попали 200 рыбаков.

Терпеть подобное более было невозможно. Разбоям следовало положить конец, хивинских ханов наказать. И тогда в высших военных и государственных кругах империи замышляется военный поход на Хиву. Его инициирует Оренбургский генерал-губернатор Василий Перовский. В докладе на имя императора от 7 февраля 1839 года он указывает, что поход должен стать демонстрацией силы и такая мера воздействия будет достаточной для достижения целей и окончательного смирения Хивы. Он предлагает царю «предприятие это стараться разгласить, и один страх уже мог бы дать выгоднейший для нас оборот».

Собственно, так и произошло. Сам поход 1839–1840 годов военного

успеха не имел, он оказался неудачным, но, несомненно, явился мощной демонстрацией силы.

В марте 1839 года собрался специальный комитет в составе вице-канцлера, министра иностранных дел Карла Нессельроде, военного министра Александра Чернышева и Оренбургского генерал-губернатора Василия Перовского. Он пришел к выводу, что следует осуществить военную экспедицию в Хиву, дабы восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии.

Поход начался в ноябре 1839 года. В отряде Перовского было 5325 человек, 22 орудия и 4 ракетных станка. В обозе насчитывалось до 10 тысяч верблюдов.

Предприятие закончилось неудачно не потому, что перовцам противостоял сильный противник. Но вот зима 1839–1840 года оказалась крайне суровой.

Однако многие историки и исследователи Средней Азии подчеркивают, что геополитические итоги похода Перовского значительно более важны, нежели военные. Наконец руководство империи обратило серьезное внимание на азиатские дела. Что же касается Хивы, то местные ханы осознали грозящую им опасность и отношения с Россией стали более дружественными.

После Хивинского похода правительство империи постаралось закрепить достигнутые успехи дипломатическим путем. И тогда в Хиву была снаряжена экспедиция под командой капитана Генерального штаба Прокофия Никифорова.

Как мы уже сказали, наряду с хивинской миссией в Бухару отправлялся подполковник Бутенев. Однако у него были другие задачи. И связаны они с тем, что отношения России с Бухарой развивались иначе, чем с Хивинским ханством. С приходом к власти династии Мангыт они значительно активизировались. Посольские связи укрепились и позже, при эмире Хайдаре (первая четверть XIX века) и его последователе Насрулле, который правил с 1827 по 1860 год. И пусть Российская империя, более занятая европейскими делами, не проявляла особого интереса в отношении Бухары, однако все бухарские посольства слышали от высокопоставленных чиновников в Санкт-Петербурге заверения в дружбе и желании развивать торговлю.

В 20-е годы слова стали превращаться в дела. В 1820–1821 годах ко двору эмира прибыло русское посольство во главе с действительным статским советником А. Негри. В состав посольства входили не только крупные натуралисты того времени Э. Эвереман и Х. Пандер, но и

офицеры Генерального штаба.

Пока Негри заверял эмира Хайдара в желании России утвердить торговые связи, а натуралисты изучали земли «верхней Азии», военные собирали разведданные о территории, природных ресурсах, взаимоотношениях Бухары с соседними странами — Персией, Османской империей, Афганистаном, о судоходстве на Сырдарье и Амударье.

Однако, несмотря на, казалось бы, положительные итоги миссии Негри, на этом, по сути, отношения России и Бухары закончились. «Зашевелился» Петербург, только когда в 1840 году на Неву прибыло очередное бухарское посольство.

Первым пунктом посольства была просьба бухарцев ходатайствовать о защите Бухары от англичан, грозящих ей завоеванием.

Вторым пунктом: «просить содействия для обуздания хивинцев, которые постоянно грабят караваны, и ныне войдя в отношения с англичанами, начинают явно враждовать в Бухарин».

Теперь Россия пошла на торговые уступки бухарцам и решила направить научно-дипломатическую и военную экспедицию в Бухарский эмират.

Такова была в ту пору обстановка. И если подполковник Константин Бутенев был желанным гостем эмира Насруллы, то Прокофия Никифорова не особенно ждали и жаловали в Хиве. Однако это не смутило капитана. Прибыв в Хиву, он мужественно и смело отстаивал российские интересы. Заявил, что империя не позволит хивинцам собирать дань с казахов к северу от реки Эмбы, так как они являются российскими подданными. А также потребовал признания за Россией прав на восточный берег Каспийского моря. Хан ответа не дал, но обещал прислать в Оренбург своего посланника.

Были у Никифорова, разумеется, и «тайные» военные задачи. Об этом свидетельствуют документы.

9 января 1841 года Оренбургский генерал-губернатор Василий Перовский пишет военному министру в Петербург о том, что, несмотря на краткость пребывания своего в Хиве, «временный агент будет в состоянии собрать многия об этой стране сведения». И предлагает снабдить агента «заранее подробною программу вопросов».

Судя по всему, такую программу Перовский представил руководителю военного ведомства, который остался ею недоволен.

14 января 1841 года он отвечает Оренбургскому генерал-губернатору: «столь подробная розыскания о многоразличных предметах, затрудняя временного агента, не могут быть произведены с надлежащим успехом и

точностью». И указывает Перовскому: «Его Величеству благоугодно, чтобы инструкция эта была сокращена... А агенту нашему вменено в обязанность собрать сколь можно подробный и точный сведения о ханстве Хивинском в топографическом и военном отношении».

Вот что интересовало в первую очередь императора и военного министра. А поэтому итог миссии капитана Генерального штаба Никифорова следует оценивать не по дипломатическому результату, а по разведматериалам военного плана.

О том, что эту задачу Никифоров выполнил, можно судить по его письмам, отправленным из Хивы Якову Ханыкову 14 и 20 сентября 1841 года и генерал-адъютанту Василию Перовскому 2 октября 1841 года.

Затевалась новая экспедиция, и Никифоров знал об этом и давал весьма ценные советы, например по поводу маршрутов выдвижения. «Через Сыр-Дарью идти нельзя, если не иметь сильной опорной точки на реке Сыре».

Как человек сугубо военный, он рекомендует, что «для наказания Хивы достаточно три тысячи пехоты, тысячу удалых казаков и двенадцать орудий шести фунтовых, восемь горных единорогов и 12 конных единорогов. Для действующих войск операционный путь должно принять прежний, т. е. через Картамак. Сделанная в прошлом году съемка покажет места более удобные для главного склада, как ровно места, где могут войска остановиться в ожидании снегов».

По ходу письма капитан Генерального штаба оценивает боевое состояние войска ханства. «Хивинцы сопротивляться не умеют; у них есть только дух грабежа, но нет духа воинственности. (Под духом грабежа, я разумею стремление получить добычу и желание насладиться и пользоваться ею.) Войскам идти с полуторамесячным запасом, пехоту иметь на верблюдах, на каждого человека по одному верблюду, на каждого поместить и полуторамесячное продовольствие солдата».

Далее он расписывает походные порядки войск. «Первая колонна должна состоять из тысячи человек пехоты без всяких тяжестей, кроме, самых необходимых.

Вторая, боевая колонна, на переход должна бы иметь такую же силу и запасы артиллерийские, понтонные, госпитальные и прочие. За несколько переходов от второй колонны может следовать первый вооруженный караван.

Такой же караван, но несколько сильнее прикрытый, мог бы следовать из Ново-Александровска, прочие караваны никакого прикрытия не требуют, кроме одного хозяйственного надзора».

Кроме того, Никифоров описывает состояние колодцев, грунта, советует, как компенсировать недостаток подножного корма, воды, дает точный расчет маршрута для войск, указывает пункты, через которые лучше двигаться, где удобнее форсировать реки, анализирует недостатки Ново-Александровского укрепления.

В послании генерал-губернатору Перовскому временный агент Никифоров больше внимания уделяет описанию взаимоотношений с ханом Хивинским.

«В первое свидание с Ханом его Высокое Степенство был очень ласков с агентами, особенно с поручиком Айтовым (один из членов экспедиции. — М.Б.), и изъявил полное удовольствие свое при получении подарков от Высочайшего Двора. Когда развернули перед Ханом сервиз и самовар, он не смог скрыть удивления».

Не ускользнул от внимания капитана тот факт, что подарки хан принимал с удовольствием, но на уступки идти не хотел.

«После нескольких дней свидания, миролюбивый и сговорчивый хан ни под каким видом не хотел уступать Эмбы и Иргиза». Однако Никифорову и Айтову удалось-таки убедить его «Высокое Степенство». Но ненадолго. Хан заболел на девять дней, а после выздоровления, «вновь стал требовать Эмбы и Иргиза». Переговорам, как жаловался Никифоров, «не было конца».

В итоге своей работы агент делает вполне закономерные выводы. «Нельзя надеяться на введение желаемого устройства и порядка в Киргизской степи, если не будут основаны в ней несколько точек, которые выражали бы проявление силы и власти Российского правительства среди кочующих племен».

Идеи капитана Генерального штаба Прокофия Никифорова будут претворены в жизнь новым генерал-губернатором В. Обручевым. Он осознает, что ни обращения к султану, ни дипломатия, ни жестокость, ни военные экспедиции, посылаемые в хивинские земли, не в состоянии подчинить кочевые племена и навести порядок на приграничных к империи территориях.

Обручев начнет проводить эффективную политику выдвижения границ, иными словами, он разворачивает в степи строительство военных укреплений. Сначала в 1845 году на реке Тургае, названное Оренбургским, другое на реке Иргизе, которое получило наименование Уральское. Ново-Александровское укрепление было перенесено на полуостров Мангышлак и переименовано в Ново-Перовское.

Для укрепления левого фланга границы с Хивинским ханством в 1847

году начинается строительство крепости на реке Сырдарье, в урочище Раим. Эта крепость, расположенная в устье реки, служила и военно-морской базой для небольшой флотилии, созданной на Аральском море.

В 1848 году были возведены форты Карабутаг для сообщения Уральского укрепления с Оренбургской линией, и Косарал на Аральском море. Меры, предпринятые Обручевым, дали свои положительные результаты.

Однако, как мы уже сказали в начале главы, не только Никифоров отправился в Хиву, но и Бутенев — в Бухару.

Подполковник Константин Бутенев, в отличие от капитана Генерального штаба Никифорова, не был ни строевым, ни штабным офицером. Он являлся инженером, специалистом по горным делам, а точнее, по редким металлам, в частности, по золоту. В июле 1841 года его экспедиция добралась до Бухары. Эмир встретил посланцев радушно, а вскоре было принято решение приступить к горно-разведывательным работам.

Однако подполковника Бутенева эмир от себя не отпустил и отклонил его предложение вести поиски золота на реке Амударье и в горах Нуратау.

Пришлось снарядить отряд без главы миссии. В него вошли горный инженер штабс-капитан Богословский, топограф Яковлев, востоковед Ханьков и зоолог Леман.

25 августа отряд вышел из Бухары и отправился к Самарканду, оттуда перейдя на правый берег Зеравшана, начал обследовать горные породы.

Ученые экспедиции обратили внимание на Равтское месторождение каменного угля. Они тщетно пытались убедить сопровождающих их эмирских чиновников в ценности находки, но те только посмеялись. Они не поверили в ценность «черного камня». Более того, были крайне разочарованы, что русские вместо поисков золота, занялись каменным углем, и приказали возвращаться в Бухару.

В это время подполковник Бутенев вел трудные переговоры с эмиром Насруллой, пытаясь добиться документального оформления отношения между Россией и Бухарой. Но эмир на горячие речи временного агента пообещал дать ответ позже.

Последняя встреча с эмиром состоялась 2 апреля 1842 года. Насрулла отправлялся воевать против Коканда и сообщил, что его решение будет передано с визирем. Переговоры, в сущности, закончились ничем.

8 апреля миссия двинулась обратно, а через два месяца прибыла в Оренбург. И хотя политические и дипломатические итоги сам Бутенев расценивал как неудачу, путешественники собрали богатые сведения по

геологии, зоологии, этнографии края. Были достижения и в чисто военном плане — топографы экспедиции составили подробную карту бухарских земель.

Таковыми были миссии двух «временных агентов» — Никифорова и Бутенева.

Как сложились их дальнейшие судьбы? Прокофий Никифоров, который жаловался на состояние здоровья еще в экспедиции, после возвращения неожиданно скончался. К Бутеневу судьба оказалась благосклоннее. Через несколько лет после возвращения из экспедиции Константин Федорович стал директором Санкт-Петербургского технологического института, а потом занимал ответственную должность начальника Санкт-Петербургского монетного двора.

После экспедиций «временных агентов» Никифорова и Бутенева, деятельность российской военной разведки на Востоке не заканчивается. В 1842 году в Хиву отправляется новая миссия под руководством полковника Г. Данилевского, а через четыре года экспедиция полковника Генерального штаба М. Иванина на Мангышлак.

Российская империя продолжила свое движение на Восток.

«Нет вовсе полных и верных сведений»

В начале 1851 года на стол министра иностранных дел Российской империи Карла Нессельроде легло письмо. Его коллега глава военного ведомства генерал-адъютант Александр Чернышев обращался с просьбой: «для успешного преподавания военной статистики в Императорской Военной академии оказалось не-обходимым иметь верные сведения о тех изменениях, которые с 1848 года произошли в устройстве военных сил Австрии». Далее Чернышев предлагал «следить за преобразованиями Австрии по военной части».

Переписка этих двух высших чиновников государства Российского, признаться, дело весьма занимательное. Она может рассказать о многом. Россия, по сути, на пороге Крымской войны. Уже в следующем году разгорится спор между городами Вифлеемом и Иерусалимом за обладание «святыми местами». Султан передаст ключи Вифлеемского храма католикам, которых поддержит император Франции Наполеон III. Николай I, в свою очередь, потребует от Турции соблюдения договоров о правах России в Палестине, а также признания его покровителем всех православных подданных Оттоманской империи. И получит отказ. Тогда князь А. Меншиков объявит султану о разрыве русско-турецких отношений. Летом 1853 года Россия введет свои войска в Дунайские княжества. В ответ на это 4(16) октября Турция объявит войну Российской империи.

За два с небольшим года до этого, военный министр уже признавался руководителю МИДа, что в Императорской академии, а, значит, и во всем ведомстве нет «верных сведений» об армии Австрии. Более того, он уточнял, что они отсутствуют с 1848 года.

Но самое интересное, что еще в начале 1844 года Чернышев обращается к тому же Нессельроде. Он пишет, что «об Австрийской империи нет вовсе полных и верных сведений».

Между этими посланиями семь лет. Годами идет переписка, а в империи как не было, так и нет «верных сведений» о военных силах крупнейшего в Европе государства, которое, кстати, во время приближающейся войны будет проявлять крайнюю враждебность по отношению к России и требовать вывести войска с территории Дунайских княжеств.

Эти письма опубликованы в книге «Очерков истории Российской

внешней разведки» и являются подтверждением весьма плачевного состояния разведывательной деятельности в преддверии Крымской войны 1853–1856 годов.

Не лучшим образом дела обстояли и в Морском министерстве. Поскольку военные действия разворачивались в акватории Черного моря и на прибрежных территориях, флот крайне нуждался в точной и полной информации о кораблях противника.

А противник был уже рядом. В декабре 1853 года Англия и Франция ввели свои военные суда в Черное море.

В январе 1854 года забеспокоился генерал-адмирал, управляющий Морским министерством великий князь Константин Николаевич. Он подал депешу начальнику Департамента внешних сношений МИДа Льву Синявину. «Вашему превосходительству известно, — писал он, — как важно и необходимо при нынешних обстоятельствах для Морского министерства иметь постоянно новейшие сведения о движении английских и французских судов и эскадр, с тем, чтобы сведения сии доставлялись...»

... Россия Крымскую войну проиграла. Потери политические, экономические, военные были велики, последствия — тяжелы. Российской империи пришлось воевать с мощной коалицией государств, которые превосходили ее по многим показателям: личному составу армии, качеству вооружений, особенно, в области военно-морского флота, артиллерийского и стрелкового вооружения, средств сообщений. Война открыла новую эру индустриальнопромышленных войн, с резко возрастающим потенциалом современной военной техники и вооружения.

Результаты Крымской войны указали на необходимость проведения в России кардинальных реформ. Частью этих политических, экономических и социальных преобразований стали военные реформы 60—70-х годов XIX века под руководством Д. Милютина. Надо отдать должное, качественные преобразования в деле разведки начались раньше, чем во всей армии и на флоте. Уже через три месяца после подписания Парижского договора, в июне 1856 года был утвержден «Проект общих статей инструкции агентам, посылаемым за границу».

О чем это говорит? Да о том, что МИД, который являлся главным организатором зарубежной разведки, больше не удовлетворял потребности страны, армии и флота в достоверной и оперативной информации. Государство нуждалось в профессиональной военной заграничной разведке. А это означало, что следует создавать специальные центральные и региональные разведорганы, разворачивать зарубежные силы. По существу, возрождалась система организации разведки, предложенная еще

в 1810 году прозорливым Барклаем-де-Толли.

«Инструкция агентам, посылаемым за границу» была ценна тем, что впервые в российской практике определяла круг вопросов, на которые предстояло ответить им в ходе работы за рубежом, а также определяла принципы деятельности.

Надо сказать, что над «Инструкцией» основательно поработали ее создатели: она включала 14 пунктов. Вот лишь некоторые из них, по которым агентам предстояло «приобретать наивозможно точные и положительные сведения». О числе, составе, устройстве и расположении как сухопутных, так и морских сил; о способах к пополнению и умножению вооруженных сил своих, и к снабжению войск и флота оружием и другими военными потребностями; о различных передвижениях войск, как приведенных уже в исполнение, так и предполагаемых, стараясь по мере возможности проникнуть в истинную цель сих передвижений; о нынешнем состоянии крепостей, предпринимаемых новых фортификационных работах для укрепления берегов и других пунктов, об опытах... над изобретениями и усовершенствованиями оружия и других военных потребностей, имеющих влияние на военное искусство; о лагерных сборах войск и о маневрах, о духе войск и образе мыслей офицеров и высших чинов.

Еще руководителям военного ведомства хотелось знать о состоянии артиллерии, инженерного и провиантского дела, об изменении уставов, о новых сочинениях, касающихся военных наук, о военно-учебных заведениях, об устройстве Генштаба, о способах передвижения войск по железным дорогам, об улучшении военной администрации. При этом предписывалось «все означенные сведения собирать с самою строгою осторожностью и осмотрительностью...»

Утвердив «Инструкцию», император Александр I сделал и следующий, вполне логичный шаг — назначил военных агентов в четыре страны: во Францию — флигель-адъютанта полковника Петра Альбединского; в Британию — флигель-адъютанта полковника Николая Игнатьева; в Австрию — полковника барона Федора Торнау; в Турцию — гвардейской артиллерии штабс-капитана Виктора Франкини.

Первым военно-морским агентом одновременно в Британии и во Франции становится генерал-адъютант вице-адмирал Ефимий Путятин.

Позднее, осенью того же года, из Санкт-Петербурга в Неаполь отправляется полковник Всеволод Гасфорт.

Назначение профессиональных военных на официальные должности при российских дипломатических представительствах было делом новым,

неизведанным. К тому времени опыт военных агентов Барклая, посланных за границу в 1810 году, уже забыт.

В учебных заведениях искусству разведки тогда не обучали. Да если бы и обучали, полковникам и вице-адмиралу поздно садиться за парту. Так что действовать приходилось на свой страх и риск, как говорят в армии, осваивая новое военно-дипломатическое ремесло «на марше».

Однако прежде чем перейдем к рассмотрению деятельности военных агентов в странах пребывания, познакомимся с ними.

Все офицеры, разумеется, были из знатных, именитых семей. Дворянский род Путятиных, восходил еще к XV веку. Ефимий появился в семье новгородского помещика Василия Путятина.

Петр Альбединский происходил из дворян Смоленской губернии. Мать, урожденная княжна Багратион, двоюродная сестра генерала князя Петра Багратиона, отец — надворный советник. Сам Петр Павлович был женат на дочери статс-секретаря, члена Государственного совета князя Долгорукова — Александре.

Полковник Генерального штаба Федор Торнау имел титул барона. Его дед — генерал екатерининских времен, отец — полковник артиллерии, участник войны 1812 года, скончался от раны, полученной в бою.

Граф Николай Игнатъев родился и воспитывался в старинной дворянской семье. Отец — Петербургский генерал-губернатор, позже Председатель комитета министра. Коллега «по цеху» Всеволод Гасфорт тоже был сыном генерал-губернатора. Его отец руководил Западной Сибирью.

Все они получили достойное образование: Альбединский окончил Пажеский корпус, Игнатъев тот же корпус и Академию Генерального штаба, Торнау — Благородный пансион при Царскосельском лицее. Путятин выпускник морского училища, Франкенин — артиллерийского. Гасфорт — обучался в Николаевской военной академии и окончил ее с малой серебряной медалью.

По возрасту и своему жизненному опыту это были совершенно разные люди. Самому старшему из них вице-адмиралу Ефимию Путятину исполнилось 53 года. К тому времени Ефимий Васильевич известный мореплаватель: под командой Михаила Лазарева совершил кругосветное плавание, несколько переходов из Средиземного моря в Балтику, участвовал в Наваринском сражении, высаживался с десантом на мысе Адлер и получил ранение. За успешно проведенные операции представлен к чину капитана 1-го ранга.

В 1842 году император Николай I направляет его с посольством в

Персию. После успешного выполнения задания Путятин выезжает с дипломатическими поездками в Англию, Нидерланды, Турцию.

Через десять лет Ефимий Васильевич организует экспедицию в Японию. По возвращении из плавания в 1856 году его назначают первым военно-морским агентом в Лондоне и в Париже. Таким образом, вице-адмирал Путятин выступал и в роли разведчика-«крышевика», под дипломатическим прикрытием, теперь же становится официальным военным представителем Российской империи в двух ведущих европейских странах.

Самым молодым среди агентов военного ведомства был полковник Николай Игнатъев. После выпуска из Академии Генштаба он попадает в войска, которые развернуты на территории Прибалтики и готовятся к удару с моря англо-французского флота. Однако противники России увязли в боях за Севастополь и им уже не до балтийского побережья. Николай Павлович единственный из шестерки военных агентов, кто не нюхал пороха. Впрочем, его опасности впереди. Он вырастет в большого разведчика и дипломата. Только у него будет все наоборот, чем у адмирала Путятина. Он сначала послужит официальным военным агентом в Лондоне, а потом под посольским прикрытием побывает в Хиве и в Бухаре, в Китае, в Константинополе. Впрочем, рассказ об этих интереснейших людях, патриотах Отечества, виднейших разведчиках и дипломатах, министрах Российской империи — Путятине и Игнатъеве, у нас еще впереди.

Под статью старшему Ефимию Путятину — полковник Федор Торнау, которому ко времени заграничной командировки исполнилось 46 лет. Он, пожалуй, самый боевой из всех. Происходил из семьи курляндских баронов, многие поколения которой посвятили себя военной карьере. После выпуска из Благородного пансиона, 18-летним прапорщиком Федор начал службу в Малой Валахии. Участвовал в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в Польской кампании 1831 года.

С 1832 года — офицер Генерального штаба, подпоручик, прибыл для продолжения службы на Кавказ, в штаб Отдельного кавказского корпуса. Сразу же принял участие в военной экспедиции в Чечню, в ходе которой был ранен. После излечения возвращается в Тифлис, где получает задачу провести разведку территории к северу от Гагр.

Поручик Торнау формирует отряд из проверенных бойцов-абхазов. Сам себя он выдает за горца. Отряд проникает в самые труднодоступные районы Западного Кавказа, разведчики изучают местность и жизнь горских народов.

Таким образом, Федор Федорович, прежде чем стать, выражаясь

современным языком, стратегическим разведчиком и отправиться за границу, несколько лет «тянул лямку» войскового разведчика. В качестве руководителя разведотряда он провел три спецоперации по проникновению на территорию противника: первую, в июне 1835 года, когда прошел через Гумистинское ущелье, преодолел главный Кавказский хребет и достиг Пятигорска. Итогом этой разведоперации стали два доклада в штаб корпуса, с многочисленными приложениями по топографии, экономике, географии, а также военно-статистическим вопросам западнокавказских районов.

Доклад столь впечатлил командование корпуса, что данные, собранные офицером, были доложены лично государю и высоко оценены им. И поручик Торнау стал штабс-капитаном.

Осенью того же года Федор Федорович возглавил очередную разведэкспедицию. Теперь его путь лежал через главный Кавказский хребет от ущелья Лабы до мыса Адлер.

Более полутора месяцев длилась экспедиция. В отчете Торнау сделал вывод о ненадежности черноморской береговой линии. Кроме военно-стратегических исследований, офицер собрал богатый этнографический материал, описал быт и традиции некоторых кавказских народов.

Третья экспедиция Торнау, целью которой была разведка территории от реки Сочи до Геленджика, окончилась неудачей. Проводники предали своего командира и сдали его горцам. Штабс-капитан оказался в плену. Более двух лет провел он в неволе, пытался бежать, его ловили, держали в холодном помещении, без одежды. Только в ноябре 1838 года ногайскому князю Тембулату Карамурзину удалось похитить пленника у кабардинцев.

После лечения в Ставрополе, Федор Федорович вернулся в действующую армию, храбро воевал в период Крымской войны и после ее окончания был направлен военным агентом России в Вену.

Следует подчеркнуть, что практически все воинские звания Торнау получил на войне, не за выслугу лет, а за ратные подвиги. Надо сказать, редкий, уникальный случай в истории.

Впрочем, справедливости ради следует отметить, что и все остальные офицеры, ставшие военными агентами, храбро воевали и отличились в боях. Петр Альбединский в период Крымской войны и неприятельских бомбардировок Севастополя, находился в городе. В сражении под Инкерманом сражался мужественно, был серьезно контужен в голову, за что и получил золотой палаш с гравировкой: «За храбрость».

Штабс-капитан Виктор Франкини также был среди защитников Севастополя и провел там самые трудные десять месяцев осады.

Полковник Всеволод Гасфорт в период обороны Севастополя командовал Казанским егерским полком, был ранен. В его честь одна из Балаклавских высот до сих пор носит название «горы Гасфорта».

Вот такие офицеры представляли нашу страну за рубежом в качестве военных агентов в 1856 году. К сожалению, опыт Баркляя-де-Толли был использован не полностью. Среди нынешней «великолепной шестерки», увы, не было своего Торнау «в звании канцелярского при миссии служителя». То есть пока отсутствовало важнейшее звено в системе военной разведки — тайный агент, или говоря современным языком, разведчик-«крышевик», действующий под дипломатическим прикрытием на постоянной основе.

Для осознания и обретения этого звена понадобится еще почти четыре десятилетия. Однако теперь с уверенностью можно было констатировать: в Европе утвердились постоянные официальные представители Российской империи в лице военных агентов. Что же касается Востока, то там по-прежнему, для решения военных и дипломатических проблем использовались так называемые «временные агенты» — руководители и члены посольств, миссий, научных экспедиций.

Две звезды военной разведки и дипломатии

Об этих людях хотелось бы рассказать отдельно. Ибо вклад их в разведку и дипломатию велик, заслуги перед Отечеством весомы и значительны. В предыдущей главе мы коротко представили их читателю, а теперь поведаем о них подробнее. Поверьте, они достойны самого пристального внимания и благодарной памяти потомков.

Итак, перед нами адмирал Ефимий Путятин и генерал Николай Игнатъев. Оба происходят из древних дворянских родов. Первый родился в семье новгородского помещика Василия Путятина, кстати, соседа графа Аракчеева. Мама маленького Ефимия Елизавета Григорьевна — дочь члена государственной адмиралтейств-коллегии, гражданского губернатора Гродно и Киева, генерала Григория Бухарина.

Николай Игнатъев также из губернаторской семьи. Его отец Павел Николаевич руководил Пажеским корпусом, позже получил должность Петербургского генерал-губернатора, члена Государственного совета, а потом и председателя комитета министров.

Ефимий поступил в Морской кадетский корпус, отлично учился и оказался первым по выпуску. В 1822 году получил чин мичмана и был назначен в кругосветное плавание на фрегате «Крейсер» под командованием будущего известного адмирала и флотоводца Михаила Лазарева.

Николай окончил Пажский корпус и сразу же был принят в Академию Генерального штаба. По выпуску удостоен большой серебряной медали, а имя его занесли на мраморную доску в числе лучших выпускников.

Началась Крымская война, но молодой офицер на фронт не попал. Его направили в Прибалтику, где были развернуты части русской армии, ожидавшие высадки десанта неприятеля. Однако англо-французы не решились высадиться на балтийское побережье.

Таким было начало офицерской службы наших героев.

А теперь надо сказать, что между этими событиями почти тридцать лет. Когда в семье Игнатъевых, появился сын Нико-ленька, лейтенант; российского флота Ефимий Путятин получил назначение на флагманский корабль «Память Евстафия». За его спиной уже полтора десятка морских кампаний, он участвовал в знаменитом Наваринском сражении на флагманском линейном корабле «Азов», проявил храбрость, за что удостоился ордена Св. Владимира 4-й степени.

Через два года капитан-лейтенант Путятин станет командиром корвета «Ифигения».

Однако дело не в разнице в возрасте. Каждый из них в свое время будет умело, профессионально и самоотверженно служить Отечеству. Впоследствии их дороги неоднократно пересекутся как на поприще разведки, так и дипломатии.

В 1842 году Путятин по приказу императора Николая I отправляется с поручением в Персию. Поездка имела как разведывательные, так и дипломатические цели. Ефимию Васильевичу предстояло встретиться с Мухаммед-шахом и упрочить русскую торговлю на Каспийском море. Российским купцам мешали пираты. Для их усмирения Путятин принял решительные меры: в Астрабадском заливе развернул военную станцию и усмирил пиратов. Потом, в ходе переговоров, убедил шаха отменить ограничения по торговле с Российской империей, добился разграничения водных пространств для рыболовства.

«Персидский успех» Путятин был высоко оценен в Петербурге. И теперь он командировается в разные страны с ответственными заданиями. Ефимий Васильевич выезжает в Турцию, в Египет, и в Европу — в Голландию, в Британию.

За умение и профессиональную работу Путятин произведен в вице-адмиралы и удостоивается высокого звания генерал-адъютанта свиты Его Императорского величества.

В 1852 году Путятин возглавляет экспедицию в Японию. Ее очень талантливо описал русский писатель Иван Гончаров в книге «Фрегат Паллада». Он был личным секретарем адмирала и принимал участие в морском походе.

Три года длилась дипломатическая миссия Путятин. Условия, в которых она проходила, оказались самые неблагоприятные. Во-первых, в Америке снаряжалась эскадра под командой адмирала Мэттью Перри, которая спешила к японским берегам для заключения договора. Понятно, посланники той страны, которые прервали бы многовековую политику изоляции Японии и получали более выгодные условия.

Во-вторых, путь в Японию, вокруг Африки, через Индийский океан был долог и труден. И вскоре выяснилось, что фрегат «Паллада» не пригоден для такой длительной экспедиции. Из столицы империи вызвали другой корабль — фрегат «Диана».

В августе 1853 года Путятин прибыл в порт Нагасаки. Случилось, это через месяц после того, как здесь побывал посланец Америки — Перри. Японские уполномоченные приняли письмо российского министра

иностранных дел графа Нессельроде сегуну почти через месяц — 9 сентября.

Словом, японцы не спешили, переговоры затягивались и Ефимий Васильевич решил не терять время. Он отправился в Манилу, потом в Корею. В пути его команда много работала во благо военно-морской разведки — производила опись восточного побережья Приморья, собирала данные для лоций.

Наконец, в июле 1854 года на Дальний Восток прибыл фрегат «Диана», и экспедиция Путятина отправилась на нем в Японию для продолжения переговоров.

Русские моряки вошли в порт Симода в ноябре. В декабре начались переговоры, однако их прервало опустошительное землетрясение. Волной цунами сильно повредило фрегат «Диана», а при транспортировке в бухту Хэда для ремонта он и вовсе затонул. Казалось бы все против Путятина. Но адмирал не собирался сдаваться. Экипаж корабля высадился на берег и организовал помощь японцам, пострадавшим от землетрясения и цунами.

7 февраля 1855 года в деревне Симода был подписан первый договор между Российской империей и Японией, вошедший в историю как Симодский трактат.

Ефимию Путятину удалось добиться многого, и с полным основанием можно заявить, что его поистине историческая миссия увенчалась огромным успехом для нашей страны. Трактат открывала статья, которая гласила: «Отныне да будет постоянный мир и искренняя дружба между Россией и Японией».

Между двумя странами устанавливались дипломатические отношения, для захода наших судов открывались три японских порта, было предусмотрено установление границы, Курильская гряда к северу от острова Итуруп признавалась за Россией.

Триста лет японцы жили обособленно, отвергая дружбу, религию и торговлю чужестранцев, и Ефимий Путятин стал первым, кто прорвал эту блокаду.

Разумеется, миссия русского адмирала имела большую разведывательную ценность для государства: тщательно исследованы и нанесены на карты береговая линия Китая, Кореи, Филиппин, наших Дальневосточных районов, открыты новые заливы и острова, проведено описание мест пребывания участников экспедиции.

Дипломатические и разведывательные усилия Ефимия Путятина были высоко оценены императором. Ему пожаловали графский титул.

В «Морском сборнике» Ефимий Васильевич опубликовал материал,

названный «Всеподаннейший отчет о плавании военных наших судов в Японию и Китай в 1852–1855 годах».

А в наступившем 1856 году адмирал Путятин получил новое разведздание. Как мы помним, после поражения в Крымской войне император Александр I утвердил «Инструкцию агентам, посылаемым за границу» и отправил в европейские столицы пять сухопутных офицеров.

От «сухопутчиков» не отставали и моряки. Великий князь Константин Николаевич обратился в Министерство иностранных дел.

«Я признаю совершенно необходимым, — писал он, — иметь при посольстве нашем в Лондоне способного, весьма образованного и весьма опытного морского офицера для доставления морскому министерству подробных сведений о всех новейших улучшениях по морской части...»

Этим способным, образованным, опытным морским офицером оказался не кто иной, как адмирал Ефимий Путятин. Он и стал нашим первым военно-морским агентом одновременно в Лондоне и в Париже.

А военным агентом в том же Лондоне был назначен полковник Николай Игнатъев. Так пересеклись пути этих двух замечательных офицеров. Ефимий Васильевич продолжил свою блистательную карьеру разведчика и военного дипломата, а Николай Павлович, только начинал ее.

В книге «Очерки истории Российской внешней разведки» сказано: «Царь, отправляя молодого военного агента на Британские острова, дал ему личное поручение «изучать все новейшие достижения артиллерийского и инженерного дела в Англии и установить возможность их применения в России, а также привести в ясность военно-политические замыслы врагов наших в Европе и Азии».

Молодой полковник очень старался. Когда в Лондоне в Британском музее выставили на всеобщее обозрение засекреченный образец новейшего патрона, он, подойдя к стенду, взял в руки редкий экспонат и... положил его в карман. Вот так по-гусарски решил добыть секрет. Служители музея попытались вернуть патрон на стенд, но Игнатъев удивленно развел руками, выскочил из здания и бросился в посольство.

Разгорелся дипломатический скандал. Полковнику Николаю Игнатъеву пришлось покинуть Британию. Общий срок его пребывания в должности военного агента оказался невелик, всего 16 месяцев.

Недолго работал в Лондоне и в Париже и Ефимий Путятин. Для него нашлось более важное и ответственное дело. Ефимию Васильевичу поручили возглавить миссию в Китай. Задача — заключить торговый договор и добиться свободного въезда в Поднебесную граждан Российской империи. Важно было также противостоять все возрастающему влиянию

западных держав в этом регионе.

Путятин успешно выполнил поручение. В Тянь-цзине он заключил договор с китайцами. Теперь русские миссионеры обрели право доступа во внутренние провинции Китая, имели возможность посещать китайские порты и назначать своих консулов.

Покинув Китай, Путятин отправился в Японию. Там, в городе Эдо, в августе 1858 года подписал новый, наиболее выгодный для Российской империи договор о торговле и мореплавании. Кстати говоря, этот договор действовал почти сорок лет.

Николаю Игнатьеву также поручили стать во главе разведывательной и дипломатической экспедиции. Путь его лежал в Хиву и Бухару. Во время опасного путешествия Николай Павлович показал себя не только боевым, смелым офицером, но и умелым командиром. Он успешно провел своих людей по пустыне, вступил в переговоры с эмиром бухарским, заключил договор, в соответствии с которым были установлены торговые отношения с Бухарой.

По возвращении из путешествия Игнатьев получил новый приказ: отбыть с посольством в Китай. По сути, Николаю Павловичу поручалось продолжить дело Путятина и упрочить наши отношения с китайцами.

И с этой задачей Игнатьев справился. Он добился ратификации заключенного ранее Айгунского договора и получил согласие на установление границы в Уссурийском крае.

В 1860 году в Пекине Николай Павлович подписывает новый договор, который устанавливал государственную границу по реке Уссури. Как результат — территория современного Приморья присоединена к Российской империи. Следует отметить, что Игнатьев действовал во многом по собственной инициативе. К счастью, император Александр II оценил заслуги Николая Павловича и достойно наградил его, произвел в генерал-адъютанты.

После своих блистательных «Китайских походов» и Путятин, и Игнатьев получили новые назначения: Ефимий Васильевич, ставший полным адмиралом, возвратился в Лондон на «старую новую» должность военно-морского агента, а Николай Павлович был назначен на высокий пост в Министерство иностранных дел. Он возглавил Азиатский департамент МИДа.

Несколько лет провел в кресле высокого чиновника теперь уже генерал Игнатьев, и занемог, заскучал «по живой» работе. Тяготила его кабинетная деятельность. Упросил государя и канцлера А. Горчакова отпустить его послом в Константинополь.

Для многих в Петербурге этот поступок Игнатъева был непонятен: уходил Николай Павлович с явным понижением, с начальника департамента в простые послы, да еще в «бусурманскую страну», где служба была делом небезопасным. Однако досужие суждения не волновали Игнатъева. Он грезил единством православных народов и свято верил в историческую миссию России как собирателя славянских земель. В записках, изданных в 1914 году, Николай Павлович писал: «В видах ограждения будущности России я считаю необходимым, чтобы славянское знамя было исключительно принадлежностью русского царя»...

Будучи послом, Игнатъев в душе оставался разведчиком. Сеть его агентов была достаточно широка. Секретные данные о положении в Османской империи ему поставляли сербские и греческие дипломаты. В состав агентурной сети входили и турецкие чиновники, дававшие ценную информацию о положении дел и планах турецкого правительства. Так что секретные и конфиденциальные документы находились всегда под рукой. Но вот как их передать на Родину, оставалось проблемой. Радио еще не было, а о ненадежности хваленной диппочты Николай Павлович знал не понаслышке.

Работая еще в Лондоне молодым военным агентом, он с негодованием обнаружил, что письмо из Петербурга на его имя кто-то вскрывал. Это настолько возмутило полковника, что он добился встречи с английским министром иностранных дел и напрямую обвинил того в недопустимости подобных действий. По молодости и неопытности Игнатъев наговорил немало недипломатичного и «допек» министра окончательно. Тот был вынужден признаться в перлюстрации почты. Защищаясь, министр в сердцах ответил, мол, и нам интересно знать, что пишут из Петербурга, и что вы доносите про нас.

Этот урок Николай Павлович запомнил отменно. Диппочте он не верил и напрочь отверг пакеты с сургучными печатями. Посол придумал свой, весьма оригинальный способ передачи развединформации. Корреспонденцию запечатывал в обычные, дешевые конверты, которые перед этим держал на полке с мылом и селедкой. Адрес на конверте писал не сам, а заставлял делать это своего лакея. Да и письмо уходило не в министерство, а на частный адрес какого-нибудь дворника или лакея. Такая связь работала четко и бесперебойно. Дурно пахнущие письма, да еще подписанные корявым почерком, турок не интересовали.

Тринадцать лет проработал послом в Константинополе генерал Игнатъев. Он стал дуайеном дипломатического корпуса, завоевал симпатии самого султана. За глаза многие турецкие чиновники называли Николая

Павловича «всесильным московским пашой».

Генерал Игнатъев внес большой вклад в заключение Сан-Стефанского договора по окончании Русско-турецкой войны. И пусть как опытный дипломат и разведчик, Николай Павлович не совсем был доволен условиями договора, тем не менее его можно считать историческим. В соответствии с ним Османская империя теряла часть своих владений в Европе, после пятивекового ига болгары, наконец, получили свободу и основали свое государство. Россия возвратила себе южную Бессарабию, присоединила Батум и Карс.

А Николай Павлович возвратился на Родину и вскоре был назначен министром внутренних дел. Нечто подобное в свое время произошло и с его коллегой — адмиралом Ефимием Путятиным. Оставив должность военно-морского агента, он удостоился высокого поста министра народного образования.

Откровенно говоря, новые, пусть и весьма высокие министерские должности, не принесли ни славы, ни почета нашим героям. И тот и другой вскоре покинули свои посты, оставшись в памяти потомков великими разведчиками и дипломатами.

Под фраком дипломата, под мантией ученого

Во второй половине XIX века Российская империя проводила достаточно активную внешнюю политику практически в разных частях света, в частности в Азии, на Дальнем Востоке и даже в Африке. Между великими мировыми державами шла борьба за сферы влияния, за раздел, а потом и передел колоний.

После Крымской войны, в которой наша страна потерпела поражение, сложилось новое соотношение сил. Россия, как великая держава, во многом утратила свое влияние на международной арене и оказалась в изоляции.

Продолжая деятельность по выходу из политической изоляции, поиску союзников в Европе, Российская империя обратила свои взоры на страны Средней Азии, Китай, Японию, Алжир, Абиссинию. В отличие от европейских государств, где с 1856 года на постоянной основе работали российские военные агенты при посольствах, на Востоке, в африканских и азиатских странах развернуть деятельность военных представителей не было возможности. И потому разведка по-прежнему для этой цели использовала уже неоднократно проверенные временем формы «крышевого» прикрытия — военно-дипломатические миссии и военно-научные экспедиции. Сюда же можно причислить и так называемые рекогносцировки, когда проводилось изучение и топографическая съемка приграничного или иного района. Такую разведку, как правило, вели специалисты корпуса военных топографов или офицеры Генерального штаба.

Некоторые историки высказывают весьма спорное мнение, якобы военно-научные экспедиции и военно-дипломатические миссии практически не имели между собой ничего общего. Мол, все зависело от поставленных задач. Ежели они, например, были дипломатическими, все подчинялось им, остальное оказывалось второстепенным, ничтожным и, в конечном итоге, отбрасывалось, как ненужный элемент.

Смею в корне не согласиться с подобными заявлениями. Практически все дипломатические и научные походы за границу осуществлялись под руководством генералов и офицеров армии, флота и Генерального штаба. Весьма немного наберется за весь XIX век миссий, которые возглавлялись людьми сугубо штатскими. Ну, разве что горный инженер Бутенев (которого, кстати, с большой натяжкой можно назвать гражданским специалистом), в 1841 году совершил поездку в Бухару, да ученый-

востоковед Ханьков — в 1858 году — в Персию. А еще можно вспомнить весьма неудачное путешествие астронома К. Струве в ту же Бухару. Вот, пожалуй, и все. Остальные посланники были людьми в погонах. И наряду с дипломатическими и научными поручениями им ставились конкретные разведывательные задачи. По возвращении из поездок офицеры отчитывались перед своим военным ведомством, представляя аналитические доклады, основанные на военно-статистических исследованиях. Эти доклады сопровождалась топографическими и геодезическими описаниями местности, оценкой политической обстановки и экономического состояния страны пребывания, боеспособности вооруженных сил.

Не только дипломатические и научные миссии, но даже торговые экспедиции нередко проводились под руководством военных разведчиков. Примером тому торговые поездки в Среднюю Азию полковника Генерального штаба Александра Глуховского.

Однако все по порядку. Возвратимся к первой половине XIX века. Мы говорили о том, что в силу сложившихся обстоятельств Российская империя стала уделять больше внимания землям, примыкающим к южным и восточным границам государства. Срочно понадобилась политическая, экономическая, военная информация о положении приграничных стран. И вновь «в прорыв» была брошена военная разведка.

... В 1853 году накануне Крымской войны, капитан-лейтенант Андрей Попов получил приказ: убыть в Константинополь для сбора разведсведений об укреплениях и вооружении неприятельской армии и флота на Босфоре, а также в близлежащих районах Черноморского побережья и по реке Дунай.

Морской офицер успешно справился с этим заданием, а когда началась война, он храбро сражался в осажденном Севастополе, являясь офицером для особых поручений при адмиралах Нахимове и Корнилове.

Поздней осенью 1854 года под покровом ночи фрегат «Тамань» прорвал блокаду английских и французских кораблей и прибыл в Одессу. Получив ценный груз, предназначенный для защитников города, Попов вновь умело провел свой фрегат мимо вражеских судов и возвратился в Севастополь.

Через несколько лет Андрей Александрович возглавит отряд из двух корветов «Рында» и «Гридень» и клипера «Опричник». Он совершит разведывательное и научно-исследовательское плавание к берегам Японии, изучит побережье русского Приморья, один из заливов будет назван «Рындой» в честь корвета Попова.

Однако вершиной его деятельности станет поход эскадры из шести

кораблей российского флота к берегам Америки. 1 октября 1863 года корабли под командованием контр-адмирала Андрея Попова бросили якоря на рейде Сан-Франциско. В это время эскадра адмирала Степана Лесовского уже находилась в гавани Нью-Йорка.

Появление двух русских эскадр у берегов Америки отрезвило горячие умы политиков в Лондоне и Париже. В случае военного конфликта с Россией на их торговых путях встали боевые суда империи. Что же касается американцев, то они с восторгом встретили помощь из-за океана: президент США Линкольн принял у себя адмирала Лесовского, газеты писали о братской помощи, русских моряков радостно приветствовали на улицах городов.

В Сан-Франциско корабли Андрея Попова стали единственной надеждой северян от возможного нападения их противников. К счастью, этого нападения не случилось, и русские моряки расчехлили пушки только для салюта.

«Американский поход» кораблей адмиралов Степана Лесовского и Андрея Попова имел важное политическое значение. В период Гражданской войны представители России выражали открытую поддержку законному президенту Линкольну в борьбе с мятежниками юга и странами, их поддерживающими.

А Попов и Лесовский, возвратившись на Родину, продолжали служить на флоте. Оба стали полными адмиралами и были удостоены званий генерал-адъютантов.

Попов впоследствии занимался вопросами кораблестроения, неоднократно выезжал за границу, разработал ряд оригинальных проектов броненосных судов. Броненосец «Петр Великий», построенный по проекту Андрея Александровича стал лучшим в мире.

Лесовский занял пост военного губернатора Кронштадта, а в 1876 году был назначен управляющим Морским министерством.

Изучая и прослеживая путь военной разведки, и в особенности её «крышевой» ветви в этот период, следует признать, что к проведению разведопераций в русской армии и во флоте привлекались не только военные агенты за рубежом, офицеры Генерального штаба и корпуса военных топографов. Им, как говорится, сам бог велел заниматься этим не простым делом. Однако разведчиками, пусть и на определенное время, становились и военные других армейских профессий, например, адъютанты и профессора Академии Генерального штаба.

Среди тех, кто внес значительный вклад в дело развития разведки под прикрытием, следует назвать Александра Беренса и Виктора Аничкова.

Профессорского звания оба были удостоены в 1857 году. Только Александр Иванович получил его по кафедре военной истории, а Виктор Михайлович по кафедре военной администрации. У каждого из них большое количество научных работ по различным проблемам строительства вооруженных сил, но нас, в данном случае, интересуют исследования для нужд разведки. И такие есть. Оба ученых побывали за границей, изучали иностранные армии, состояние их военного законодательства, хозяйства и администрации. В результате такой деятельности кроме, разумеется, секретных разведцокладов, в открытой печати появились их книги и статьи.

Полковник Александр Беренс опубликовал в журнале «Военный сборник» обширное военно-статистическое исследование «Кабилия в 1857 году», а подполковник Виктор Аничков подготовил для «Современника» «Очерки Алжирии. Из записок русского офицера», которые и были напечатаны в 1857 году.

В последующие годы ученые успешно разрабатывали проблематику, непосредственно связанную с состоянием и развитием зарубежных армий.

В активе Беренса труды под названием «Основные начала стратегий», «Обзор известий о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.».

Аничков известен работами «Военное хозяйство. Сравнительное исследование положительного законодательства России, Австрии, Франции, Пруссии, Сардинии, Бельгии и Баварии», «Система производства в чины и замещения должностей во Франции».

И Беренс и Аничков стали генералами, и были назначены членами военно-ученого комитета Генерального штаба. Напомню, что на этот комитет возлагались разведывательные функции.

...1858 год в истории «крышевой» разведки оказался достаточно продуктивным. Убыл в разведывательную экспедицию в Кашгарию поручик русской армии Чокан Валиханов.

Древняя Кашгария издавна являлась «яблоком раздора» между Китаем, Великобританией и Россией. Там сталкивались интересы трех стран. Однако этот край был закрыт для посещения европейцами. Китайские власти чинили жестокие препятствия тем, кто пытался прорваться сюда.

И потому военное ведомство ломало голову, как выполнить приказ Александра I и пробиться в Кашгарию. Было понятно, что даже самый опытный и храбрый разведчик-европеец для этой роли не годился. Его сразу могли принять за шпиона и казнить. Нужен был азиат.

Генерал-губернатор Западной Сибири Густав Гасфорт предложил использовать своего адъютанта, казаха по национальности, поручика

Чокана Валиханова. Он был правнуком знаменитого Абылай-хана. В 12 лет его отправили на учебу в Омский кадетский корпус. В 1853 году он завершил обучение и стал офицером русской императорской армии, получил назначение адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири.

Летом 1858 года Валиханов под именем купца Алимбая, переодетый в восточный халат и налысо обритый по местному обычаю, вместе с караваном Мусабая Тохтубаева двинулся в путь.

Купцы достигли верховий реки Или, поторговали с киргизами и двинулись к китайской границе. Перевалили через снежные хребты Тянь-Шаня, отбиваясь от наседающих разбойничьих банд. На границе с Кашгаром караван тщательно осмотрели китайцы.

Более полугода провел поручик Валиханов в Кашгарии. Изучил ее экономику, природу, собрал разведданные о кишлаках, дорожной сети, населении. Удалось установить подробности гибели немецкого исследователя Адольфа Шлагинтвейта.

Весной следующего года Валиханов возвратился из разведпоездки. Подготовил отчеты: один для Генерального штаба, другой — для издания в России в открытой печати. Оба отчета были высоко оценены специалистами. Император наградил Чо-кана Чингисовича орденом Святого Владимира и присвоил чин штабс-ротмистра.

В том же году, как и Чокан Валиханов, в разведкомандировке находился еще один офицер подполковник Алексей Макшеев. Его направили для сбора сведений о военной организации и военных науках в ведущие страны Европы: Англию, Францию, Австрию, Пруссию.

Алексей Иванович Макшеев был поистине выдающимся разведчиком. И эта командировка являлась одной из многих. Всю жизнь офицер занимался разведкой.

После окончания Николаевской Академии Генерального штаба он был назначен для продолжения службы в отдельный Оренбургский корпус. Кстати, поехал туда вполне добровольно.

Через год его переводят в Генеральный штаб и присваивают чин штабс-капитана. По распоряжению командира корпуса, Александр Иванович едет в Киргизскую степь и выбирает место для возведения поста между Раимским и Аральским укреплениями.

Летом штабс-капитан отправляется вместе с лейтенантом Бутаковым на шхуне «Константин» в Аральское море, для описания и нанесения на карту береговой линии.

В следующем году Макшеев выполняет новое задание — составляет статистическое описание Пермской губернии. В 1851-м оценивает степные

укрепления и выбирает место для размещения будущего форта. Выражаясь современным языком, Алексей Иванович не вылезает из командировок.

В 1853 году он командирован в распоряжение Оренбургского казачьего войска. Участвует в штурме крепостей Джулек, Ак-Мечеть, потом занимается рекогносцировкой местности, выбирает места для наблюдательных постов, восстанавливает кокандское укрепление Кумыш-курган.

Во время Крымской войны капитан Макшеев участвует в осаде крепости Силистрии.

Только в 1855 году ему дают возможность систематизировать материал, собранный им за шестилетнюю службу в Оренбурге. Макшеева назначают в военную академию на должность адъюнкт-профессора и присваивают звание подполковника.

Однако недолго ему пришлось разбирать материалы в тиши кабинета. В 1858-м он командирован с разведзаданием в Европу. По возвращении в Петербург Александр Иванович становится полковником, и 1864 году членом военно-научного комитета.

Летом 1867 года Макшеев вновь отправляется в Туркменскую область и Киргизскую степь. К концу года, выполнив разведзадание, возвращается в Петербург.

Александр Иванович Макшеев был произведен в генерал-лейтенанты и оставил в наследство потомкам много исследовательских трудов. Большинство из них посвящено Средней Азии.

В эти годы русская военная разведка старалась организовывать не только выход военно-дипломатических миссий, военно-научных и торговых экспедиций, но нередко находила самые неожиданные необычные прикрытия. Так в 1862 году управление государственного коннозаводства совместно с разведкой организовало поездку на Ближний Восток полковника М. Дохтурова. Официальным заданием офицера был отбор породистых арабских скакунов для конных заводов.

Полковник объехал много городов — Бейрут, Константинополь, Алеппо, Холмс, Баальбск. Потом побывал в Египте, посетил Иерусалим. Разумеется, Дохтурова интересовали не только племенные лошади, но, к примеру, причины друзско-маронитской резни 1860 года или особенности рекрутского набора солдат в Сирии. Он ездил к бедуинам, посещал их кочевья, изучал условия жизни. Все это потом ляжет в основу его путевых записок, а также отчета в Генштаб.

Так работали во второй половине XIX века русские разведчики-«крышевики». Разумеется, рассказанное ранее лишь малая

толика их деятельности, а названные имена далеко не полный список офицеров, занятых этим трудным, опасным и зачастую неблагодарным, но таким необходимым для Отечества делом.

Однако пора двигаться вперед, ибо на горизонте уже загорается, восходит звезда величайшего разведчика XIX века. Он известен в нашей стране и в мире, как исследователь, географ, ботаник, зоолог, этнограф. Это Николай Михайлович Пржевальский. Впрочем, все эти научные регалии и звания он получил по праву. Но на первое место надо поставить совсем иное звание, а именно — гениальный разведчик, генерал-майор Генерального штаба.

Феномен генерала Пржевальского

Николай Михайлович Пржевальский — всемирно известный путешественник и натуралист. В Советском Союзе его знал каждый школьник. Впрочем, слава и любовь народа к нему вполне заслуженна.

30 000 километров прошел он во время своих путешествий. 20 000 из них нанес на карту впервые. Николай Михайлович, исследовал Западный Китай, Джунгарию, Кашгарию, пустыню Гоби, Тянь-Шань; открыл высочайшие хребты Риттера, Гумбольдта, Бурхан-Будда, Колумба; описал течение и верховья рек Хуанхэ, Янцзы, Тарима; представил миру новых животных — дикого верблюда, тибетского медведя, лошадь, названную в его честь; собрал ценнейшие зоологические и ботанические коллекции.

Научные исследования Пржевальского быстро получили мировую известность и были изданы как в России, так и во многих странах.

Его труд отмечен многочисленными почетными наградами и званиями крупнейших мировых географических обществ, академий наук и университетов.

В память о великом ученом установлены памятники. Именем Пржевальского названы горный массив в Приморском крае, ледник на Алтае, улицы в Москве, Минске, Смоленске и других городах.

Да, воистину Николай Михайлович Пржевальский был великим географом, ботаником, зоологом, этнографом. Но прежде всего, он являлся офицером Генерального штаба, а точнее, сотрудником военной разведки. Это как раз тот самый уникальный случай, когда разведчик стал всемирно известен благодаря своему «крышевому» прикрытию, а его разведдеятельность осталась в тени, в секрете. Что, собственно, и должно случиться в идеале. О чем мечтает, к чему стремится каждый разведчик. Только вот добиться подобного удается не многим. Ибо тут надо стать виртуозом как в разведке, так и в «крышевом» деле, освоить профессию прикрытия, как свою родную, и убедить в этом окружающих, и в первую очередь врагов, противников.

В последние десятилетия, когда была приоткрыта завеса секретности, некоторые авторы попытались осмыслить деятельность Пржевальского, как представителя российского разведсообщества. Возбудились даже некоторые заокеанские исследователи. Трудно сказать, чем им не угодил Николай Михайлович, но некто Дэвид Схиммельпенник из далекого Йельского университета в США сетует, что «идеологии британской,

французской и немецкой экспансии в Африке после 1880 года уделялось много внимания, а вот взгляды царской России на «схватку за Азию» исследовались мало». Видимо йельский страдалец за нашу историю решил восполнить этот пробел и крепко взялся за Пржевальского.

Статья вброшена в Интернет, и каждый желающий может с ней ознакомиться. Так вот Схиммельпенник обязался «подробно рассмотреть роль (Пржевальского), как офицера, активно участвующего в военной разведке Центральной Азии».

Скажу сразу, подробно рассмотреть роль Пржевальского ему не удалось. А что же удалось? Собственно то, ради чего и задумывалась эта статья. Заокеанский исследователь открывает нам глаза: «Пржевальский был откровенным “ястребом”». В этой связи возникает закономерный вопрос: а кем должен быть офицер Генерального штаба? «Голубем мира»? Горе той державе, в Генштабе которой будут служить такие «голубки».

Всю жизнь с юности провел он в армии, и другим быть не мог. В 16 лет, окончив Смоленскую гимназию, Николай поступил на военную службу. Его определили унтер-офицером в Рязанский пехотный полк. Будучи мальчиком мечтательным, романтичным, читая о героических защитниках Севастополя, он мечтал о подвигах, о славе. Однако гарнизонная служба оказалась совсем иной: муштра на плацу, стрельба на полигоне, караульные наряды, а вечером — картежные баталии. А молодой унтер больше любил одиночество, охоту. Побродить с ружьем в окрестных лесах, вот отрада.

Тем не менее служебную лямку он тянул исправно. Став прапорщиком, получил назначение в Полоцкий пехотный полк. К тому времени его все больше увлекало изучение природы. В свободное от службы время Николай пристрастился к чтению. Его интересовали книги по географии, зоологии, ботанике.

Тогда же Пржевальский остро почувствовал нехватку знаний. В Смоленской гимназии учился отлично, был в числе первых учеников, да вот мало что вынес оттуда. Позже, в своей автобиографии Николай Михайлович напишет, что «значительное число предметов и дурной метод преподавания делали решительно невозможным, даже при сильном желании, изучить что-либо положительно. Подбор учителей, за немногими исключениями, был невозможный, они пьяные приходили в класс, бранились с учениками, позволяли таскать их за волосы».

С годами гарнизонной службы приходило желание изменить свою унылую и однообразную жизнь. Он подает рапорт о переводе к новому месту службы, на Амур, поближе к неизведанным краям. Уже тогда

Пржевальский мечтает о путешествиях.

Однако вместо понимания от полкового начальства он получает взыскание — трое суток ареста. Но это не останавливает молодого офицера. Пржевальский основательно готовится и успешно поступает в Академию Генерального штаба. Там он пишет и публикует свое первое литературное произведение: «Воспоминания охотника». Но это, как говорится, только разминка пера. Наряду с сугубо военными предметами, его увлекает история, естествознание, география. Николай Михайлович представляет сочинение «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». Оно представлено в Русское географическое общество, встречено весьма доброжелательно и заинтересовано, и слушатель академии избирается действительным членом этого уважаемого общества.

Однако не забудем, увлечения увлечениями, но Пржевальский человек военный, офицер, и после окончания академии он отправляется не в путешествие, а на подавление польского восстания. Кстати говоря, отправляется добровольно, как и большинство его товарищей по академии.

По сути, это был первый боевой опыт Николая Михайловича. Впоследствии в ходе экспедиций ему не раз придется браться за оружие: участвовать в разгроме «манзовских» банд, отражать нападение разбойников на отряд.

Позже в своих воспоминаниях о таких боях Пржевальский будет вспоминать: «Словно туча неслась на нас эта орда (300 всадников-тангутов. —М.Б.) дикая, кровожадная... А впереди своего бивуака, молча с прицеленными винтовками, стояла наша маленькая кучка—14 человек, для которых теперь не было иного исхода, как смерть или победа».

Так что тот первый боевой опыт очень пригодился Пржевальскому в будущем.

После подавления польского восстания Николая Михайловича назначают преподавателем военной географии в Варшавское юнкерское училище. Надо признать, что его лекции пользовались большим успехом.

Однако Пржевальский не оставляет своей мечты — отправиться в первое путешествие. Он пишет рапорт с просьбой перевести его в Сибирь и, наконец, добивается своего.

По пути к новому месту службы он заезжает в Петербург, обращается с просьбой организовать экспедицию в Среднюю Азию. Однако получает отказ. Потом известный путешественник П. Семенов-Тянь-Шанский объяснит это тем, что «Пржевальский был в научном мире еще малоизвестной величиной и дать пособие ему на его предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию, Совет

общества не решился».

Не видит пока в Пржевальском достойной кандидатуры и военная разведка.

Но это не смущает Николая Михайловича. Уже через несколько месяцев, весной 1867 года он отправляется в свое первое путешествие на реку Уссури. Оно стало «пробой сил», как считал сам Пржевальский.

Несмотря на боевые действия, направленные против хунгузских бандитов, молодой офицер и его помощники сумели выполнить большой объем разведывательной работы — они достигли краев, куда еще не ступала нога европейца, и по свидетельству того же Схиммельпеннинка, «нанесли на карту область размером больше Британии».

По результатам экспедиции Пржевальский от родного военного ведомства заслуженно получил чин штабс-капитана, а от Географического общества — серебряную медаль.

В 1870 году Николай Михайлович организует свою первую, так называемую, центральноазиатскую экспедицию в Монголию. На этот раз и военное ведомство, которое возглавляет известный реформатор Д. Милютин, и Императорское Географическое общества горячо поддерживают стремление путешественника. А в чем же собственно дело? Да в том, что государство Российское крайне нуждается в разведсведениях. Петербург интересуется, что происходит на обширных территориях вблизи его азиатских границ. Ведь Россия и Англия вели, по определению Киплинга, «Большую Игру», и соперничали друг с другом. И соперничество это распространялось между русскими владениями на севере и британской Индией на юге, разумеется, включающие территории Монголии и Тибета.

По некоторым данным, в Синьцзяне продолжалось восстание. Китайцы были вынуждены покинуть эти земли, а местные племена вели войну друг с другом. Северный сосед с тревогой следил за событиями в Синьцзяне. В начале 1871 года в столице Российской империи было принято решение: для охраны и обороны русских торговых интересов ввести в Монголию воинские части. Подавалось это, разумеется, как помощь китайскому населению в Илийском крае. Однако, чтобы двинуть войска в незнакомую неизученную местность, нужны разведывательные данные. А Центральная Азия, включающая Синьцзян, Монголию и Тибет, по словам одного из современников Пржевальского, «была областью, о которой известно меньше, чем о черной Африке».

Важно в этой связи отметить и еще одно обстоятельство, которое способствовало поддержке экспедиции Пржевальского на самом высоком

государственном уровне. «Переварив» уроки Крымской войны, передовые военные умы России проявляли большой интерес к применению передовых методов ведения войны. Главным «закоперщиком» в этом деле был профессор Николаевской академии Дмитрий Милютин. Возглавив военное министерство и став генератором реформ Александра II, он твердо добивался от генералов и офицеров армии и флота осознания важности военной географии и военной статистики.«... Чтобы успешно вести войну, — подчеркивал он в своей работе «Критическое исследование военной географии и военной статистики», — у нас должны быть фундаментальные сведения о том, где мы будем бороться, с информацией о средствах, и другая статистика, касающаяся этого региона, а также то, что касается материальных и моральных ресурсов воюющих сторон».

Вот, собственно, ясная и четкая задача для экспедиции Пржевальского. В соответствии с ней и работал Николай Михайлович.

За два года вместе со своими помощниками и сопровождающими их казаками он прошел путь от Пекина, через Монголию, достиг северного Тибета и возвратился в Иркутск. За спиной у него осталось более 11 тысяч километров пути. Конечно же он собрал богатый урожай географических открытий, а Петербургская академия наук пополнилась шкурами животных, птиц, образцов различных растений, насекомых.

А что же Генеральный штаб? Он получил ответы на многие вопросы. Например, сведения о восстании и междоусобной борьбе в Синьцзяне. Были также добыты разведданные о флоре и фауне изучаемого района, о климатических условиях, состоянии водных и горных преград, изучены пути сообщения с точки зрения их пригодности для передвижения пеших и конных войск, перемещения воинских грузов.

Некоторые исследователи деятельности Пржевальского считают, что именно Николай Михайлович создал так называемую «активную разведку», которая не ждет поступления информации, а ищет ее сама. Иные отводят Пржевальскому более скромную роль, утверждая, что он является родоначальником ее географической составляющей. Нет сомнения в том, что Николай Михайлович вел «активную» оперативную разведку, важной стороной которой являлся географический аспект, однако, на мой взгляд, этот вид разведдеятельности родился значительно раньше Пржевальского. И его родоначальника в историческом плане установить крайне трудно. Да, долгое время превалировала «пассивная» форма разведки, когда сведения нередко попадали в руки случайных людей — купцов, дипломатических представителей, чиновников различного ранга. Они доставлялись в столицу, в армейские штабы медленно, порою потеряв свою

разведченность.

Однако надо признать и другое: в наиболее сложные, напряженные периоды, когда развединформация была крайне необходима, в различные земли, в том числе и в весьма отдаленные, разведчики засылались с конкретными заданиями. И они вели такую же «активную» разведку, кстати говоря, обязательно сопровождая ее географическими и топографическими данными.

Вспомните экспедицию в Хиву капитана Николая Муравьева (1819 г.) и капитана Прокофия Никифорова (1841 г.). О них мы рассказывали в предыдущих главах. Ведь их отчеты Генеральному штабу содержали ценнейшие разведматериалы политического, географического, и, разумеется, военного характера. О какой же «пассивной» разведке может идти речь.

Конечно же, Пржевальский был талантливейшим ученым и отличался от других высочайшим качеством своих исследований и научными результатами экспедиций. Кроме того, Николай Михайлович обладал несомненным литературным даром. Каждое его путешествие завершалось выходом в свет увлекательных сочинений, таких как «Монголия и страна тангутов», «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор», а также многочисленных статей в журналах. Они сразу же получали большую популярность, а лекциям Пржевальского, выражаясь современным языком, всегда был обеспечен аншлаг.

Активной и профессиональной работой своего офицера был доволен и Генеральный штаб. Еще бы, разведчик, отличающийся высокими профессиональными качествами, всегда находился в боевой отмотилизованное™, и готов был выполнить любое самое сложное разведзадание. К тому же Николай Михайлович не ждал приказаний, он сам, оценивая геополитическую обстановку, предлагал план будущих экспедиций.

В начале 1876 года Пржевальский представил в Русское географическое общество свои новые предложения. Он желал заняться исследованием Восточного Тянь-Шаня, добраться до Лхасы. Заманчивое и очень смелое решение! Сколько поколений европейских географов мечтало достать этих земель, обследовать загадочное озеро Лоб-Нор.

В Генеральном штабе к тому времени уже находилась докладная записка Пржевальского. Его беспокоила английская экспансия в регионе. В армии правителя Джеты-Шаара Якуб-бека появились некие английские «волонтеры», оружие британского производства. Все это не могло не беспокоить Петербург.

Кстати говоря, с Якуб-беком встречался в период своего путешествия не один Пржевальский. Туда же выезжал и будущий начальник Николая Михайловича, Алексей Куропаткин. Этот факт доказывает заинтересованность России в налаживании отношений с «Кашгарским царем».

Пржевальский дал невысокую оценку Якуб-беку. Он называл его «политическим проходимцем», «разбойником».

В 1878 году состоялась экспедиция Пржевальского в Тибет. Заведующий Азиатским отделом Куропаткин, который вместе с Николаем Михайловичем занимался организацией путешествия, докладывал императору, о том, что помимо научных изысканий предполагается провести разведку политического строя Тибета, его отношений к соседям и возможности завязать отношения с Далай Ламой.

К сожалению, встретиться Пржевальскому с Далай Ламой не удалось, но необходимую развединформацию он собрал. По итогам этой экспедиции Николай Михайлович был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени, а годом раньше за отличия в службе его произвели в полковники.

А дальше будет четвертая центрально-азиатская (вторая Тибетская) экспедиция. В 1883 году полковник Пржевальский с отрядом в два десятка человек выйдет из Кяхты и двинется через Угру на Тибетское плоскогорье, исследует истоки Желтой реки, оттуда через Цайдам к Лоб-Нору, в город Каракол. Николай Михайлович возвратился в Россию с ценными научными и разведывательными материалами.

Уже тогда, при жизни путешественника, стал понятен и осознан его огромный вклад в военную составляющую нашей страны. На основании его наблюдений и исследований были разработаны военные карты азиатских территорий, проложены оптимальные маршруты для перемещения войск через горные перевалы, описано географическое, климатическое, этнографическое сопровождение этих маршрутов. Данные, представленные Пржевальским, оказались столь основательными и профессиональными, что картами, разработанными на их основе, пользовались вплоть до середины XX века.

Заслуги Пржевальского были оценены по достоинству — ему присвоили высокое звание генерал-майора Генерального штаба.

Скончался легендарный разведчик и путешественник в экспедиции в 1888 году. Похоронен на берегу озера Иссык-Куль, что невдалеке от города Каракол.

Военные наблюдатели

Последние десятилетия XIX века отмечены в России серьезной перестройкой разведывательной работы. И дело не только в военных реформах Дмитрия Милютина, которые, разумеется, сыграли свою положительную роль и дали соответствующий толчок в дальнейшем развитии разведки. Были к тому и объективные причины.

Произошли крупнейшие геополитические изменения: российская империя присоединила к своей территории значительные земли на Дальнем Востоке и в Средней Азии.

По Айгунскому договору (1858 года), Китай уступил России Амурскую область, а в 1860 году по договору, заключенному генералом Игнатьевым в Пекине, к нашей стране был присоединен Уссурийский край. В обмен на Курильские острова у Японии приобрели южную часть о. Сахалин. В 1867 году Россия продала США Аляску.

Русские владения расширились и за счет трех среднеазиатских ханств — Кокандского, Бухарского и Хивинского. Первое присоединили к империи в результате войн 1868–1876 годов, а Хива и Бухара признали протекторат России.

Войска Российской империи двигались на юг, к границам Персии и Афганистана, стараясь обеспечить безопасность новых русских владений.

При царствовании Александра II закончилась полувековая борьба с горцами. Вождь кавказцев Шамиль сдался главнокомандующему русской армией князю Барятинскому. Было закончено покорение Кавказа.

Таким образом, завершилось объединение могучего государства — Российской империи, охватывающего огромные пространства от Балтики до Тихого океана, от берегов северных морей до границ Персии и Афганистана.

Теперь не было нужды возлагать разведывательные функции на военно-научные экспедиции, ведь они действовали на своей территории. А необходимость в военно-дипломатических миссиях и вовсе отпала, так как в большинстве своем новыми землями правили администрации, назначаемые из Петербурга.

Разумеется, никто не собирается утверждать, что работа разведки под «крышей» дипломатических и научных экспедиций была свернута вовсе: сбор развединформации проводился на территориях сопредельных государств. Однако, надо признать, теперь экспедиции снаряжались

значительно реже, чем прежде.

Стали утверждаться новые формы и методы «крышевой» разведывательной деятельности. И в первую очередь, участие офицеров Генерального штаба в качестве военных наблюдателей при армиях различных государств, участвующих в войнах, боевых и морских походах и маневрах, военных экспедициях.

Безусловно, такое участие (особенно если наблюдатель был профессионально подготовленным в военном плане) давало плодотворные результаты. Офицер-разведчик мог воочию увидеть и оценить противодействующие стороны не только по количеству орудий, винтовок и сабель, но и с точки зрения воинского мастерства солдат, командирского умения офицеров и оперативного мышления генералов. А коли наблюдатели находились с обеих сторон, то и вовсе картина становилась предельно ясной.

Таким, достаточно успешным наблюдателем проявил себя выпускник Николаевской Академии Генерального штаба капитан Алексей Куропаткин. Современный читатель, если и слышал об Алексее Николаевиче, то, скорее всего, в связи с Русско-японской войной 1904–1905 годов, в которой русская армия потерпела поражение. А ею на Дальнем Востоке как раз и командовал Куропаткин.

Да, не получилось из Куропаткина полководца. Но еще до того как потерпеть поражение под Мукденом, Алексей Николаевич многое сделал для армии. Кстати говоря, неоднократно выполнял сложные и опасные разведздания. Достаточно известна его разведывательная миссия в Турцию, когда с паспортом на имя коллежского асессора Александра Ялозо он выполнял «роль секретного агента или попросту шпиона».

«Работы нужно было производить только переодетым, с фальшивым именем, — напишет в мемуарах «Семьдесят лет моей жизни» генерал Куропаткин. — Поимка такого лица с чертежами турецких укреплений привела бы в Турции к быстрой расправе — виселице. Заступничество нашего посла в Константинополе не следовало ожидать: он даже не должен был знать о моей командировке».

К счастью, Алексей Николаевич избежал турецкой расправы, и успешно выполнил поставленную перед ним задачу. Это было в 1886 году.

Однако задолго до турецкой командировки еще в 1874 году Куропаткин участвовал в качестве наблюдателя в экспедиции французских войск в Алжир. После возвращения оттуда он подготовил обстоятельный отчет для Генерального штаба о состоянии и ходе боевых действий французов в пустыне, а также раскрыл некоторые вопросы экономического,

географического и этнографического характера.

В свою очередь, Куропаткин готовит научную работу «Алжи-рия», которую публикует в 1877 году. В Академии Генерального штаба этот труд был оценен как диссертация на право занятия профессорской должности.

Действия той же французской армии на севере африканского континента изучал и подполковник Лев Костенко. Он был опытным разведчиком, до этого посещал Бухару и вел переговоры с эмиром, стараясь склонить его на сторону России. Льву Феофиловичу это удалось. Костенко также принимал участие в Хивинском походе.

В 1874 году он отправился в Африку для наблюдения за войсками, расположенными в Алжире и Тунисе.

Впоследствии Лев Костенко получит чин генерал-майора, возглавит азиатскую часть Генерального штаба, станет автором многочисленных трудов по истории Средней Азии, известным востоковедом.

Успешным военным наблюдателем проявил себя и полковник князь Михаил Кантакузин. Он был весьма образованным офицером: окончил Николаевского инженерного училища, потом инженерную академию и, наконец, Академию Генерального штаба.

В 1874 году Михаил Алексеевич состоял при командующем войсками Варшавского военного округа генерале от инфантерии Павле Коцебу. Его и направили на маневры австрийских войск.

В Российском государственном военно-историческом архиве сохранился отчет полковника Кантакузина об этом мероприятии.

«Четырехдневные двусторонние маневры у Брандейса (близ Праги), — пишет наблюдатель, — произведенные в присутствии Императора австрийского, под главным руководством эрц-герцога Альбрехта, имели целью дать войскам возможно верную картину действительного боя и, в особенности, ознакомить их с практическим путем и способами движений и действий в виду неприятеля и с правилами полевой службы, доставив, вместе с тем начальнику, практику в управлении частями и в отдаче приказаний.

Общая численность собранных при Брандейсе войск составляла 32 000 человек с 7000 лошадей и около 500 повозок обоза.

Об огне в ходе наступления. Стреляют залпами, не сообразуясь с положением неприятеля, заботясь лишь о том, чтобы выпустить возможно большое количество патронов. Этот отдел, как кажется, самый слабый не только в ландвере, но и в постоянных войсках, что же касается гонведов, то можно смело предположить, что у офицеров не основательное знакомство со свойствами скорострельного оружия, требующего самой строгой

дисциплинировки огня, у нижних чинов более, чем слабое обучение и отсутствие выдержки и внимания».

В том же 1874 году командующий Варшавским военным округом обращается с докладом к председателю военно-ученого комитета графу Федору Гейдену.

«Имею честь, — пишет Коцебу — препроводить Вашему Сиятельству для доклада Военному министру, один экземпляр отчета о поездке моей для присутствования, по Высочайшему повелению, на маневрах прусских войск в окрестностях Мюнхенберга и Ганновера, состоящего из следующих отделов:

- 1) Описание кавалерийских маневров.
- 2) Сравнение прусского боевого порядка для кавалерии с нашим.
- 3) Некоторые сведения о прусской кавалерии.
- 4) Перевод V отдела прусского кавалерийского устава, соответственного IV части нашего кавалерийского устава.

С приложением карт и газетных отчетов на немецком языке».

Так что наблюдателями в период учений и маневров выступали не только офицеры среднего звена, но и генералы в самых высоких званиях, подобно тому же генералу от инфантерии и командующему Варшавским военным округом Павлу Коцебу

Военным наблюдателем от России при английских войсках был и полковник Василий Сологуб. В ту пору он исполнял должность младшего делопроизводителя канцелярии военно-ученого комитета Генерального штаба, то есть иными словами, непосредственно занимался вопросами разведки.

В 1882 году его командировали в Константинополь на международную конференцию по Египту. Дело в том, что египтяне подняли восстание и требовали введения конституции. Они добились своей цели, но подобное положение не устраивало ни Британию, ни Францию. Эти страны по-прежнему желали контролировать Суэцкий канал. И потому, не ожидая решений международной конференции, британские войска вошли на территорию Египта.

Полковник Сологуб в качестве военного наблюдателя находился в рядах английских войск.

Кстати говоря, событие, при котором присутствовал Сологуб (имеется в виду, оккупация англичанами Египта), заставила Российскую империю активизировать свою внешнюю политику в отношении Абиссинии из опасения, что кратчайший морской путь из Европы на Дальний Восток полностью окажется под контролем англичан.

В 1897 году между Российской империей и Абиссинией была достигнута договоренность об установлении дипломатических отношений между странами. Российскую миссию возглавлял П. Власов. При ней находились офицеры Генерального штаба Николай Артамонов и Григорий Чертков. Поручик Александр Булатович командовал конвоем, состоявшим из казаков.

Три названных офицера приняли участие в крупных эфиопских военных экспедициях в качестве военных наблюдателей. Артамонов находился с войсками в верхнем течении Белого Нила, Чертков — в области Бени-Шангуль, а Булатович у истоков озера Альберта. По окончании похода офицеры написали отчеты о боевых действиях, а также составили карты новых территорий.

...В 1898 году между Испанией и Соединенными Штатами Америки разгорелся вооруженный конфликт. Американцы потребовали от Испании заключить мир с восставшими повстанцами, отказаться от суверенитета над Кубой и вывести оттуда свои войска. Мадрид отказался выполнить эти требования. Начались боевые действия, в ходе которых Испания потерпела поражение и вынуждена была подписать мирный договор. Она отказалась от Кубы и Пуэрто-Рико и продала США Филиппины.

События испано-американской войны подробно освещались наблюдателями русского Генерального штаба. Они находились в противоборствующих армиях и на флотах. Так при штабе американских войск был аккредитован полковник Николай Ермолов, при испанских силах на Кубе состоял полковник Яков Жилинский.

Поскольку боевые действия происходили в основном на море, Россия командировала на войну и морских наблюдателей. Капитан 2-го ранга Александр Ливен ступил на борт американского корабля, а лейтенант Давид Похвиснев — испанского. Наблюдения оказались весьма полезными. Офицеры были истинными профессионалами своего дела, и действия противоборствующих сторон разложили, что называется «по косточкам», проанализировав ход войны, участие сторон, их вооружение, тактику, степень обученности солдат и матросов. Отчеты наблюдателей были опубликованы в печати: полковников Ермолова и Жилинского отдельными изданиями в Санкт-Петербурге, капитана 2-го ранга Ливена в журнале «Морской сборник» в 1899 году.

Свой высокий профессионализм офицеры, принявшие участие в испано-американской войне, в последующем подтвердили достойной службой. Яков Жилинский стал 2-м генерал-квартирмейстером Генерального штаба, а с началом Русско-японской войны начальником

Полевого штаба наместника на Дальнем Востоке. В 1911 году он — начальник Генштаба. Правда, в Первую мировую войну русские армии под руководством Жилинского потерпели крупное поражение.

Николай Ермолов стал генерал-лейтенантом, начальником военно-статистического отделения Главного управления Генштаба. Был в двух командировках в Лондоне, где исполнял ответственную должность военного агента Российской империи.

Александр Ливен получил чин вице-адмирала российского флота и в 1912 году был утвержден в должности начальника Морского Генерального штаба.

Трагически сложилась судьба Давида Похвиснева. Будучи старшим офицером на броненосце «Ослябля», он героически погиб в Цусимском сражении.

Агенты Красного Креста

Военная разведка Российской империи в качестве «крышевого» прикрытия активно использовала не только должности военных и военноморских наблюдателей, но также Российское общество Красного Креста (РОКК).

...В ноябре 1854 года в Севастополь на Крымскую войну прибыл первый отряд сестер милосердия Крестовоздвиженской общины из Петербурга. Создателем этой общины была Великая княгиня Елена Павловна Романова.

Однако медицинская общественность Европы считает основательницей сестринского дела не Великую русскую княгиню, а англичанку Флоренс Найтингейл. Хотя, на мой взгляд, это не имеет особого значения. Важно, что Крестовоздвиженская община по праву является предтечей Российского Красного Креста. Именно на Крымской войне состоялось боевое крещение первых сестер милосердия. С декабря 1854 года по январь 1856 года в Крыму находилось более 200 сестер, 17 из которых погибли.

В 1857 году император Александр II утвердил устав Общества попечения о раненых и больных воинах. Через двенадцать лет оно было переименовано в Российское общество Красного Креста (РОКК).

Почетными членами Общества стали император, все великие князья и княгини, высокопоставленные светские лица, высшее духовенство.

Общество находилось под покровительством императрицы. Члены РОКК помогали раненым на полях сражений, пострадавшим в период землетрясений, наводнений, пожаров, собирали и выдавали пособия, боролись с чумой и другими эпидемиями.

Для разведывательной деятельности оно было удобно тем, что его члены беспрепятственно могли проникать на театр боевых действий.

За двадцать с лишним лет своего существования в XIX веке врачи, сестры милосердия, санитары Российского общества Красного Креста оказывали помощь жертвам Франко-прусской (1870–1871 гг.), Турецко-черногорской (1876), Итало-абиссинской (1896 г.), Испано-американской (1896 г.), Греко-турецкой (1897 г.), Англо-бурской (1899 г.) войн.

Разведка, разумеется, не могла не воспользоваться такой возможностью.

В 1896 году в России организовали сбор средств для оказания помощи

раненым и больным эфиопским солдатам, которые боролись за свободу своей страны. Так же было принято решение послать в эту африканскую страну отряд Красного Креста. Поручика гусара Александра Булатовича прикомандировали к этому отряду.

Александр Ксаверьевич окончил одно из самых привилегированных учебных заведений того времени — Александровский лицей. Там готовили будущих дипломатов, высших чиновников. Но чиновничья служба не привлекала молодого человека. Он зачисляется вольноопределяющимся в лейб-гвардии Гусарский полк, и через год с не большим, получает первое офицерское звание корнета.

Александр мечтает о путешествиях, и даже готовится к ним, в частности, изучает амхарский язык.

Путь в Эфиопию нашей миссии Красного Креста оказался долгим и трудным. Всяческие препятствия русским врачам чинят итальянцы. Тем не менее отряд достигает берегов Джибути в апреле 1896 года. И тут возникает необходимость выслать вперед курьера. Но от Джибути до Харара более 350 верст по горной местности и безводной пустыне. Многие, особенно местные жители, со скепсисом смотрели на успех подобного предприятия. Но выбора не было, и в путь по собственному желанию, в сопровождении двух проводников, отправился корнет Булатович, кстати говоря, до этого никогда не передвигавшийся на верблюдах.

Длинный и трудный путь, к всеобщему удивлению и восторгу, Александр прошел за трое суток и 18 часов, быстрее профессиональных курьеров.

Однако впереди бесстрашного корнета ждал не отдых, а новое испытание. Когда отряд РОКК прибыл в Харару, пришло известие от властей страны: русским врачам предлагали задержаться.

Вновь ситуация была не ясна, и опять понадобился передовой гонец. Только теперь следовало преодолеть еще большее расстояние. От Харара до Энтото было около 700 верст.

Булатович преодолел этот путь за восемь дней, добился аудиенции императора Абиссинии Менелика II, и убедил его в полезности экспедиции Российского Красного Креста.

Вскоре Александр Булатович встречал миссию у резиденции императора.

Отряд работал в Эфиопии несколько месяцев, оказал медицинскую помощь десяткам солдат и местных жителей и в октябре 1896 года двинулся в обратный путь.

Булатович через руководителя отряда подал прошение об отпуске и

остался, как он писал в рапорте, «для более обстоятельного знакомства с Абиссинией». Александр хотел проникнуть в неизвестные и неизученные доселе районы. Ходатайство поддержал начальник Азиатской части Генерального штаба. Для него подобные разведсведения были на вес золота.

Экспедиция длилась три месяца. Булатович посетил районы среднего течения реки Ангар и ее притоков, а также долину реки Дидессы.

Весной 1896 года Александр Ксаверьевич возвратился в Петербург. За заслуги перед Отечеством он был произведен в поручики и награжден орденом Анны 3-й степени.

На основе собранного материала Булатович написал сочинение: «От Энтото до реки Баро. Отчет о путешествии в Юго-Западные области Эфиопской империи». Оно было издано по решению Генштаба в 1897 году.

Если говорить о географической ценности труда, то он полезен в первую очередь тем, что автор впервые составил карту юго-запада Абиссинского нагорья и его речной системы. Что касается разведывательной составляющей, то Булатович проанализировал состояние эфиопской армии, уделив особое внимание вопросам организации, обучения, тактики и вооружения. Была дана также оценка политической обстановки в стране.

В дальнейшем Александр Булатович несколько раз побывает в Абиссинии, с успехом выполняя разведывательные и дипломатические задания. Из-под его пера выйдут интереснейшие сочинения, в том числе, и основной его труд «С войсками Менелика II».

Командирование военных разведчиков с отрядами Российского общества Красного Креста будет практиковаться и в дальнейшем. Примером тому поездка штабс-капитана лейб-гвардии Волынского полка Алексея Потапова на Англо-бурскую войну.

В следующих главах мы будем подробно рассматривать работу военной разведки в Южной Африке. Там действовали и официальные военные агенты и офицеры-«крышевики» под прикрытием должностей корреспондентов газет и журналов, но сейчас нас интересует штабс-капитан Потапов, прикомандированный к отряду РОКК.

Следует уточнить: Алексей Степанович Потапов, только что окончивший Николаевскую Академию Генерального штаба, официально был уволен из армии, правда, «с сохранением всех прав и преимуществ по службе при обратном поступлении».

В ноябре 1899 года отряд РОКК, а вместе с ним и Потапов, убыли из Петербурга в Южную Африку.

Русским медикам быстро удалось завоевать доверие буров. Многие местные жители по несколько дней бывали в пути, чтобы добраться до места развертывания госпиталя. Они разбивали палатки перед госпиталем и приходили к докторам целыми семьями.

Но главной заботой русских врачей и сестер милосердия было лечение раненых на поле боя. В чем они достаточно преуспели.

Все время пребывания отряда Алексей Потапов занимался сбором развединформации и передачей донесений, которые, кстати, были потом опубликованы отдельным изданием.

По возвращении с Англо-бурской войны Алексею Потапову время пребывания в запасе зачли в действительную службу, выплатили за этот срок денежное содержание и произвели в капитаны. Так что нет никаких сомнений, что офицер со своей задачей справился.

В дальнейшем Алексей Степанович станет штабс-офицером пластунской бригады, начальником штаба дивизии, получит чин генерал-майора. Примет участие в двух войнах — Русско-японской и Первой мировой.

Что же касается опыта использования РОКК в качестве «крышевого» прикрытия для разведчиков, то он будет применяться и в следующем XX веке.

Персидские казаки и русские разведчики

Эта глава посвящена созданию Персидской казачьей бригады, а также ее роли во внешнеполитической и внутренней жизни Ирана (до 1935 года — Персия). Однако какое отношение воинское формирование иностранного государства имеет к военной разведке России? Оказывается, самое прямое. Надо признать, что эта спецоперация Генерального штаба и военной разведки была одной из наиболее удачных и продуктивных во второй половине XIX века. Развертывание в Иране казачьей бригады, которой руководили русские офицеры, явилось мощным средством политического влияния Российской империи на своего южного соседа.

Действительность превзошла все ожидания. Планировалось, что офицеры Генштаба, возглавлявшие формирование, будут иметь возможность добывать ценные сведения военного и внутривосточного характера, но о столь серьезном сближении с первыми лицами государства, и большом влиянии на них, приходилось только мечтать. Тем не менее эти мечты обрели реальность. Разумеется, не сами по себе, а с непосредственным участием российских военных разведчиков. И это еще раз доказывает высокий профессионализм русских офицеров, работавших в Иране.

Большинство историков и исследователей считают, что отправной точкой в создании бригады стал визит персидского шаха Наср-эд-Дина в Европу в 1878 году. Проезжая через Эриван, он был удивлен и восхищен выправкой и мастерством владения оружием местных казаков и обратился к наместнику Кавказа с предложением пригласить в Персию русских офицеров для создания отряда кавалерии. Эту мысль высказал Алексей Домонтович, который и стоял у истоков создания Персидской казачьей бригады в своих «Воспоминаниях о первой русской военной миссии в Персии», опубликованных в журнале «Русская старина» в 1908 году.

Что ж, подвергать сомнению свидетельство Алексея Ивановича не имеет смысла. Однако сохранился и другой документ: письмо товарища министра иностранных дел Шишкина начальнику Главного штаба Н. Обручеву в 1894 году, в котором он сообщает, что бывший посланник в Тегеране тайный советник Зиновьев побудил шаха обратиться к нашему содействию для образования персидской кавалерии по образцу казачьего войска.

Значит, вполне возможно, что восхищение шаха в Эриване легло уже

на подготовленную почву.

Словом, было принято решение пехоту и артиллерию строить по австрийскому образцу, а вот кавалерию — по российскому.

И это самое важное. В Персию выехал подполковник Алексей Домонтович с тремя офицерами и пятью урядниками Терского казачьего войска.

Однако, прежде чем начать рассказ о деятельности миссии Домонтовича, справедливости ради следует отметить: до него в Тегеране уже побывал российский военный агент генерал-майор Виктор Франкини.

Виктор Антонович был не только боевым офицером, участником героической обороны Севастополя, но и опытным военным разведчиком. Он тринадцать лет работал в качестве военного агента Российской империи в Константинополе, владел восточными языками. По возвращении из турецкой командировки его направили на Кавказ руководить военно-горским управлением. И вот теперь новое поручение — выехать в Тегеран. Задача строго конкретизирована: ознакомиться с состоянием персидских вооруженных сил, возвратиться в Россию и предоставить отчет. Что, собственно, он и сделал. Хотя пришлось задержаться в Тегеране: генерал-майор Франкини произвел на шаха «выгодное впечатление», как докладывает командующий войсками Кавказского военного округа, и глава Ирана попросил написать проект реформирования персидских вооруженных сил. Виктор Антонович, естественно, не смог отказать шаху. Но претворять в жизнь этот проект уже было поручено Домонтовичу.

Договор с подполковником заключили на три года, и Алексей Иванович приступил к работе.

В 1880 году Персидская казачья бригада была сформирована в составе двух полков. Сначала она насчитывала 400 сабель. Официально носила название «Его величества шаха бригада». Во главе формирования стоял так называемый «Заведующий обучением персидской кавалерии», назначаемый из числа офицеров Генерального штаба Российской империи. Командир бригады являлся ближайшим советником шаха и подчинялся ему и премьер-министру.

Несмотря на поддержку Насер-эд-Дин-шаха Домонтович в своей деятельности столкнулся с немалыми трудностями. После создания первого полка шах провел строевой смотр, остался доволен выучкой и внешним видом кавалеристов и тут же приказал Алексею Ивановичу развернуть второй полк. Но не тут-то было. Все попытки включить в состав части 250 мухаджиров, как тогда называли переселенцев с Кавказа, натолкнулись на жесткое сопротивление. Мухаджиры не желали насильственного

зачисления в бригаду. Тогда второй полк укомплектовали добровольцами. Персидская казачья бригада выросла до 600 человек и стала вполне боеспособным кавалерийским соединением.

Однако трехлетний срок пребывания Домонтовича в Персии подходил к концу. Алексею Ивановичу присвоили звание полковника, и шах желал продлить с ним контракт. Но в Петербурге решили по-иному: Домонтович вернулся на Родину, а вместо него в Тегеран убыл полковник Генштаба Петр Чарковский.

Ему удалось развернуть третий казачий полк и конную артиллерийскую батарею.

С середины 1880 годов финансовое и материальное положение бригады ухудшается. Этому способствуют интриги внутри соединения, в российском дипломатическом корпусе, противостояние посланников и командиров бригад. Усиливается влияние англичан. Шах теряет интерес к формированию. Военный министр — один из лидеров проанглийской партии при дворе предлагает упразднить бригаду.

В российском Генштабе с тревогой следят за событиями в Персии. Потеря бригады, разведывательных возможностей и политического влияния в Иране, может дорого обойтись Российской империи. Потому нужен способный офицер, который твердой рукой сумел бы наладить дело, службу и учебный процесс в бригаде, добиться подъема ее авторитета в глазах шаха. И такой офицер найден. Это полковник Владимир Косаговский.

Он окончил 1-ю Московскую военную гимназию, Николаевское кавалерийское училище, служил в Ахтырском гусарском полку. Вместе со своей частью храбро воевал в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов.

После возвращения с фронта он поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба, по первому разряду окончил ее и был направлен на Кавказ. Там он командовал эскадрой, служил обер-офицером, штаб-офицером при штабе Кавказского военного округа.

В начале 1894 года полковник Косаговский приезжает в Тегеран и вступает в командование Персидской казачьей бригадой. Позже Владимир Андреевич будет вспоминать: «Я очутился в неведомом мне дотоле мире, во главе учреждения, изображавшего собой нечто вроде Панамы: денежный ящик пустой; вместо наличных сумм — 38 000 туманов долга; вместо 500 строевых казаков всего годных к строевой службе 165 конных; самостоятельных командиров в бригаде оказалось ровно столько, сколько было налицо русских офицеров и урядников-инструкторов...»

Но, как говорят на Руси, глаза боятся, а руки делают. Косаговский

сократил финансовые расходы, стал энергично укреплять дисциплину, произвел перестановки среди командного состава и казаков. Естественно, такие действия командира не понравились, прежде всего, мухаджирам, которые находились в привилегированном положении. Они-то и подняли бунт. С трудом Косаговскому удалось уговорить шаха вмешаться и подписать документ, по которому мухаджиров уравнили в правах с другими военнослужащими бригады.

Через два года после приезда Владимира Андреевича в Тегеран в столице Персии происходит событие, которое проверяет на крепость и самого Косаговского и его бригаду. В 1896 году совершено нападение на шаха. До прибытия в Тегеран наследника престола Мозаффар-эд-Динмирзы ответственность за спокойствие в городе ложится на плечи командира Персидской казачьей бригады.

Косаговский сумел обеспечить новому шаху мирный и беспрепятственный въезд в столицу и вступление на престол. В знак благодарности Мозаффар пожаловал русскому полковнику драгоценную награду — перстень, усыпанный бриллиантами.

С этих пор начинается восхождение и приближение к Олимпу власти как Косаговского, так и укрепление авторитета бригады. Теперь это формирование не подчиняется военному министру, а замыкается на садразама — первого министра. О возросшем престиже казачьей бригады говорит и тот факт, что губернаторы, получившие назначение в провинции, просят у шаха казаков для охраны и конвоя. Владимир Андреевич использует свое влияние при шахском дворе для увеличения численности бригады.

Девять лет продлилась персидская командировка полковника Косаговского. За этот период Генеральный штаб и штаб Кавказского военного округа получили огромное количество ценнейшего разведывательного материала стратегического, военно-статистического, политического, экономического характера. Его доклады, отчеты отличались высоким уровнем профессиональной подготовки. Ведь он в течение многих лет на месте, всесторонне изучал и оценивал обстановку в стране пребывания.

Интересен и тот факт, что материалы, передаваемые Владимиром Андреевичем, насыщены не только специфическими разведданными, которыми интересовались штабы, но и сведениями, казалось бы весьма далекими от военной тематики, но крайне важными для создания целостного образа страны.

Так он присылает доклад, в котором со знанием дела рассказывает о

технологии выращивания шелковичных червей и производстве шелка, об устройстве системы водоснабжения и канализации в столице Ирана.

Сохранились разработки Владимира Андреевича и по весьма актуальной в те годы стратегической проблеме: движение войск русской армии в Индию через территорию Ирана. Он описал маршруты переброски сил, наиболее удобные места переправ, использование средств при форсировании водных преград, районы для развертывания обозного хозяйства и многое другое. Все это описано со знанием дела и глубоким анализом обстановки.

В последующем, при новых командирах Персидская казачья бригада играет важную, а порою и решающую роль во внутривнутриполитической жизни Ирана. Так было в критические дни 1908 года, в период так называемой конституционной революции в Иране, когда персидские казаки во главе со своим командиром полковником Генштаба Владимиром Ляховым спасли шахский престол и помогли одержать победу Мохаммеду Али-шаху над «взбунтовавшимся» меджлисом.

Владимир Платонович Ляхов окончил 1-й Московский военный кадетский корпус, 3-е Александровское военное училище и академию Генштаба. Был выпущен в лейб-гвардии Измайловский полк.

Через несколько лет оказался на Кавказе. Служил штаб-офицером при штабе округа, начальником штаба дивизии, командовал отрядом, восстанавливая порядок в Осетии в период революции 1905–1906 годов.

Летом 1906 года — направлен в Тегеран, где возглавил Персидскую казачью бригаду.

В период кризиса 1908 года Владимир Платонович действовал весьма грамотно и решительно. К решающему столкновению с меджлисом он сосредоточил в столице около 500 военнослужащих бригады. При нем находились две батареи, команда пулеметчиков.

Уже в начале мая шах оказался в опасном положении. Он оставался во дворце, притом что прилегающие улицы были заполнены враждебно настроенными людьми. Шахские вельможи и прислуга бежали из дворца. Оценив обстановку, полковник Ляхов понял: пробиться к дворцу и освободить шаха даже с помощью его вполне боеспособной бригады невозможно. Прольется кровь, которая может свергнуть страну в пучину гражданской войны.

И тогда полковник Ляхов разработал хитроумный план эвакуации шаха из дворца. Он и его подчиненные сильно рисковали. Случись провал, и русских офицеров казнили бы не задумываясь. Но провала не произошло, спецоперация была разработана тщательно, профессионально и прошла с

успехом.

22 мая конные полки шахской гвардии, с орудиями стремительно покинув военный городок, помчались к центру столицы, к дворцу, где заседал меджлис. Но это был отвлекающий маневр. Когда защитники меджлиса бросились на площадь, основные силы бригады — два казачьих полка и батальон пластунов заняли площадь у шахского дворца.

Из ворот дворца вылетела карета, которую лично сопровождал полковник Ляхов, его офицеры и урядники. Карета, в которой находился шах, стремительно двигалась к казармам бригады и вскоре достигла территории военного городка. А полки, посланные к меджлису, к удивлению возбужденной толпы, возвратились назад.

Вскоре по периметру гарнизона казаки развернули артиллерию, оцепили его конными и пешими караулами. Эти события отрезвили столичных военачальников, и воинские части стали прибывать к шаху, чтобы уверить его в преданности монархии.

Через некоторое время шах объявил столицу на военном положении и назначил полковника Ляхова временным генерал-губернатором Тегерана.

10 июня казаки попытались овладеть штабом мятежников — мечетью Сошех-Салара, но по ним был открыт огонь. И тогда Ляхов приказал выкатить на прямую наводку артиллерию и ударить по зданию меджлиса. Так русский полковник сохранил для шаха престол, а, возможно, и его жизнь, а для Российской империи — вполне нейтрального соседа.

С началом Первой мировой войны Персидская казачья бригада значительно выросла в численности: в провинциях Ирана стали разворачиваться казачьи отряды, которые выполняли как военные, так и жандармские обязанности.

В конце 1916 года на базе бригады была развернута дивизия.

После Октябрьской революции большевистское правительство не смогло осознать важность Персидской казачьей бригады. Ведь во главе этого формирования стояли царские офицеры. Большевики потребовали их отстранения, однако Тегеран не выполнил этого требования. В то же время было ясно, что судьба командира дивизии полковника Всеволода Старосельского, его офицеров и урядников предрешена.

В начале 1921 года состоялась отставка Старосельского. Дивизия перешла под командование полковника Реза-хана, будущего шаха Ирана. Л вскоре на базе дивизии впервые в стране была сформирована регулярная армия. Так завершилась уникальная спецоперация нашей военной разведки под названием «Персидская казачья бригада», которая продолжалась более 40 лет.

Надо отметить, что результаты этой спецоперации весьма отрадны. Российская империя, опираясь на казачью бригаду, влиятельную деятельность ее командира, офицеров и урядников, обеспечила для себя выгодные экономические и торговые условия, не допустила посягательств на российские политические и торгово-экономические интересы в Иране со стороны опаснейшего и коварного соперника — Англии.

Персидская казачья бригада по своему высокому положению политической и военной организации, ставшей истинной опорой шахскому режиму, являлась надежным и эффективным оружием Российской империи.

А как же сложились в дальнейшем судьбы командиров бригады, офицеров Генштаба, по сути, руководителей русской разведки в Иране?

Сложились они по-разному. Алексей Домонтович, как самый старший из них по возрасту, скончался в 1908 году и, к счастью, не увидел заката славного воинского формирования, которое создавал сам, а младший — Всеволод Старосельский ушел из жизни уже в середине XX века, после Второй мировой войны в 1953 году, в эмиграции в США.

Все они стали генералами, участвовали в Русско-японской и в Первой мировой войне, командовали дивизиями и корпусами.

Генералы Владимир Косаговский и Николай Вадбольский во время Русско-японской войны занимались организацией разведки на Дальнем Востоке.

Федор Чернозубов, Владимир Ляхов, Николай Вадбольский после Октябрьской революции примкнули к Белому движению.

«Трансвааль, Трансвааль, страна моя!»

Сегодня вряд ли кого-то можно удивить сообщением о том, что разведка для прикрытия своей деятельности использует редакции газет, журналов, различных информационных агентств. Впрочем, тут нет ничего нового. Известный во всем мире писатель и журналист Даниэль Дефо, автор любимой миллионами читателей книги «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо», был главой секретной разведывательной службы Англии. Напомню, Дефо возглавил её в начале XVIII века. С тех пор многое изменилось. Но разведка не отказалась от журналистской «крыши». И думается, верно поступила. Вряд ли какая другая профессия может так надежно и умело замаскировать разведчика, дать ему свободу передвижения, возможность общения с различными людьми, не вызывая при этом подозрений.

Именно журналистика помогла великому разведчику XX века Рихарду Зорге проникнуть в Японию и впервые создать там уникальную по своим возможностям, нелегальную резидентуру. Сам Зорге был хорошо знаком с послом Германии в Японии Оттом, с которым сошелся, когда тот служил еще помощником военного атташе. А сотрудник резидентуры Ходзуми Одзакки находился в дружеских отношениях с принцем Коноэ. Отсюда и развединформация самого высокого уровня.

Потомственный английский аристократ Ким Филби, из знаменитой «кембриджской пятерки», работавший на советскую разведку с 1935 года, тоже был журналистом, корреспондентом ведущей газеты Соединенного Королевства «Таймс». Он трудился военным корреспондентом в период гражданской войны в Испании, потом на фронтах Второй мировой до падения Франции в 1940 году. А когда вернулся в Лондон, его пригласили в английскую разведку. Так что и здесь профессия журналиста сыграла огромную роль.

Есть примеры и совсем недавнего прошлого. Журналист-международник, востоковед, корреспондент газеты «Правда» Евгений Максимович Примаков в 1991 году возглавил службу Внешней разведки России. По свидетельству многих разведчиков, с которыми мне приходилось встречаться, он, по-существу, спас СВР от разрушения и уничтожения.

Это примеры, так сказать, самого высокого порядка, когда журналисты возглавляли национальные спецслужбы или под «редакционной крышей»

обретали известность, получали признание. Однако большинство из них работали в безвестности и секрете, и имена их до сих пор являются тайной за семью печатями. Некоторые фамилии разведчиков иногда всплывают в отдельных публикациях, но должного внимания к ним нет. Они несправедливо забыты. И потому хотелось бы вспомнить о них. Не только как о людях в высшей степени достойных, много совершивших во благо России, но и об офицерах разведки, стоявших у истоков создания нового «крышевого» направления. Речь, как вы догадываетесь, идет о работе под прикрытием корреспондентских должностей печатных изданий.

В числе первых таких «корреспондентов» следует назвать поручика Виктора Машкова. Родился он на Кубани, окончил Павловское военное училище, служил в самом южном гарнизоне империи в крепости Карс.

Доподлинно неизвестно, как и когда Машков заинтересовался Абиссинией. Однако занимался историей этой страны Виктор Федорович глубоко и серьезно. Как офицер, он изучал, прежде всего, военные кампании на территории Абиссинии: интервенцию англичан в 1867–1868 годах, боевые действия итальянцев в 1885–1887 годах.

Долгими вечерами во время службы в крепости засиживался он за книгами и картами. Сослуживцы уже привыкли, не звали подпоручика в свою компанию: знали — не пойдет.

В 1887 году Виктор Машков прибыл в Санкт-Петербург и подал военному министру Петру Ванновскому докладную записку. В ней он анализировал политическое и военное положение в Абиссинии, а также убеждал руководство военного ведомства в важности установления межгосударственных отношений России с этой страной.

Офицер предлагал свои услуги и план проникновения в Абиссинию в качестве частного лица.

Ответа на записку Машков не дождался и возвратился в Карс. Дело в том, что министр иностранных дел Гире отнесся к его инициативе весьма прохладно.

Первая неудача не смутила Машкова. На следующий год молодой провинциальный офицер вновь приехал в столицу и продолжил «штурм» военного ведомства, убеждая чиновников в своей правоте. И таки добился своего. В декабре 1888 года его принял военный министр. А через несколько дней доклад Ванновского уже находился у государя. Петр Семенович поддержал инициативу Машкова.

24 декабря высочайшее соизволение на поездку в Абиссинию было получено. Виктор Федорович был уволен в запас, Генштаб выплатил ему командировочные в сумме двух тысяч рублей.

Теперь, когда служебные и финансовые проблемы оказались решенными, возникал естественный вопрос: под какой «крышей» двинуть в дальнюю дорогу, в неизведанную страну? Если под видом купца, то надо снаряжать торговый караван. Прикинуться ученым или дипломатом, и того хуже, следует организовывать экспедицию. Для этого у молодого офицера не было ни опыта, ни финансовых возможностей. И тогда пришла вполне здравая мысль: договориться с какой-либо из газет и поехать в Абиссинию с удостоверением корреспондента. Выбрали популярную в то время столичную газету «Новое время». Она издавалась уже двадцать лет, ее хорошо знали как в России, так и за рубежом.

Военное ведомство договорилось с издателем А. Сувориным, которому принадлежала газета, и Машков был снабжен всеми необходимыми документами.

В феврале 1889 года Виктор Федорович прибыл в порт Обок на берегу Красного моря. Дальше его путь лежал через пустыню. Вскоре Машков и его спутники достигли Харара. А дальше дорога была закрыта: требовалось разрешение императора, да к тому же закончились деньги.

Машкову пришлось писать в Петербург, начальнику Военноученого комитета генералу А. Боголюбову, просить денег и оружия. Генерал обратился к военному министру, однако тот не поддержал просьбу офицера. Оставалось одно — самому добывать деньги, чтобы продолжить путешествие. Поручик деньги достал и продолжил путь.

Приехав, явился в императорский дворец без подарков. Однако Менелик II словно и не заметил этого, приняв русского офицера с почетом. Машков гостил у императора Абиссинии почти месяц.

В обратный путь негус передал посланнику письмо к российскому царю и подарки.

По возвращении в Петербург Александр III лично принял поручика, который вручил ему письмо и подарки Менелика II. После аудиенции императора, офицер из опального путешественника превратился в героя: получил орден Владимира 4-й степени, стал членом Русского географического общества. И, конечно же, газета «Новое время» опубликовала цикл его очерков об Абиссинии.

В 1891–1892 годах Виктор Машков совершил второе путешествие в Абиссинию. Эту экспедицию готовили уже три ведомства — военное, Министерство иностранных дел и Синод. И каждое из них поставило перед Виктором Федоровичем свои задачи.

Но главное, о чем беспокоились в Петербурге, — Италия сделала громкое заявление, якобы Абиссиния является ее протекторатом. Англия и

Германия признали итальянский протекторат. Правда, его не признал абиссинский император, о чем и сообщил в личной беседе посланцу России. И это было, пожалуй, самым важным достижением миссии Машкова.

По возвращении его вновь принял император, а потом и наследник престола. Еженедельник «Новое время» напечатал несколько новых очерков Виктора Федоровича, которые назывались «В стране черных христиан».

В последующие годы подобный метод «крышевого» прикрытия получит свое дальнейшее развитие. Толчок к этому даст Англобурская война, начавшаяся в 1899 году.

Разумеется, свои взоры русская военная разведка в конце XIX века обращает на Южную Африку неспроста. На то есть объективные причины. На рубеже веков разворачивается бескомпромиссное противостояние великих держав за передел колоний. Одной из первых подобных войн, позже получившей название войны нового типа, станет Англо-бурская война. Она начнется в октябре 1899 года с объявления бурскими Южно-Африканскими республиками Трансвааль и Оранжевой боевых действий против Великобритании. И если для Британии это было расширение своих имперских амбиций, то для буров стоял вопрос существования независимых республик.

Русский Генштаб проявил большой интерес к данному театру военных действий и направил в Южную Африку своих агентов: подполковника Павла Стаховича к английским войскам, а к частям буров — подполковника Василия Ромейко-Гурко. Однако, как известно, Британия не признавала независимость этих республик и чинила всяческие препятствия нашему военному агенту. Ромейко-Гурко, оказавшись в лагере англичан, по сути, стал их «пленником».

Помимо официальных агентов Военно-ученый комитет позаботился об отправке в Южную Африку так называемых тайных агентов — офицеров-добровольцев под прикрытием. В частности, поехать на войну по собственному желанию вызвался поручик 117-го Ярославского пехотного полка Алексей Едрихин.

В октябре 1899 года он написал докладную записку Его превосходительству начальнику Военно-ученого комитета генерал-лейтенанту Сологубу: «Желаю отправиться в Южную Африку, чтобы лично следить за ходом англо-трансваальской войны».

Судя по всему, докладная записка поручика пришлась очень кстати. Примечательно и то, что Алексей Ефимович обратился именно к

начальнику Военно-ученого комитета, в ведении которого находилась разведка. И она крайне нуждалась в сведениях с южно-африканского театра военных действий.

Кто же он такой, поручик Едрихин?

Известно, что Алексей Ефимович родился в многодетной семье солдата, и в детстве, юности не смог получить достойного образования. В 17 лет подался на военную службу, вольноопределяющимся в 120-й Серпуховской пехотный полк.

Он упорно занимается самообразованием, и в 1886 году сумел поступить в Виленское военное училище. Но уровень образования все-таки сказывался на результатах учебы. Окончив училище по второму разряду, он не получает производство в офицеры, а лишь чин подпрапорщика. Два года Едрихин служит достойно и старательно, и наконец, производится в подпоручики. Такая задержка на старте карьеры не вселяет оптимизма, но Алексей упорно идет вперед.

В 1892 году офицер удостоен медали «За спасение погибавших». Доподлинно неизвестно, за что конкретно получил Едрихин эту награду. Но поскольку ее вручали тем, кто спасал утопающих или гибнущих на пожаре, можно сделать вывод: Алексей Ефимович совершил подвиг в мирное время и сохранил чью-то жизнь.

Годы службы в гарнизоне он не разменял на кутежи и карточные игры. Упорно работает над собой, готовится к поступлению в Академию Генерального штаба. Однако поступить в это высшее военное учебное заведение очень трудно. Достаточно сказать, что кандидаты должны были выдержать 12 экзаменов, из них два — по иностранным языкам. Тем не менее поручик Едрихин принят в Академию Генерального штаба.

Успешно осваивает сложную учебную программу. Окончив 2 курса, выполняет письменные работы за дополнительный курс. Казалось бы, еще год — и исполнится его мечта, он станет офицером Генерального штаба. Но Алексей Ефимович неожиданно подает рапорт и убывает к прежнему месту службы.

Однако это только на первый взгляд поступок Едрихина неожиданен. В откомандировании нет ничего необычного. Еще не раз в своей жизни он будет не только откомандировываться, но и увольняться с военной службы, а через определенное время вновь возвращаться в строй. Правда, уже в более высоком звании и, нередко, отмеченный орденом.

Сегодня с уверенностью можно сказать: Алексей Ефимович выполнял ответственные задания русской военной разведки. И первое из них в 1899 году, когда был зачислен в запас по армейской пехоте. Кстати говоря, все

эти мероприятия по увольнению в запас, есть не что иное, как прикрытие разведывательной деятельности офицера.

Итак, получив полную поддержку Военно-ученого комитета, Алексей Едрихин отправляется в Южную Африку. Официально он корреспондент популярной газеты «Новое время».

Поручик оказался весьма талантливым журналистом: несколько месяцев, с февраля Цо июнь 1900 года газета публикует его очерки из Южной Африки. Они интересны не только экзотикой далекого Трансвааля, но и глубоким проникновением в тему войны, анализом ее причин, новым взглядом на Российскую империю через призму зарубежного опыта.

В одной из своих статей, опубликованных в газете «Новое время» в феврале 1900 года, Алексей Ефимович пишет: «...Наша нравственность и... моральная сила очень высока, физически мы богатыри, наше православное пьянство, менее ужасно, чем у других народов, наша лень, не так велика, как мы говорим, наше невежество вещь поправимая при нашем здравом рассудке».

Так что редакция газеты была вполне довольна своим корреспондентом. А как Генеральный штаб? Ведь не ради репортажей в «Новом времени» отправлял он своего офицера на войну.

Несмотря на то, что Едрихин пробыл на фронте не долго, около двух месяцев, и из-за болезни был вынужден покинуть страну, военный министр А. Куропаткин в докладе императору Николаю II отзываясь о нем как о дельном офицере. Более того, министр лично принимает Едрихина, беседует с ним. А накануне этой беседы Алексей Ефимович получает чин штабс-капитана. Разумеется, он вновь принят на службу.

А через несколько месяцев Едрихин вновь подает в отставку. Пока не найдены документы, дающие ответ на вопрос, чем занимался штабс-капитан с 1901 по 1902 год, но косвенно можно утверждать: он не грел плечи на печи. Ибо в ноябре 1903 года Едрихин вызван из запаса и назначен на опять-таки неожиданную должность — помощником военного атташе в Китай. Так что возможно, в эти два года он осваивал восточные языки или находился в командировке по линии разведки.

Нет сомнения, что и в Китае Алексей Ефимович занимался разведработой. Об этом говорит его служебная записка, датированная 1906 годом. Называется она «Сведения о переустройстве вооруженных сил Китая».

Остается только добавить, что в 1907 году Едрихин официально сменит фамилию и станет Вандамом. Этим литературным псевдонимом он подписывал свои журналистские работы еще со времен Англо-бурской

войны.

Алексей Ефимович Вандам в дальнейшем будет командовать полком, штабом дивизии. Получит чин генерал-майора. Напишет несколько книг, которые с полным основанием можно отнести к военно-стратегическим военным трудам.

В период войны в Южной Африке военное ведомство получало ценные разведсведения и от тайного военного агента, работавшего так же под журналистским прикрытием подполковника Евгения Максимова.

Евгений Яковлевич родился в семье русского морского офицера. Учился в Технологическом институте, потом на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Из него мог бы получиться блестящий юрист, но Максимов мечтал о военной карьере. Сдав экзамен на офицерский чин, он поступает на службу в гвардейский кирасирский полк. Однако по семейным обстоятельствам Максимов уволился из гвардии, служил в корпусе жандармов. Принимал участие во многих военных экспедициях в Сербии, Болгарии, Туркестане, Абиссинии.

Когда началась война в Южной Африке, Евгений Яковлевич обратился в редакции нескольких газет, чтобы поехать на фронт военным корреспондентом. Однако бурские республики были где-то далеко, и поначалу российская пресса не придавала значения этой войне. Максимова отказали. И тогда он обратился в Военно-ученый комитет, предложил послать его в Южную Африку корреспондентом «Военного сборника».

Разведчики поддержали Максимова и согласились отправить его в качестве официального военного корреспондента. Но не тут-то было. Англия по этому поводу заявила протест, и Евгений Яковлевич вынужден был вернуться на полдороги из Одессы в Петербург.

Он все равно поехал в Южную Африку, но уже как частное лицо, корреспондент нескольких российских газет. О том, что Максимов занимался разведдеятельностью, сомнений нет. Достаточно сказать, что он имел собственный секретный шифр и направлял донесения в Военно-ученый комитет Соллогубу.

Евгений Яковлевич не только собирал разведывательные сведения и писал статьи в газеты, но и храбро сражался на стороне буров. Он возглавлял так называемый Иностраннный легион — отряд добровольцев из разных стран, потом командовал Голландским корпусом. Участвовал в боях. Был тяжело ранен пулей в голову.

В мае 1900 года за храбрость и умение руководить войсками Евгений Максимов удостоился в войсках буров высокого звания фехт-генерала, то есть боевого генерала. Он стал вторым иностранцем, удостоенным этого

почетного звания.

Евгений Яковлевич Максимов с началом Русско-японской войны ушел добровольцем на фронт. Погиб в сражении под Мукденом в октябре 1904 года.

Вот такими были наши первые военные разведчики, работавшие под журналистской «крышей». В XX веке военная разведка будет достаточно широко использовать этот метод прикрытия. Но об этом наш рассказ впереди.

Переименован... в секретари

Последнее десятилетие XIX века было ознаменовано осложнением военно-политической обстановки вокруг России. Обострились отношения с Турцией, усилился Тройственный союз в Европе, агрессивные действия Японии в Китае реально угрожали российским интересам на Дальнем Востоке.

В верхних эшелонах власти росло понимание важности и необходимости наращивания сил военной агентурной разведки за рубежом. Свои усилия попытались скоординировать три министерства — военное, внутренних и иностранных дел, которые отвечали за добывание военно-политической информации.

Летом 1892 года прошло совещание, в котором приняли участие военный министр и министр внутренних дел. МИД представлял товарищ министра. Итоги совместной встречи были доложены императору.

О чем же договорились высокие представители министерств? Да, собственно, о том, о чем должны были договориться давно. В протоколе совещания записали: «При консулах, пребывающих в наиболее важных в военно-политическом отношении пунктах, надлежит содержать негласных военных агентов — специально отобранных офицеров...» И это, надо признаться, было воистину историческое решение. Ибо к тому времени военная разведка успешно отработала большинство форм и методов «крышевого» прикрытия. О них мы говорили в предыдущих главах. Это военнаучные экспедиции и военно-дипломатические миссии, рекогносцировки, участие офицеров разведки в качестве наблюдателей на маневрах, учениях в походах и войнах, поездки на фронт под видом военных корреспондентов.

Опробованы и разного рода экзотические «крыши», например, торговые поездки в качестве скупщика скота, как это было с будущим военным министром России Алексеем Куропаткиным.

И только дипломатическое прикрытие, которое, казалось, следует использовать в первую очередь (так как оно дает массу преимуществ для разведчика), тем не менее оставалось в стороне.

Справедливости ради надо сказать, что единичные случаи использования «дипкрыши» иногда происходили. Так, в 1873 году русский офицер капитан Генерального штаба Яков Малама был назначен в командировку с переименованием в коллежские асессоры. Отправился он в

качестве секретаря российского консульства в Эрзеруме.

За три года пребывания в этой должности Яков Дмитриевич объездил и досконально изучил порученный ему район, дал подробное описание Эрзерумского вилайета. В своей работе Малама проанализировал особенности климата и топографии, административное деление, налоговую систему, условия землевладения, скотоводства, промышленности, путей сообщения. Он представил сведения о финансах и торговле, образовании, положении церкви.

В 1876 году Малама возвратился из командировки и был переименован в подполковники Генерального штаба. Он удостоился аудиенции Государя Императора, где и представил свои исследования, проведенные в Турции.

Однако, хочу еще раз повторить, это был единичный случай, судя по всему, под конкретное разведздание, инициированное, возможно, самим императором. Но системы, как таковой, к сожалению, не существовало. И вот теперь в 1892 году министры, наконец, договорились: системе быть!

Для начала решили, что негласные военные агенты должны назначаться в Германию и Австро-Венгрию. Главный штаб конкретизировал, что для пользы дела следует назначить агентов в следующие пункты: для Германии — в Дрезден, Данциг, Торн, Бреславль и Штетин, для Австро-Венгрии в Будапешт.

Штабс-капитан барон Карл фон Нолькен в том же году уволен с военной службы «по случаю возложения особо секретного поручения». Он переименован в титулярные советники и назначен секретарем консульства в Кенигсберг.

В следующем году по пути Нолькена прошли капитан Генерального штаба граф Валериан Муравьев-Амурский и штабс-капитан Евгений Миллер. Первый убыл в Будапешт, второй — в Дрезден.

Все они были людьми сравнительно молодыми. Старшему из них Нолькену на день отъезда за рубеж исполнилось 33 года, младшему — Миллеру — 26 лет. Выходцы из старинных дворянских родов России. Карл Нолькен из баронского рода, внесенного в Эзельский дворянский матрикул, Валериан Муравьев-Амурский племянник генерал-губернатора Восточной Сибири, унаследовавший титул своего известного дяди. Евгений Миллер также был под стать своим коллегам.

Офицеры имели блестящее образование. Миллер окончил Николаевский кадетский корпус, кавалерийское училище и Академию Генштаба, Муравьев-Амурский — Пажеский корпус и также Академию Генштаба. Нолькен был военным инженером. За спиной у него — Николаевское инженерное училище и Академия Генерального штаба.

Словом, были все основания надеяться, что служба у этих трех негласных военных агентов сложится успешно. Но как показала практика, первый блин вышел комом. Оказалось, мало иметь громкую фамилию и старинный дворянский род. Не помогло в разведывательной работе и хорошее военное образование. Миссия офицеров под «крышей» консульских сотрудников провалилась.

Думается, были на то как объективные, так и субъективные причины. Каковы же они?

Во-первых, назначение офицеров обставлялось поразительными формальностями и огромной канцелярской волокитой. Даже краткое описание этой процедуры может утомить читателя. Тем не менее о ней надо сказать. Начиналась она с того, что подбирался кандидат на должность негласного военного агента. Об этом сообщалось начальнику Главного штаба. Тот докладывал о кандидате военному министру. В свою очередь, глава военного ведомства запрашивал «добро» у своего коллеги — министра иностранных дел, который сам решение не принимал, а советовался с послом или консулом.

Потом ответы шли обратной дорогой. Когда же, наконец, военный министр получал положительный ответ, он был обязан обратиться к государю и получить его «высочайшее соизволение».

После получения «соизволения» офицер подавал прошение об отставке. Когда же отставку получал, просил главу МИДа о зачислении на службу по этому министерству. Потом его переводили в резерв. Пребывание в резерве длилось до полугода, в ходе которых он знакомился с новыми обязанностями и убеждался в правильности своего решения.

После всех этих длительных и утомительных процедур, которые длились от нескольких месяцев, до нескольких лет, он мог выехать к новому месту службы.

Вся эта изнурительная работа делалась якобы для того, чтобы замаскировать будущую разведывательную деятельность офицера. Увы, порою подобная «маскировка» имела обратные последствия. Большое количество документов — докладов, писем, справок, посылаемых по разным адресам, несмотря на грифы «секретно», проходили через руки десятков чиновников, а суть — тайная деятельность офицеров с их истинными фамилиями, указывалась в посланиях открыто. Более того, эти письма, поступающие за границу на имя послов или консулов, естественно, проходили через «черные кабинеты», и будущая тайная деятельность становилась ясной и понятной для местных спецслужб.

Во-вторых, дипломатические должности, на которые ехали офицеры,

были, как указывал посол в Берлине граф Шувалов, «равносильными канцелярским писарям». А занимали их люди, принадлежащие к высшим классам общества с отличным образованием и положением. Это, конечно же, вызывало подозрение местных властей, и они устанавливали усиленный надзор за вновь прибывшими «высокопоставленными писарями».

В-третьих, офицеры, назначенные тайными агентами, сильно проигрывали в денежном содержании, ведь они получали зарплату «по штатам консульских должностей и по смете Министерства иностранных дел». А должности у них были самые малозначительные. Соответственно, и выплаты.

Таким образом, судя по результатам деятельности трех офицеров — Карла Нолькена, Евгения Миллера и Валериана Муравьева-Амурского институт негласных военных агентов оказался мало результативным. Офицеры были отозваны на Родину без последующей замены их военными разведчиками.

В дальнейшем Миллер стал «гласным» военным агентом в Брюсселе и Гааге, позже — в Италии. Муравьев-Амурский уехал военным агентом при российском посольстве в Париже. Нолькен возвратился в Генштаб и был назначен старшим адъютантом 14-й пехотной дивизии.

Похожая история произошла и с полковником Константином Десином. Он служил в конной артиллерии, командовал эскадром в лейб-гвардии драгунском полку. Участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Окончил Академию Генерального штаба, и служил на различных штабных должностях, а также в Военноученном комитете.

В 1896 году было принято решение направить Константина Николаевича в Китай в качестве негласного военного агента. Однако с самого начала Десино не повезло. Японской разведке через своего резидента в Петербурге удалось узнать, что некий офицер Генштаба отправляется на Дальний Восток с секретной миссией. Со временем удалось вычислить и имя этого офицера. Им оказался коллежский советник Десино.

К приезду в Чифу многие уже знали, кто такой Десино, а некоторые местные жители даже приветствовали его по воинскому званию. Американский посланник, пригласивший в свой дом Константина Николаевича, и вовсе стал в открытую расспрашивать его о работе военного агента. Десино, разумеется, все отрицал, но это мало помогало.

Свою лепту внес и помощник Десино — поручик русской армии. Он крепко подпортил легенду своего шефа. Действительно, ну как объяснить,

что у скромного дипчиновника в «подручных» бегает офицер.

Были и другие трудности. По линии прикрытия Константин Николаевич, числившийся секретарем, подчинялся местному вице-консулу, имевшему скромный чин титулярного советника, что по военному соответствовало званию капитана в пехоте или ротмистра в кавалерии.

Сложно было заводить знакомства, общаться с государственными чиновниками, что является неотъемлемой и важнейшей частью работы разведчика. Тем более в Китае сановники оказались крайне щепетильны в вопросах общения с иностранцами. Да и вправду, с какого перепугу чиновники даже среднего звена станут общаться с консульским писарем.

Тем не менее, преодолевая все сложности, Десино искал возможности выполнить разведзадачи, которые ставил перед ним Центр. А задачи оказались весьма не просты. К примеру, из Главного штаба требовали добыть подробный план городских укреплений Чифу. Пришлось идти дальним, кружным путем: для начала познакомиться с переводчиками местных властителей, стать для них своим, часто угощать их, делать подарки.

Через переводчиков Десино вышел на нужных чиновников. Так же с помощью подкупа и подарков получил разрешение осмотреть оборонные укрепления города. В результате, был составлен подробный план, который получил высокую оценку в Петербурге. Только вот Константин Николаевич в письме в Центр сетовал: «Имей я независимое положение военного агента, того же самого можно было бы достигнуть в несравненно меньший срок и с меньшими издержками».

В конце концов и петербургское начальство начало понимать, что непонятное положение разведчика не дает ему возможности работать в полную силу. Правда, осознание это пришло не скоро. Почти два года находился полковник Десино в столь непонятной для себя роли, пока в 1899 году его, наконец, не утвердили в должности второго («гласного») военного агента.

При всем старании и умении Константина Николаевича, можно считать, что и его миссия, как негласного военного агента завершилась неудачей.

В дальнейшем он прекрасно поработает во славу Отечества, заслужит ордена и чин генерал-майора, а позже и генерал-лейтенанта. Однако будет в его жизни и такая досадная страница.

В общем, в январе 1896 года начальник Главного штаба доложит военному министру, что деятельность негласных военных агентов «не эффективна, и лучше заменить их офицерами при наших миссиях...»

Однако начальник Главного штаба генерал Обручев, делая такое заключение, почему-то забыл о секретаре генерального консульства в Эрзеруме Михаиле Пржевальском.

Подполковник Пржевальский был переименован в надворные советники и отправлен в Турцию в том же 1892 году. Михаил Алексеевич прослужил на этом скромном посту девять лет. Он зарекомендовал себя с самой лучшей стороны и как военный разведчик, и как консульский работник. Особенно умело и профессионально действовал он в критические моменты, при решении самых сложных дипломатических проблем. Примером тому — сассунские события, когда в 1894 году турки устроили кровавую резню армянского населения. Пржевальский вошел в международную комиссию по расследованию этого преступления. Он блестяще справился со своими обязанностями и был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени.

В 1896 году за успехи в разведывательной деятельности Михаил Алексеевич удостоен чина полковника, а также стал кавалером двух орденов — Св. Анны 3-й степени и Св. Станислава 2-й степени.

В 1901 году Пржевальский возвратился из длительной зарубежной командировки. Он переименован из надворного советника в полковники и назначен на высокую должность — начальника штаба 39-й пехотной дивизии. А еще через два года Михаил Алексеевич станет командиром 155-го пехотного Кубанского полка.

Так что не все негласные военные агенты действовали «не эффективно».

Впрочем, скоро жизнь все расставит на свои места. Роль и «гласных» и негласных военных агентов резко и значительно возрастет. Ведь новое XX столетие начнется, по сути, с Русско-японской войны 1904–1905 годов.

Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке, в особенности после подписания англо-японского договора 1902 года, значительно обострится. Перед военной разведкой встанут такие задачи, которые она никогда прежде не решала. Однако об этом в следующем разделе нашей книги.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Война на пороге

Летом 1902 года военный агент Российской империи в Японии полковник Генерального штаба Борис Ванновский был отозван на Родину. Закончилось его четырехлетнее пребывание в Токио.

Откровенно говоря, Борис Петрович за рубежом работал плохо.

В октябре 1901 года генерал-квартирмейстер Генштаба генерал-майор Яков Жилинский в письме упрекал Ванновского. «В течение настоящего года Главным штабом от вашего высокоблагородия было получено всего четыре донесения, между тем своевременное получение возможно более полных сведений о деятельности в Японии во всех сферах, а особенно в военной и морской, по-прежнему, является чрезвычайно важным...»

В первой половине 1902 года в докладной записке Главного штаба говорилось: «Полковник Ванновский до сего времени не представил отчета о больших японских маневрах 1901 года».

Наконец, терпение генерал-квартирмейстера лопнуло, и он приказал заменить нерадивого военного агента другим офицером. Борис Петрович прибыл в Санкт-Петербург.

Однако низкая оценка его профессиональной деятельности не смутила Ванновского. Он пишет обстоятельный доклад о состоянии японской армии. Отрывок из этого документа приводит в своей книге «Агентурная разведка» историк Константин Звонарев.

«Японская армия, — утверждает Ванновский, — далеко еще не вышла из состояния внутреннего неустройства, которое неизбежно должна переживать всякая армия, организованная на совершенно чуждых ее народной культуре основаниях, усвоенных с чисто японской слепой аккуратностью и почти исключительно по форме, а отнюдь не по существу...»

Пройдут десятки, может быть сотни лет, пока японская армия усвоит себе нравственные основания, на которых зиждется устройство всякого европейского войска, и ей станет по плечу тягаться на равных основаниях хотя бы с одной из самых слабых европейских держав».

Поразительные заключения для военного профессионала, полковника, четыре года прослужившего в Японии. Но еще более шокирующе звучит резолюция военного министра империи генерал-адъютанта Алексея Куропаткина на докладе Банковского: «Читал. Увлечений наших бывших военных агентов японской армией уже нет. Взгляд трезвый».

Напомню, до начала Русско-японской войны остался год с небольшим (!). Возникает вполне закономерный вопрос: что, собственно, происходило с нашим военным руководством, армией, флотом, разведкой в эти предвоенные годы? Почему Россию охватило «всеобщее помешательство» (иначе и не назвать), каким образом стала возможна катастрофически неверная оценка боевой мощи Японии и ее вооруженных сил? И какова роль во всем этом военной разведки империи?

Вопросы весьма не простые, но отвечать на них необходимо, иначе исследование наше будет недостоверным и однобоким.

Итак, первой причиной такой в корне неверной оценки восточного соседа было представление правящей элиты России о Японии, как о государстве малом и отсталом, сумевшем воспринять лишь внешнюю сторону европейской цивилизации. Собственно, об этом и говорит в своем докладе Ванновский.

На страницах российских газет и журналов Япония изображается как «злбный карлик», «желтый пигмей». Иное мнение попросту не принимается в расчет. Самое трагичное в этой ситуации то, что общему «шапкозакидательскому» настрою подверглись и военные, в особенности, руководство армии и флота. Хотя они, как никто другой, имели вполне объективную информацию. Так сменивший Ванновского на посту военного агента в Токио подполковник Генштаба Владимир Самойлов с первых дней пребывания в Японии старался поставлять в Санкт-Петербург правдивые разведданные и всячески пытался «отрезвить» своих начальников в Генеральном штабе.

«Делая теперь, так сказать, практические выводы на случай войны с Японией, — писал он по итогам японских маневров 1903 года, — должно указать: большую подвижность армии, громадную и хорошо обученную артиллерию (говорю на основании опыта войны 1900 г.), значительный процент горной артиллерии (у нас на Дальнем Востоке всего две батареи), доказанное на деле мужество и умение умирать на поле сражения». Доклад Самойлова приводится в книге «Русско-японская война 1904–1905 гг. Материалы по работе военно-исторической комиссии Генерального штаба».

Военно-морской агент, капитан 2-го ранга Александр Русин, находившийся в Японии с 1899 года, также старался докладывать объективное положение дел в японской армии и на флоте. Весной 1903 года он сообщал в Главный морской штаб план войны. Александр Иванович считал, что Япония будет стремиться: «1. Занять Корею. 2. Не дать России окончательно утвердиться в Маньчжурии. 3. Попытаться сделать

демонстративную высадку близ Приамурской области. 4. Такую же высадку осуществить на Квантуне и 5. При удаче этих двух операций попытаться овладеть вышеуказанными областями».

Этот документ приводит в статье «Предмет детального изучения» А. Буянов, опубликованной в журнале «Морской сборник» за 1995 год № 3.

Интересен и тот факт, что именно Русин дал наиболее точную оценку мобилизационных возможностей Японии. Однако Главный морской штаб посчитал их преувеличенными и, передавая сведения в Военное министерство, не забыл высказать свое мнение. Правда, «русинскую цифру» передал в точности. Что ж, как говорят, и на том спасибо.

Однако в военном ведомстве не очень-то обращали внимание на тревожные сообщения военных агентов. Доклады к высшему командованию на стол попадали, просматривались, прочитывались, и подшивались к делу. По сути, решений никаких не принималось. Более того, генералы в высоких кабинетах считали ненужным знакомить широкий круг офицеров в войсках и штабах с документами по Японии. Таким образом, якобы они противостояли развитию боязни перед малоизвестным противником.

Вторая причина, конечно же, состояние нашей военной разведки накануне Русско-японской войны.

Организацией и ведением разведки на Дальнем Востоке занимался Главный штаб, получавший сведения в основном через военных агентов в Европе, штаб заместителя на Дальнем Востоке, и штабы округов — Приамурского военного и Заамурского округа пограничной стражи.

Зарубежные силы агентурной разведки — военные агенты в Японии (Токио), в Китае (Шанхае и Чифу) и в Корее (Сеуле). Своего военного агента в Токио имело и военно-морское ведомство.

В осуществлении разведывательных задач участие принимали также военные комиссары — представители Российской империи во время оккупации в Маньчжурии — в городах Мукден, Гирин, Цирикар.

Следует сразу отметить, что военная агентурная разведка на Дальнем Востоке работала в крайне тяжелых условиях. Очень хорошо об этом сказал военный агент в Японии полковник Генерального штаба Николай Янжул. Он проходил службу в Токио в 1896–1899 годах.

«Военным агентам, — писал Янжул, — приходится ограничиваться доставанием не тех сведений, какие нужны и желательны, а какие можно добывать.

В западной Европе военный агент имеет то важное преимущество, что в распоряжении его находится доступный ему обычный печатный материал

по изучению быта и устройства иностранной армии, за исключением сравнительно немногих, не подлежащих гласности по мобилизации армии, по ее стратегическому сосредоточению... В Японии военный агент находится в совершенно иных условиях».

Цитата взята из той же книги «Русско-японская война 1904–1905 гг.».

Полковник Янжул вовсе не сгущал краски. В Японии в ту пору был установлен жесточайший режим секретности. Власти вели себя крайне подозрительно и осторожно. Местная пресса «воздерживается от публикации даже таких невинных данных, как штаты и дислокация войск мирного времени, не говоря уже об организации частей по штатам военного времени...»

На самые простые вопросы следует в лучшем случае уклончивый ответ или категорический отказ со ссылкой на запреты сообщать сведения подобного рода.

Разумеется, каждый иностранец состоял под строгим надзором полиции. Огромным препятствием в деле добывания разведанных было и незнание японского языка, в особенности, письменного.

Тот же Янжул обращает внимание, что «китайские иероглифы составляют самую серьезную преграду для деятельности военных агентов... Не говоря уже о том, что тарабарская грамота исключает возможность пользоваться какими-либо, случайно попавшимися в руки негласными источниками, она ставит военного агента в полную и грустную зависимость от добросовестности и от патриотической щепетильности японца-переводчика вообще, даже в самых невинных вещах».

И тут же полковник описывает всю трагикомичность ситуации, в которую может попасть русский разведчик в Японии. Ему, к примеру, предлагают ценные сведения, заключенные в рукописи на японском. Но как оценить эти сведения? Только отослать ее в Санкт-Петербург, где живет единственный (!) соотечественник, бывший драгоман господин Брюховицкий, знающий письменный японский язык на таком уровне, что может точно узнать «загадочное содержание манускрипта».

Какой выход в этой ситуации для военного агента? «Отказаться от приобретения рукописи», — считает Янжул. Вот, собственно, и отказывались. Отсюда и низкая эффективность работы разведки.

Воистину, хочешь мира — готовься к войне. Кто мешал России начать подготовку военных специалистов по Японии, переводчиков еще до войны, а не после нее? Да никто, кроме нас самих.

Надо признаться, что в ряду причин слабой работы агентурной разведки было и ее крайне скудное финансирование. Откровенно говоря, до

Русско-японской войны Главному штабу на негласные расходы по разведке отпускалась фантастически мизерная сумма, немногим более 56 тысяч рублей в год. Она делилась между штабами округов.

Привилегированным положением пользовался почему-то Кавказский военный округ. Дополнительно небольшая сумма вне сметы расходов на разведку отпускалась Туркестанскому округу, а вот Дальний Восток, несмотря на реальное приближение войны, сидел на голодном пайке.

Есть десятки примеров, когда из-за нежелания финансировать негласных агентов были упущены реальные возможности добывания ценнейших сведений. Так, еще в 1900 году инженер-железнодорожник Ловис Лайнц, проживавший в Шанхае, предложил свои услуги российскому военному агенту в Китае полковнику Константину Десино. Но в Санкт-Петербурге решили не платить, и тогда Лайнц нанялся на службу к немцам.

Военный агент в Корее полковник Генштаба Иван Стрель-бицкий предлагал организовать группу секретных агентов из завербованных ранее европейцев. Просил по 300 рублей в месяц на агента. Увы, денег не дали.

С подобным предложением в 1902 году в Главный штаб обратился и военный агент в Китае Константин Вогак. Он тоже желал получить небольшую сумму на вербовку нескольких агентов, но получил отрицательный ответ.

Справедливости ради надо признать, что руководство Главного штаба делало попытки изменить структуру финансирования, но безуспешно. Это потом, после войны, будет признано, что денежное довольствие агентурной разведки оказалось явно недостаточным.

Несмотря на все эти сложности, военная агентурная разведка в меру своих сил и возможностей старалась предостеречь руководство в Санкт-Петербурге.

В 1903 году в Корее через одного из чиновников двора, который был нашим негласным агентом, удалось добыть наброски плана Русско-японской войны, нанесенного на одежду одного из шпионов императора, побывавшего в Японии. Этот план и последующие оценки были переданы в штаб наместника на Дальнем Востоке.

В декабре 1903 года военный агент в Токио полковник Владимир Самойлов докладывал о подготовке к войне.

«С начала января давно уже делаемые приготовления для отправления войск в Корею сделались очень энергичны. Началось фрахтование еще новых судов, по последним данным, надо считать, что всего зафрахтовано 32 парохода...

По достоверным сведениям, в разных дивизиях делаются приготовления к походу. Во 2-й и 12-й дивизиях призвана часть запасных.

Поспешно заготавливают в разных местах зимние вещи: фуфайки, набрюшники, теплые гетры.

5 января издано формальное запрещение печатать в газетах всякие сведения, касающиеся передвижения судов, транспортов и войск. Приняты другие меры относительно телеграфной корреспонденции — телеграммы сколь-нибудь подозрительные не принимаются.

7 января много офицеров Главного штаба выехали на юг. Офицеры, читавшие лекции в разных учебных заведениях, откомандированы в свои части.

Обычный сбор начальников дивизий, ежегодно происходящий в январе, — отложен.

В Главном штабе, военном и морском министерствах — спешная работа. На бывшем вчера обычном зимнем параде не было и половины штабных офицеров.

Отделения Красного Креста обнаруживают усиленную деятельность, в некоторых местах сформированы отряды.

Опять начался прилив пожертвований на войну...»

Казалось бы, какие еще нужны сведения, чтобы понять: Япония готова начать войну. Увы, самые веские аргументы не принимаются в Санкт-Петербурге. Наоборот, из Центра звучат приказания: «не бряцать оружием, не провоцировать японцев». Штаб заместника получает требование «терпения, сдержанности и миролюбия». Но о каком миролюбии может идти речь, если, по всем данным, война с Японией дело решенное. Однако даже после того, как 26 января 1904 года японцы провели торпедную атаку и подорвали наши корабли — «Палладу», «Ретвизан» и «Цесаревич», на Дальний Восток так и не пришел приказ о приведении войск в полную боевую готовность. Не отдал такого приказа и штаб заместника.

А дальше случилось то, что должно было случиться. В ночь на 27 января 1904 года японский флот нанес удар по русской эскадре, стоявшей на внешнем рейде Порт-Артура. Днем у порта Чемульпо в Корее были атакованы крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец».

Началась Русско-японская война.

Дальняя разведка «на сопках Маньчжурии»

Каков же был расклад сил вступивших в войну сторон? На первый взгляд Япония явно уступала России. Ведь численность вооруженных сил империи значительно превосходила японскую. Да и как иначе, Россия втрое превышала Японию по населению. Если у первой было 140 миллионов, то у второй всего 46 миллионов. Кадровый состав сухопутных войск соотносился, как миллион к 150 тысячам. Резерв русской армии превышал 4 миллиона, а японской — 800 тысяч. Военно-морской флот империи превосходил японский вдвое.

Все это так. Однако тут как раз и начинаются неприятные для нас но... Основные районы комплектования и дислокации русских войск находились на огромном расстоянии от театра боевых действий. Пропускная способность Транссибирской магистрали невелика. Значит, на начальном этапе боевых действий нужно рассчитывать только на свои силы, то есть на войска, развернутые на Дальнем Востоке.

Что же касается военно-морского флота, то и здесь соотношение по кораблям было не в нашу пользу. Тихоокеанская эскадра в два раза уступала японцам в количестве крейсеров и миноносцев. Силы примерно равнялись только по броненосцам.

Проигрывали мы и в сухопутных частях. 25 тысяч солдат и офицеров, не считая гарнизонов крепостей, могли выставить русские.

Добавьте сюда 30 тысяч штыков в Порт-Артуре, строительство которого, кстати, еще не было закончено.

Японцы подготовили 140 тысяч, а к третьему месяцу войны и все 200 тысяч.

Справедливости ради надо сказать, что предполагалась переброска войск из европейской части. Однако на начальном периоде соотношение сухопутных частей склонялось не в нашу пользу. Следует не забывать и тот факт, что мало перебросить войска с одного театра боевых действий на другой, их надо где-то расположить, сосредоточить, организовать тыловое обеспечение. Здесь тоже были свои немалые трудности.

Планы воюющих сторон оказались прямо противоположными. Япония вела наступательные действия, стараясь установить государство на море. Россия намеревалась обороняться в Южной Маньчжурии и сдерживать японцев до подхода подкрепления из европейской части. И только через несколько месяцев русские генералы планировали начать наступление,

сбросить врага в море, овладеть японскими островами и гнать противника до столицы Токио.

Что ж, как говорят, гладко было на бумаге... Однако теперь все это в прошлом. С началом боевых действий в войсках стала ощущаться резкая нехватка разведывательной информации. Несмотря на наличие нескольких штабов разных уровней, начиная от Главного и Главного Морского штаба и заканчивая штабом Маньчжурской армии, ни одному из них не удалось привлечь к сотрудничеству агентов, обладающих ценной развединформацией. Не была разработана система организации тайной агентуры в специфических условиях дальневосточного театра боевых действий.

Крупнейший специалист в области организации агентурной разведки генерал-майор Павел Рябиков в своей книге: «Разведывательная служба в мирное и военное время» писал: «Ненадежность тайной агентуры в мирное время, невозможность получить весьма жизненные и важные сведения о японской армии секретными путями привели к колоссальной ошибке в подсчете всех сип, кои могла выставить Япония, и к совершенному игнорированию резервных войск, неожиданно появившихся на театре войны».

До Русско-японской войны 1904–1905 годов в армии и на флоте не было профессиональных офицеров-разведчиков (их стали обучать в академии только после войны), военным и военно-морским агентам не ставились обязательные задачи по заведению тайной агентуры за границей, и в первую очередь, на территории вероятного противника. И как результат — дальневосточный театр военных действий оказался в разведывательном отношении не подготовленным к будущей войне.

Однако война началась, и Российская империя была вынуждена в нее вступить.

В феврале 1904 года командующим Маньчжурской армией назначен генерал от инфантерии Алексей Куропаткин, бывший до этого военным министром Российской империи. Разведку на театре военных действий осуществляло разведотделение его штаба.

Об уровне разведывательных данных, которыми обладал Куропаткин, ярко говорят телеграммы, которые он направлял в Петербург. Константин Звонарев приводит их в своей книге «Агентурная разведка».

«Все еще в неизвестности, где 2-я японская армия, — с тревогой сообщает Алексей Николаевич. — Можно предполагать, что часть 2-й армии высадилась в Корею». «Крайне желательно выяснить это достоверно». Представляете беспомощность командующего Куропаткина,

который с Дальнего Востока просит Петербург выяснить, где же находится треклятая 2-я японская армия. Теперь он уже предлагает выяснить это через наших военных агентов «жертвуя большими суммами денег». А помните, тот самый Куропаткин не желал дать и малые суммы на приобретение ценных документов, создание агентурной сети. Выходит, пока гром не грянет... генерал не перекрестится.

Вот в такой сложной обстановке следовало разворачивать и налаживать разведку на Маньчжурском ТВД. Было решено, что она станет трехзвенной — дальняя разведка, разведка флангов и ближняя разведка.

Дальняя разведка предназначалась для сбора разведывательных сведений в самой Японии, а также в соседних странах — Корее и Китае. Она опиралась, в основном на зарубежные силы — военных агентов в Китае.

Разведка флангов возникла скорее как дань традициям линейной тактики. В силу обстоятельств большее внимание разведки направлялось на правый, монгольский фланг. Связано это с тем, что намерения китайцев не были известны, а войска генералов Юаньпикая и Ма выдвигались к нейтральной полосе, и даже заходили в тыл русских войск. Командование опасалось, что китайцы выступят на стороне Японии.

И, наконец, ближняя разведка имела задачу сбора разведывательных сведений на фронте в районе расположения войск. Применялся захват пленных, добывание документов, оружия, снаряжения, засылка лазутчиков, анализ иностранных печатных изданий. Например, публикации зарубежных корреспондентов, аккредитованных при японской армии.

Следует подчеркнуть, что становление разведывательной службы во всех ее звеньях на начальном этапе войны было достаточно хаотичным и неумелым. Учиться, обретать опыт приходилось, что называется, на марше.

Первоначально задача по налаживанию дальней разведки в штабе Маньчжурской армии была возложена на военного агента в Корее полковника Александра Нечволодова.

Александр Дмитриевич был опытным, знающим офицером. Командовал ротой, батальоном, состоял для поручений при штабе армейского корпуса, исполнял должность штаб-офицера при штабе Кавказского военного округа.

В конце 1903 года его назначили военным агентом в Корею. Однако до места службы доехать Нечволодову не удалось. Война застала его в пути к месту назначения, и полковник поступил в распоряжение наместника.

В качестве организатора разведслужбы Нечволодов пробыл всего несколько месяцев, но надо признаться, кое-что успел сделать. Он

подготовил и командировал в Японию и в Корею трех агентов-«крышевиков»: француза Шаффанжона, немца Майера и швейцарца Барбье. Действовали они под видом «торговых людей». Их обязали следить за формированием 4-й армии противника, выяснить, какие японские части наступают из Кореи, и определить состав и силу осадного корпуса, который высаживался у Порт-Артура.

В меру своих сил и возможностей агенты добывали сведения, но вот передача их стала труднопреодолимой проблемой. Нечволодов конечно же снабдил их соответствующим шифром для передачи по телеграфу. Но напрямую телеграфировать они, естественно, не могли. Телеграммы посылались доверенным лицам в Европу, оттуда по условным адресам в Петербург, а из столицы империи опять на Дальний Восток, в штаб Маньчжурской армии.

Информация, проделавшая путь в полмира, обратно приходила нерегулярно, к моменту поступления в штаб чаще всего опаздывала и утрачивала свою оперативную ценность. Ведь шла война, и обстановка порою менялась за несколько часов.

Пришлось вскоре признать, что разведывательные сведения, поступающие от агентов, были не особенно ценны, не окупались. «Крышевиков» рассчитали летом 1905 года.

Крупными организаторами тайной агентурной разведки во время Русско-японской войны стали люди сугубо штатские, предложившие командованию свои услуги. В их числе следует назвать высокопоставленного русского дипломата, действительного статского советника Александра Павлова.

Александр Иванович родился в семье штабс-капитана гвардейского Семеновского полка Ивана Павлова. Окончил морской кадетский корпус. В 1881 году участвовал в кругосветном плавании на корвете «Варяг».

В 1882 году с отличием выпустился из морского училища. Обратил на себя внимание императора Александра II своей эрудицией и прекрасным знанием иностранных языков. Государь предложил молодому морскому офицеру попробовать силы на дипломатической службе.

В последующие годы Павлов сделал блестящую карьеру. Работал в российской миссии в Пекине, был поверенным в делах и генеральным консулом в Корее, а в 1902 году стал чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворе корейского императора в Сеуле. Сумел завоевать авторитет и доверие у корейского короля, и всячески содействовал осуществлению планов Российской империи в этой стране.

С началом Русско-японской войны покинул Корею и прибыл в Порт-

Артур в распоряжение наместника. Далее его путь лежал в Шанхай, откуда он и стал организовывать разведывательную деятельность.

Сведения, получаемые от Павлова, отличались особой ценностью. Связано это было с тем, что Александр Иванович имел в Китае и Корее широкий круг знакомых. Ведь он проработал на высоких дипломатических постах более 13 лет и завел весьма обширные связи.

Вот лишь один из примеров таких точных и ценных данных, полученных от тайных агентов Павлова. Дата высадки японских войск на Сахалине, проведенной в июле 1905 года, была передана русскому командованию за месяц, еще в середине мая. Агентура ошиблась всего на один день.

Среди лучших тайных агентов Александра Ивановича выделялся французский журналист Бале. Он прекрасно владел японским языком, изучил культуру, быт и обычаи этой страны, и поставлял своему резиденту особо ценные сведения. Бале делал переводы статей и корреспонденции из японских газет на военные темы, готовил аналитические доклады по армии противника для офицеров Маньчжурской армии.

Однако после Мукденских боев, когда при отступлении в феврале 1905 года была обнаружена пропажа обоза штаба Главнокомандующего, пребывание агентов в Японии стало небезопасным. В руки врага попала документация, где указывались реальные фамилии агентов. Пришлось срочно отзывать информаторов, среди которых оказался и Бале. Таким образом, военная разведка лишилась ценного агента.

Статский советник Александр Павлов не только умело руководил тайными агентами, но и занимался негласным «руководительством» китайской и корейской прессы «в благоприятном для России смысле», направлял работу консулов, организовывал диверсии в тылу японской армии, выводил из строя связь — подводные телеграфные кабели противника, доставлял продовольствие в блокированный японцами Порт-Артур. Так что морского офицера и дипломата Павлова можно считать одним из героев тайной Русско-японской войны.

Работал на русскую военную разведку и высокопоставленный чиновник Министерства финансов, «блестящий ученик графа Витте» Леонид Давыдов. В военный период он состоял в руководстве Русско-китайского банка.

Дело в том, что во время пребывания графа Витте во главе Министерства финансов он сумел во всех крупных иностранных финансовых центрах развернуть сеть своих коммерческих агентов, причисленных, кстати, к составу русских посольств и миссий. Агенты эти

имели все права, которыми обладали военные и военно-морские агенты. Так что Минфин империи имел свою разведслужбу.

Собственно, этой сетью и воспользовался Давыдов. Он поддерживал связь с некоторыми японцами и иностранцами и получал от них разведсведения.

Леонид Федорович засылал в Маньчжурию и китайских агентов. Кстати, кроме сбора разведывательных данных он давал поручения «наносить вред в тылу противника». Это можно рассматривать как первый опыт применения «активной разведки» — использование агентурных сил и средств для ведения диверсионной деятельности в период войны.

Правой рукой статского советника Давыдова в организации тайной разведки был служащий русско-китайского банка некто Фридберг. Он получал ценные сведения от секретаря японского военного агента в Чифу.

По некоторым данным, Давыдов проворовался в период войны и якобы с большим трудом и с помощью денег замял это дело. Не стану ни подтверждать, ни отрицать подобное, поскольку не имею документальных подтверждений. Да это и не входит в круг моих исследований.

Что же касается Леонида Давыдова, как организатора разведки, то на его заслуги указывает «Отчет о деятельности разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем с 4 марта по 3 августа 1905 года», в котором говорится: «...следует отметить, что сведения, доставляемые гг. Павловым и Давыдовым, отличались особой достоверностью и интересом».

Было бы не справедливым не вспомнить и наших консулов Николая Лаптева (Тяньцзин) и Петра Тидемана (Чифу). И пусть данные о противнике, получаемые от них, были «хотя и случайного характера, но нередко весьма интересные и ценные».

Дальнейшее развитие во время войны получило такое «кры-шевое» направление, как работа офицеров-разведчиков под прикрытием корреспондентских должностей. В апреле 1905 года в Японию был направлен поручик 11-го стрелкового полка Субботич. Действовать ему предстояло под именем сербского корреспондента Маринковича. Поручик добровольно пошел на это рискованное дело. Надо признать, что Субботич как нельзя лучше подходил для подобной спецоперации. Он имел хорошее военное образование, знал несколько иностранных языков — немецкий и французский. По национальности — серб. Имел родственные связи в высших кругах Сербии.

Старший адъютант управления генерал-квартирмейстера 1-й Маньчжурской армии подполковник Генерального штаба барон Александр

Винекен докладывал генерал-майору Владимиру Орановскому: «...Наша тайная агентура в Японии потерпела непоправимый удар вследствие пропажи материалов с обозначением фамилий агентов при отступлении от Мукдена, ввиду грозящей им жизненной опасности, почти все агенты были вызваны из Японии.

Полагал бы необходимым воспользоваться благоприятным случаем, который дает нам возможность командировки в Японию ныне же лица, знакомого с военным делом и заслуживающего полного доверия».

Речь идет о поручике Субботиче. Здесь же подполковник Винекен предлагает, «нисколько не скупясь на денежные расходы, открыть поручику Субботичу широкий кредит, дабы дать ему возможность жить в лучших гостиницах и вращаться в более интеллигентных слоях общества».

Сразу определятся и способ доставки донесений от Субботича — через представителя Министерства финансов в Пекине Давыдова или через иностранный банк, где он будет получать деньги.

На документе резолюция Главнокомандующего: «Доклад утверждаю и назначаю поручику Субботичу единовременно две тысячи и ежемесячно по одной тысяче. Все остальное наличном ответе и страхе поручика Субботича».

Летом 1905 года военная разведка России попыталась применить новый прием для сбора информации — использование тайных агентов-китайцев путем их сквозного прохода через расположение японских войск. Они двигались из Шанхай-Гуаня и должны были поступать на работу в воинские части японской армии. Пробыв там определенное время агентам предстояло возвращаться к своим и докладывать в разведотделения штабов о проделанной работе. Этот прием, к сожалению, не удалось проверить на практике. Вскоре военные действия были прекращены и агенты попросту не успели внедриться в части и подразделения японцев.

Так организовывалась, строилась и действовала дальняя разведка на Маньчжурском театре боевых действий в период Русско-японской войны 1904–1905 годов. Однако не единой дальней разведкой была жива воюющая армия. Действовала еще разведка флагов и ближняя разведка. О них наш рассказ в следующей главе.

«Чайные купцы»

Разведка флангов в период боевых действий старалась использовать весь комплекс «крышевого» прикрытия. Разведчики действовали под видом коммерческих заготовителей, купцов, иностранных корреспондентов, ученых-путешественников, а также в составе «туземных отрядов».

Тревогу штаба Маньчжурской армии вызывали передвижения китайских войск под командованием генералов Ма и Юаньшикая. Их намерения не были известны. Русские генералы задавали себе вполне резонные вопросы: если Япония высадит десант на западном побережье Ляодунского залива, как поведут себя китайцы? Не выступят ли они на стороне японцев?

Ведь к тому же не была известна и граница, разделяющая Маньчжурию и Монголию. Так офицеры Маньчжурской армии захватили в бою японскую карту и с удивлением обнаружили, что их противники обозначили границу в 30 километрах к западу от реки Дунляохэ, в то время как на наших картах граница проходила по реке.

Да и сама Монголия была слабо изучена русскими войсками. И вряд ли кто мог твердо ответить на вопрос, сколь возможны передвижения крупных воинских частей по территории этой страны.

Естественно командованию не хотелось блуждать в потемках, и потому уже в феврале 1904 года в район реки Ляохэ — Китайской железной дороги — Синминтин — Гоубаньцзы — Инкоу был послан русский разведчик. Им оказался штабс-капитан Колонтаевский, слушатель Восточного университета в городе Владивостоке. С началом войны его отозвали из университета и прикомандировали к штабу Маньчжурской армии. А поскольку на офицеров, знающих восточные языки, был огромный дефицит, Колонтаевский оказался как раз к месту.

В марте в районы дислокации китайских войск генералов Юаньшикая и Ма под «крышевым» прикрытием иностранного корреспондента командировали штабс-капитана Петра Россова.

Петр Алексеевич Россов, выпускник 2-го кадетского корпуса и 1-го военного Павловского училища, попал служить на Дальний Восток. Здесь изучил нравы, культуру и быт японцев и китайцев, участвовал в походе в Китай в 1900–1901 годах. Потом учился в Николаевской Академии Генерального штаба, и по ее окончании вновь был направлен на Восток. Служил в 147-м пехотном Самарском полку. Здесь его и отыскивали штабные

офицеры и снарядили в тыл китайских войск.

В апреле под видом русского купца Попова, торгующего чаем, в разведкомандировку убыл опытный разведчик есаул Уральского казачьего войска Давид Ливкин.

Давид Иванович окончил военное училище и трехгодичные офицерские курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. Он успешно овладел арабским, турецким, персидским и французским языками. До этого Ливкин уже знал татарский и киргизский языки.

По заданию принца А. Ольденбургского есаул совершил длительную разведывательную экспедицию в Индию, с успехом справился с заданием и возвратился на Родину. С началом Русско-японской войны он подал рапорт с просьбой отправить его в действующую армию. И вот теперь есаул Ливкин во главе небольшой группы разведчиков направлялся в ставку генерала Ма.

Китайцы встретили «чайных купцов» совсем не ласково. Однако Ливкину удалось встретиться с генералом Ма, вручить ему подарки, оказать уважение и наладить нужный контакт.

Давид Иванович «гостил» в ставке несколько дней. Генерал поведал ему, что не собирается выступать на стороне японцев. Более того, он обеспокоен агрессивными действиями японской армии и видит в ней прямую угрозу Китаю.

Как грамотный, знающий офицер есаул Ливкин и сам признаков подготовки к наступлению не обнаружил. Наоборот, генерал Ма проявлял доброе, дружеское отношение к русским купцам.

Вскоре разведгруппа Ливкина возвратилась в штаб армии. Сведения, полученные от китайцев, были высоко оценены командованием. Это дало возможность планировать дальнейшие боевые операции, не оглядываясь на китайцев.

Есаул Давид Ливкин был награжден золотым оружием.

Храбрый разведчик в боях под Мукденом получил тяжелую контузию, не мог самостоятельно двигаться и говорить. Его уволили в отставку в чине полковника и удостоили ордена Св. Владимира с мечами и бантом.

К разведывательной работе был привлечен и крупный поставщик продовольствия, сподвижник героя Русско-турецкой войны 1877–1878 годов генерала М. Скобелева — коммерческий заготовитель А. Громов.

Работая в Монголии еще в довоенное время, он хорошо изучил эту страну, был знаком с многими местными князьями. Так что попутно с покупкой скота он вел постоянную разведдеятельность.

Активные боевые действия японцев и их стремление совершить

глубокие фланговые обходы, заставили командование Маньчжурской армии усилить разведку правого фланга. Вторично отправлен в Монголию под видом датского корреспондента штабс-капитан Петр Россов. Ему в помощь назначен Владимир Шангин — студент Санкт-Петербургского Императорского университета, переводчик с монгольского языка.

Туда же выехал и чиновник особых поручений Дмитрий Янчевецкий, который был прикомандирован к управлению генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем. Он владел китайским языком и знал местные обычаи и нравы.

Дмитрий Григорьевич проходил службу рядовым стрелком во 2-м и 10-м Восточно-Сибирских полках, принимал участие в подавлении Боксерского восстания в Китае в 1901 году, работал специальным корреспондентом харбинской газеты «Новый край».

Позже он напишет и издаст интересные книги «Дневник корреспондента “Нового времени” в Боксерском восстании» и «У стен недвижимого Китая».

В 1903 году Янчевецкий служил чиновником для особых поручений у приамурского генерал-губернатора, редактировал газету «Приамурские ведомости» и бюллетень «Вестник Маньчжурской армии».

С началом Русско-японской войны принял предложение участвовать в разведывательной спецоперации.

Русский консул в Урге Люба командировал в Долон-Нор под видом ученого-путешественника, служащего русско-китайского банка Москвитина. Уж очень важен был этот район для нашего командования, ведь через него шли лучшие караванные пути к Цицикару.

Важную роль в добывании разведывательных данных сыграла и особая экспедиция подполковника Федора Хитрово.

Федор Константинович получил военное образование во Владимирском Киевском кадетском корпусе, во 2-м военном Константиновском училище. Служил в Кексгольмском гренадерском полку. Окончил Николаевскую Академию Генерального штаба. Из штабс-капитана был переименован в капитаны Генштаба и состоял при Киевском военном округе.

В сентябре 1904 года подполковник Хитрово назначается исполняющим должность начальника штаба 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Вскоре он получает задание возглавить разведэкспедицию пограничной стражи Заамурского округа. Надо сказать, что пограничники являлись одними из самых боеспособных воинских частей в период Русско-японской войны. И посылка специальных экспедиций приобрела

систематический характер еще до начала боевых действий. Кроме Хитрово, подобные экспедиции возглавляли ротмистр Баранов и офицер 4-й бригады Заамурского округа Коншин.

Они не только вели разведку, но встречались с монгольскими князьями и ламами, и даже с Далай-ламой, который был изгнан англичанами из Тибета и искал поддержки у «белого царя» Николая II. Этим экспедициям удавалось не только добывать ценные разведданные, но и предотвращать проникновение японских диверсионных групп в тыл русской армии.

Разведку на левом фланге вел военный комиссар в Хейлунд-зянской провинции подполковник Михаил Соковнин.

После окончания Николаевской Академии Генерального штаба в 1892 году, Михаил Алексеевич был назначен в Приамурский военный округ. Служил обер-офицером для поручений при штабе округа, исполнял должность старшего адъютанта, прошел цензовое командование ротой, участвовал в Китайском походе, командовал батальоном 6-го Восточно-Сибирского полка.

За одиннадцать лет службы на Дальнем Востоке Соковнин хорошо изучил этот театр военных действий, и с началом войны вполне был готов вести разведку.

В «Отчете деятельности разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера при Главнокомандующем» с 4 марта по 31 августа 1905 года говорилось: «Сведения, доставляемые полковником Соковниным, отличались полнотою, достоверностью и разнообразием по характеру сообщаемого, благодаря тем широким связям, которые он за свое долгое пребывание на Дальнем Востоке успел установить с китайской администрацией и представителями всех слоев местного населения».

Весной 1905 года Михаил Соковнин получил персональное задание: разработать и провести спецоперацию, дабы склонить на нашу сторону авторитетного главаря независимой Дьяпигоу-ской вольницы Хандэнгю, который играл заметную роль еще во время Боксерского восстания в Китае. По некоторым данным, он был способен выставить несколько тысяч хунгузов. Естественно, штаб не желал увидеть на своем левом фланге такую бандармию. Тем более что японцы всячески желали перетянуть Хандэнгю на свою сторону.

Соковнин успешно справился с поставленной задачей. Он встретился с главарем группировки и за щедрое денежное вознаграждение предложил пойти на сотрудничество с русским штабом Маньчжурской армии.

Хандэнгю согласился и взял на себя обязательства не оказывать содействия японцам и вести непрерывное наблюдение за противником.

Разведка флангов осуществлялась также и с помощью боевых отрядов русских войск генерал-лейтенантов Петра Мищенко, Павла Ренненкампа и полковника Александра Мадритова.

Все они начинали службу на Дальнем Востоке еще до войны, участвовали в Китайском походе 1900–1901 годов.

Генерал Мищенко во время боевых действий с японцами весной — летом 1904 года командовал отдельной Забайкальской казачьей бригадой. В январе 1905 года под его руководством был совершен так называемый набег на Инкоу — рейд конницы в глубокий тыл противника. Однако он закончился неудачей.

В Китайском походе генерал Ренненкампф совершил классический кавалерийский рейд, чем и заслужил общее признание. Умело и храбро действовал он и в Русско-японскую войну, особенно во время Мукденского сражения, где Павел Карлович возглавлял отряд на левом фланге Маньчжурской армии.

Полковник Александр Мадритов командовал 1 — й сотней Верхнеудинского полка во время похода в Китай. Потом служил старшим адъютантом штаба Квантунской области, командовал отрядом охраны горно-лесопромышленной концессии на реке Ялу.

Весной 1904 года возглавил конный отряд в составе двух сотен и двух конных охотничьих команд, позже действовал в тылу на коммуникациях японских войск.

Генерал Алексей Игнатьев в своей книге «50 лет в строю» так вспоминает об этом офицере: «Куропаткин в зависимости от положения на Дальнем Востоке, то требовал увольнения полковника Мадритова из Генерального штаба, то хотел использовать знания и большой опыт этого энергичного офицера, как полезного эксперта в маньчжурском вопросе. В конце концов Мадритов войну провел во главе импровизированных отрядов, настолько оторванных от остальной армии, что после мукденского погрома о нем даже забыли. Он очутился со своими частями в тылу японских армий, и ему удалось лишь с большим трудом пробиться из окружения».

Такова была разведка флангов. Теперь пришло время рассказать о ближней разведке.

Для ее ведения использовался захват пленных, добыча документов, которыми занималась войсковая разведка. Велась тайная разведка с помощью лазутчиков-китайцев, а также сведения черпались из иностранной печати.

В составе Южного авангарда, ближнюю разведку разворачивал

начальник 9-й Восточно-Сибирской бригады, потом преобразованной в дивизию, генерал-майор Киприан Кондратович. В Восточном отряде ведение разведки было возложено на капитана 7-го стрелкового полка Николая Кузьмина.

Киприан Антонович прошел Русско-турецкую войну, участвовал в Китайском походе, и в 1902 году был назначен в распоряжение командующего войсками Квантунской области.

«Он, — писалось в документах, — служивший раньше в Маньчжурии, имел знакомства между китайцами и местными миссионерами».

Кузьмин тоже попал в разведку не случайно. Он был инструктором корейских войск, владел корейским языком и «являлся лицом, вполне подходящим для организации и ведения этого дела...»

Развертывание тайной разведки с помощью китайцев было поручено штабс-капитану Блонскому. Правда, работу эту в разведотделении штаба начали только после Мукденских боев.

В своем отчете в период с февраля по сентябрь 1905 года штабс-капитан сообщает, с какими трудностями ему пришлось столкнуться: «Разведка о неприятеле через тайных агентов в период после оставления Мукдена и до конца войны в штабе Главнокомандующего была возложена на меня, как владеющего китайским языком.

Система разведки заключалась в четырех главных моментах. 1. Приискание агентов. 2. Подготовка агентов. 3. Командирование агентов на разведку и 4. Вознаграждение за доставленные сведения.

Приискание агентов после отхода из Мукдена стало более затруднительным, чем до этого. Задача эта никоим образом не может быть возложена на офицера, не имеющего в своем распоряжении доверенного китайца. Дело в том, что китайцы, к которым офицер обращается лично с предложением принять его в качестве тайного агента, — относятся в большинстве случаев с недоверием к такому предложению и к обещаемому вознаграждению, с кем приходится иметь дело.

После Мукдена мне пришлось работать в районе, в котором никогда раньше я не бывал и не имел связи с китайским населением, китайцы же, помогавшие мне в приискании агентов до отхода из Мукдена, остались там, и я потерял с ними связь.

Таким образом, я вынужден был найти и нового помощника по приисканию агентов, в чем мне оказал содействие известный купец Тифонтай и китайский полковник Чжан-Чжен-юань».

О Николае Ивановиче Тифонтае (настоящее имя Цзи Фэнтай) надо сказать отдельно. О нем говорили, что внешность у него китайская, а

сердце русское. И это действительно так. В июле 1891 года в своем прошении о принятии его в российское подданство Цзи Фэнтай писал: «Я выехал из пределов Китая еще молодым человеком, и не имея там никого из близких и родных, совершенно отвык от жизни и обычаев прежней родины, и у меня решительно нет никаких связывающих обстоятельств с нею. Напротив, мое имущественное положение и мои занятия связывают меня всецело с Российской империей, ставшей мне второй родиной... Я буду считать для себя за большое счастье и честь быть гражданином Российского государства».

Прошение Цзи Фэнтай было удовлетворено. Искренность своих слов китаец с русской душой подтвердил во время Русско-японской войны. Он помогал нашей разведке вербовать и засылать в тыл японских войск тайных агентов. За свои деньги Тифонтай организовал диверсионный партизанский отряд «Пинтуй», который возглавил полковник Чжан-Чженюань. Его кстати, тоже рекомендовал Тифонтай. Отряд состоял из 500 конных хунгузов. «Цель отряда, — как писал сам Николай Иванович, — беспокоить тыл неприятеля, делать внезапные набеги, жечь склады, портить японский телеграф и железную дорогу, производить разведку».

За свои старания купец Тифонтай был награжден двумя орденами Станислава III и II степени.

Сведения о противнике доставлялись не только по линии агентов, действующих под руководством разведотделения штаба армии. Активно в этом направлении работал и военный комиссар Мукденской провинции Михаил Квецинский.

Михаил Федорович начал службу на Дальнем Востоке в 1897 году. Участвовал в Китайской кампании, исполнял должность военного комиссара в Мукдене. В феврале 1904 года — он начальник гарнизона Мукдена.

Историк И. Деревянко в своей книге «Белые пятна Русско-японской войны» пишет: «На более прочных основаниях было поставлено дело разведки китайцами у военного комиссара Мукденской провинции полковника Квецинского. Будучи представителем русской власти в Маньчжурии, полковник Квецинский имел возможность при непрерывных сношениях с китайской администрацией, получать сведения о противнике, отчасти от последней, отчасти же от специально нанятых для этой цели китайцев-разведчиков».

«Нельзя не отметить важное нововведение, впервые примененное полковником Квецинским, — учреждение школы для подготовки постоянных разведчиков из китайцев».

Правда, как всякое новое дело, оно имело много недостатков. Например, эту школу возглавил студент Восточного университета во Владивостоке. И если китайским языком он в какой-то мере владел, то военной профессии не знал, с организацией японской армии был мало знаком. Был и еще один минус — школу учредили достаточно поздно, уже после Мукденских боев. В то же время, надо признать, что сам опыт создания школы пригодился в будущем.

Главный контингент тайных агентов — китайские солдаты, деревенские жители, мелкие торговцы. Этим людей прельщало вознаграждение, однако, как писал тот же штабс-капитан Блонский, подобные «агенты не имели представления о японской армии и способны были доставлять сведения, не имеющие никакой цены».

Однако есть и положительные примеры организации агентурной разведки. Так во 2-м Сибирском корпусе штаб имел на связи шесть так называемых агентов-резидентов. Они располагались в разных пунктах в тылу противника. При каждом резиденте было по три агента связи. Столько же агентов связи имел и офицер, заведовавший корпусной разведкой.

Как только очередной «связист» с разведданными появлялся в штабе корпуса, ему на замену в резидентуру отсылался очередной агент. Была организована своего рода «челночная система» доставки информации. Это давало хорошие результаты.

Штабом корпуса использовалась и еще одна новинка — посылка агентов в крупные воинские части врага для работы в них под прикрытием обслуживающего персонала. Самыми удачными для этой роли были мастеровые — плотники, кузнецы. Пример такого успешного внедрения агентов-«крышевиков» приводит в своей работе «Агентурная разведка» К. Звонарев. Он говорит о кузнице и плотнике, которые были внедрены в одну из дивизий армии Куроки.

Неплохо работали и агенты из числа лиц, которые имели родственников в тылу японцев. Они могли, не вызывая подозрения, выехать к родным и проживать там продолжительное время.

Конечно же, в работе с агентами были свои трудности. Надо было следить за добросовестностью исполнения ими своих обязанностей. А сделать это, понятно, оказывалось не просто.

В довоенное время считалось, что войсковая разведка, которую вели кавалерийские части и охотничьи команды, является более эффективной, нежели агентурная разведка.

Этого мнения придерживались как в округах, так и в Главном штабе. Но боевая действительность показала всю ошибочность подобной теории.

Француз Руаль де Рюдеваль, ссылаясь на мнение генерала Георгия Штакельберга, командующего 1-м Сибирским корпусом, в своей работе «Разведка и шпионаж» говорит: «У нас было много кавалерии и мало шпионов и мы были все время плохо осведомлены. Наш противник имел мало кавалерии и много секретных агентов и знал все своевременно».

Что же касается разведки охотничьими командами, то и здесь дела обстояли не лучше. Военный теоретик генерал русской армии и комдив советской Александр Свечин в своих трудах, посвященных Русско-японской войне, рассказывает, как начальники неумело руководили охотничьими командами. «Как сквозь сито, гнали через неприятельские аванпосты наши охотничьи команды. Из полков выбирались лучшие нижние чины, лучшие офицеры, им давались самые туманные инструкции, собранные команды угонялись за 100 верст на гибель, тем более верную, чем отважнее были офицеры. Сотни пропавших без вести, оплачивали совершенно не стоящие сведения, принесенные одним удачником.

В этих разведочных делах мы теряли не только лучших людей, мы теряли веру в себя, мы постепенно приучали всех к неудачам, постепенно разучивались одерживать победы».

На первых порах еще теплилась надежда на захват пленных, документов, писем. Но пленных чаще всего берет тот, кто наступает. И потому к середине 1904 года приток пленных и вовсе иссяк. Не помог и приказ генерала Куропаткина выплачивать вознаграждение за каждого пленного.

«Случаи захвата официальных документов были очень редки, — говорилось в отчете штаба 1-й армии, — и захваченные документы имели только исторический интерес».

Вот, собственно, и весь краткий обзор ведения ближней разведки на Маньчжурском ТВД.

Остается добавить, что в период войны нашими военными агентами и негласной агентурой в Западной Европе также велась разведка в интересах штаба Главнокомандующего Маньчжурской армией.

Военный агент в Германии полковник Вадим Шебеко получил ценные сведения о крупном артиллерийском заказе японского правительства на заводе Круппа в Эссене. Он также отследил и сообщил в Главный штаб дату выхода парохода «Самбия» из Гамбурга с грузом полевых и горных артиллерийских орудий.

В декабре 1904 года военный агент России в Стокгольме полковник Александр Алексеев доложил о закупках Японией военной техники в Швеции.

Позиции военных агентов в Берлине и в Париже также использовались для передачи сведений из Японии и Китая. Такие данные от «агента, проживающего в Токио» получал полковник Владимир Лазарев, находившийся в это время во Франции.

В силу своих возможностей вел разведку и военно-морской флот. Надо отметить, что именно во время Русско-японской войны родилась наша радиоразведка. 7 марта 1904 года командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Степан Макаров подписал приказ, в котором предписывал ведение радиоперехвата и пеленгования вражеских радиостанций. Выполняя его, радисты флота обнаруживали работу японской радиостанции и докладывали о приближении кораблей противника. Именно так были впервые опробованы приемы разведки японцев по их радиопереговорам и дешифровке перехваченных радиограмм.

...27 июля 1905 года в американском городе Портсмуте был подписан мирный договор между Россией и Японией. Война завершилась. Россия признала Корею сферой японского влияния, передала Японии арендные права на Квантунскую область с Порт-Артуром и Южную ветку Китайско-Восточной железной дороги, а также южную часть Сахалина.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

«О, Русь! Забудь былую славу»

Поражение в Русско-японской войне 1904–1905 годов дорого обошлось России. Геополитический баланс был нарушен. Санкт-Петербург потерял часть своих позиций в Тихоокеанском регионе. Престиж империи на мировой арене был подорван. Произошло резкое снижение военного потенциала.

Внутриполитическая обстановка характеризовалась нарастанием дестабилизационных процессов, которые в конечном итоге привели к революционным выступлениям 1905–1907 годов. И хотя выступления эти были подавлены, от полученного удара царизм уже не оправился. Через десять лет династия Романовых падет.

Война выявила возросшее значение экономического и морального факторов, потребовала массового производства вооружения и боеприпасов. Изменились способы ведения боевых действий в связи с появлением массовых армий. Произошло насыщение войск новыми техническими средствами. Все это в комплексе предъявило повышенные требования к организации и ведению разведки как в военный период, так и в мирное время.

«России необходим мир и внешний покой, по меньшей мере, на 20—25 лет, — говорил премьер-министр империи Сергей Витте, — в течение которых она сконцентрировала бы усилия на внешнем устроении и восстановлении военного потенциала». Но прав был поэт Александр Блок: «Покой нам только снится». История не отпустила России и половины срока. Однако и за это время были проведены военные реформы 1905–1912 годов.

Еще до подписания Портсмутского мира в империи утверждается Совет Государственной Обороны (СГО). Именным высочайшим указом Правительствующему Сенату председателем СГО назначается Великий Князь Николай Николаевич.

Вслед за Советом первым органом высшего военного управления стал самостоятельный Генеральный штаб.

21 июня 1905 года учреждается должность начальника Генерального штаба. Он подчиняется царю, с правом личного доклада. Не прошло и недели, как было объявлено о формировании Главного управления Генерального штаба (ГУГШ).

В его состав наряду с другими входило и управление генерал-

квартирмейстера. Оно являлось исполнительным органом начальника Генштаба. Занималось сбором и обработкой военностатистического материала, сведений о театрах военных действий и вооруженных силах иностранных государств, а также направляло оперативную и военно-статистическую работу окружных штабов.

В ноябре 1908 года Главное управление Генерального штаба было введено в состав военного министерства, а начальник Генштаба подчинен военному министру.

Через два года была принята новая структура ГУГШ. Управление генерал-квартирмейстера переименовано в отдел (Огенквар) с серьезным изменением его структуры. В таком виде Огенквар сохранился практически до начала Первой мировой войны.

Таким образом, военные реформы 1905–1912 годов сыграли большую роль в дальнейшем развитии нашей разведки. Организационно было закреплено пусть и неофициальное разделение добывающих и обрабатывающих функций разведывательного органа. Особое делопроизводство Огенквара ведало «служебной перепиской с военными агентами, сбором военных сведений об иностранных армиях и отчетностью по суммам, расходуемым Огенкваром».

Обработкой сведений об иностранных государствах занималось восемь делопроизводителей. Однако они не входили в состав Особого делопроизводства, а состояли в штате частей 1-го и 2-го обер-квартирмейстеров. Название этих делопроизводств говорит само за себя: германское, австро-венгерское, балканское, скандинавское, прочих стран Западной Европы, а также туркестанское, турко-персидское, дальневосточное.

В 1910 году с введением новых штатов помощником 1-го обер-квартирмейстера назначается полковник Николай Монкевиц.

Николай Августович образование получил во втором кадетском корпусе, в Павловском военном училище и в Академии Генерального штаба.

Служил в 145-м пехотном Новочеркасском полку. Офицер лейб-гвардии Литовского полка, помощник старшего адъютанта Варшавского военного округа.

С началом Русско-японской войны — назначен начальником штаба 1-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Позже проходил службу в составе 3-й Маньчжурской армии.

С 1906 года — в Главном управлении Генерального штаба — делопроизводитель, помощник 1-го обер-квартирмейстера, 1-й обер-

квартирмейстер и исполняющий должность генерал-квартирмейстера ГУГШ.

Однако генерал-квартирмейстером Монкевиц станет в июне 1914 года, а пока он помощник 1-го обер-квартирмейстера, и на него возложено руководство добывающими органами разведки и частью обрабатывающих. Откровенно говоря, взаимоотношения между добывающими и обрабатывающими органами разведки прошли большой и сложный путь. Это сегодня они единое целое, и иного быть не может, но сто с лишним лет назад все обстояло иначе. Нередко возникали непонимание, несогласованность, разного рода трения, и даже противостояние.

В 1911 году генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал-майор Юрий Данилов писал по этому поводу: «...Статистическое и Особое делопроизводства должны проникнуться сознанием, что в равной мере разделяя ответственность за состояние нашей осведомленности о вероятных противниках, они окажутся в состоянии довести эту первостепенной важности отрасль подготовки к войне до должной высоты лишь при условии тесного и дружного взаимодействия между собою».

Говоря о преобразованиях в системе центральных органов управления армии, а также непосредственно в Главном управлении Генерального штаба и отделе генерал-квартирмейстера, нельзя не сказать о кадровом составе офицерского корпуса.

Ведь ГУГШ формировалось только из военнослужащих, успешно окончивших полный курс Академии Генерального штаба. Однако чтобы стать слушателем академии, надо было дослужиться до звания обер-офицера либо в армии, либо в гвардии, иметь выслугу не менее трех лет, из них два года на строевой должности, положительную аттестацию, соответствующее состояние здоровья. И последняя преграда — успешная сдача экзаменов. Кстати, экзамены проходили в два этапа: первый — в округах, второй — непосредственно в стенах академии. Говоря современным языком, конкурс был велик.

Обучение длилось два года. Существовал еще дополнительный 9-месячный курс, но туда попадали лучшие из лучших, окончившие предыдущие классы по первому разряду. Они готовились для службы в Генштабе. Остальные выпускники направлялись в свои части.

К сожалению, не только в военных училищах, но даже в Академии Генштаба проблемам организации разведки уделялось недостаточно внимания. Опыт прошедшей войны и годы послевоенных реформ мало что изменили в этом направлении. В рамках такой дисциплины, как «Стратегия», был раздел «Ведение военных действий (операций)». А в нем

одна из тем именовалась как «Разведывательная служба». Вот, собственно, и все.

Историк Михаил Алексеев в своем труде «Военная разведка России. 2 том» пишет: «По объему весь материал темы «Разведывательная служба в части агентурной разведки» был довольно ограничен, порой поверхностен, фрагментарен и давал скорее «пищу» для размышлений, нежели закладывал серьезную базу знаний по данной проблеме».

Военный агент во Франции и в странах Скандинавии Алексей Игнатьев в известной книге «50 лет в строю» так вспоминает о своем академическом прошлом. «В академии нас с тайной разведкой даже не знакомили, это просто не входило в программу преподавания и даже считалось делом «грязным», которым должны заниматься сыщики, переодетые жандармы и другие темные личности».

А ведь Алексей Алексеевич окончил академию в не такое далекое время, в 1902 году. Впрочем, и после войны в стенах ведущего военного вуза России практически ничего не изменилось. Считалось, что освоение специальности разведчика офицеры будут проводить после назначения их на соответствующие должности.

Русско-японская война показала, сколь важно для офицеров-разведчиков освоение иностранных языков. И что же? Тот же Михаил Алексеев считает, что языковая подготовка в академии оставляла желать лучшего. Восточные языки в академии не изучали, а отдавали на «откуп» другим учереждениям.

Да, действительно «языки Ближнего Востока» преподавали на офицерских курсах при МИДе и при штабе Туркестанского военного округа, в Ташкенте. «Языки Дальнего Востока» изучались офицерами в Восточном университете во Владивостоке.

Важной составляющей реформы 1905–1912 годов было финансирование военного министерства. И тут, к сожалению, дела обстояли не самым лучшим образом.

Главное управление Генштаба, осознавая необходимость организации крепко поставленной разведки, в 1906 году с горечью констатировало: «С такими отпусками денег на разведку нельзя и помышлять об организации на постоянных и правильных основаниях сложного и трудного дела внешней и внутренней разведок и о должном ведении их».

В том же году 5-е делопроизводство предложило на рассмотрение три проекта смет расходов на разведку. В первом и самом оптимистичном проекте разведчики просили ежегодно 1 800 000 рублей. В третьем, назовем его минимальным, согласны были работать и за 716 000 рублей. Но

тут же заявляли, что эта «цифра является крайне низким пределом, при котором возможно положить хотя какое-либо начало организации разведки».

Однако и этой суммы разведчики не получили. Иногда Главному управлению Генштаба везло и ему удавалось «выбивать» хотя бы единовременные суммы под конкретные события. Обострились отношения с Турцией, и весной 1908 года возникла необходимость усилить разведку на этом направлении. На этот «проект» выделили дополнительно 70 000 рублей.

В очередной раз ГУГШ попыталось добиться увеличения ассигнований на негласную разведку. Оно просит выделять начиная с 1909 года по 596 750 рублей. Но Совет министров значительно сокращает эту сумму. И разведка получает только 344 130 рублей.

Главное управление протестует, докладывая, что «мероприятие это вызывается невозможностью поддерживать на правильных основаниях на ассигнуемые ныне ежегодно 344 130 рублей, сложное дело внешней разведки в 11 сопредельных государствах и вести борьбу для воспрепятствования разведывательной деятельности тех же государств в России».

Оно предлагает с 1 января 1910 года увеличить ежегодное ассигнование. И действительно, военных разведчиков, наконец, услышали, и с 1911 года Генштаб на тайную разведку стал получать 1 947 850 рублей. Рост был существенный.

Но теперь приключилась другая беда. Памятуя об уроках войны с Японией, Генштаб по-прежнему, посылал денег больше на Восток, чем на Запад. Так было и в 1911 и в 1912 годах. Не произошло поворота и в следующем 1913 году — 311 600 рублей ушло на Восток и только 203 600 в западном направлении.

Наконец, в 1914-м, в год начала войны предусматривается «центр тяжести разведки... решительно переместить с Востока на Запад, соответственно требованиям современной политической конъюнктуры».

Генштаб кое-что успевает сделать: ликвидирует агентуру в Токио, сокращает финансирование должностей военных секретарей в консульствах в Шара-Сумэ и в Уруми, увеличивает смету нашей агентурной организации в Германии, изыскивает деньги для развертывания сети агентов в Австро-Венгрии.

Однако времени на серьезное изменение вектора финансирования уже не было. В наши двери стучалась Первая мировая война.

Вот, пожалуй, и все, что хотелось бы сказать о реформировании

Генерального штаба и его Главного управления в период военной реформы 1905–1912 годов. В результате проведенных реорганизаций, к сожалению, так и не был создан центральный орган, который занимался бы только организацией и ведением разведки.

В то же время следует отметить, что в новом Главном управлении Генштаба фактически утвердилось разделение добывающих и обрабатывающих подразделений, развернуты новые делопроизводства, изучающие исключительно вооруженные силы иностранных государств. Важно и то, что теперь перед ГУГ1И ставилась задача ведения собственной разведки, а также возлагалось руководство разведческой деятельностью штабов округов.

«Сведения о военных силах...»

Деятельность центральных органов военной разведки в период реформ 1905–1912 годов, неразрывно связана с функционированием важнейшего института — регулярных зарубежных сил — «гласных» и «негласных» (тайных) военных агентов.

В эти годы официальные военные агенты Российской империи находились в большинстве европейских стран, а также в Японии, Китае и Северо-Американских Соединенных Штатах. Некоторые из них имели помощников.

В инструкции 1905 года говорилось, что они «назначаются для поставления правительству возможно полных, точных и своевременных сведений о военных силах и средствах иностранных государств».

В послевоенное десятилетие в деятельности военных агентов возникало много проблем, но были две кардинальные — резкое недовольство «технических управлений» военного ведомства уровнем поставляемой развединформации, а также споры и дискуссии по поводу насаждения тайной агентуры.

Оба этих вопроса стояли достаточно остро. В связи с резким возрастанием роли современного оружия и боевой техники от военных агентов ждали конкретных данных по современным видам вооружения. Увы, большинство из них были технически некомпетентны.

Справедливости ради надо сказать, что все агенты имели хорошее образование, окончили лучшие кадетские корпуса, включая самый привилегированный — Пажеский, военные училища, академию Генштаба. Но, как правило, по своей воинской профессии они были пехотинцами, кавалеристами, изредка артиллеристами. А об инженерах и говорить не приходилось. За десятилетие их в корпусе военных агентов оказалось всего двое — полковники Александр Михельсон и Федор Огородников. Первый проходил службу в Германии, второй в Китае. Оба они выпускники Николаевского инженерного училища. Кстати, и тот и другой на военно-дипломатической и разведывательной работе показали себя с самой лучшей стороны. Так, Алексей Игнатъев назвал Михельсона «выдающимся русским военным агентом». К сожалению, таких, как Михельсон, образованных в техническом плане, были единицы. Отсюда и недовольство их коллег из артиллерийского и инженерного управлений.

Главное управление Генштаба пыталось поправить положение. В

начале 1906 года созвали специальное совещание, пригласили представителей различных управлений и попытались составить программу для военных агентов. Шаг был, безусловно, верный, ибо у офицеров, работающих за рубежом, не существовало даже примерного перечня военно-технических новинок, подлежащих добыванию.

Генштаб выслушал немало горьких упреков. Главное артиллерийское управление критиковало руководителей разведки за то, что им самим запрещали иметь агентуру за рубежом, а военные агенты ничего толкового не представляли. Командировки нескольких артиллерийских офицеров за границу оказывались малоэффективными.

Предложение «пушкарей» было таково: пересмотреть состав агентуры и включить в нее специалистов артиллерийского дела. Там, где нет таких специалистов на постоянной основе, при необходимости командировать их для совместной работы с военными агентами.

Главное инженерное управление, в свою очередь, указывало, что оно получает сведения от иностранных фирм. Но сведения эти следует постоянно держать под строгим контролем, ибо фирмы часто предлагают то, что оказалось не пригодным на родине. Инженеры также отметили, что донесения военных агентов по техническим вопросам носят случайный характер и не основываются на строгой программе.

Вывод напрашивался сам собой — создать такую программу.

С этой целью Главные управления представили перечни необходимых им сведений. Никто не поскупился. Когда в ГУГШ сведения свели воедино, получился достаточно обширный план, который и выполнить-то вряд ли кому было под силу. Его и не выполнили.

К «техническим вопросам» вернулись через несколько лет, в 1910 году. На сей раз планов не составляли. Решили назначить военным агентам помощников по технической части. Первыми «пом. по техов» должны были получить агенты в Австро-Венгрии и во Франции. Однако назначения не состоялись. Министерство финансов отказалось выделить деньги под эти должности.

Поскольку все попытки ГУГШ хоть как-то укрепить техническую сторону разведки рухнули, в инструкции 1912 года указывалось, что военные агенты должны заботиться о военно-технических и новейших усовершенствованиях, но делать это с «особой разборчивостью». Руководство, по сути, призывало проводить предварительную экспертизу. Только не указывало, где на это брать деньги. Видимо, надеялось, что агенты сделают это за свой счет.

В послевоенный период становилось все более понятным, что

требования к качеству и уровню развединформации возрастают. Нужны не сведения, полученные в салонных беседах и сплетнях, а действительно важные государственные тайны, секреты стратегического плана. Касалось это в первую очередь потенциальных противников России.

Словом, возможности получения разведсведений официальным путем были практически исчерпаны. Следовало искать, заводить, насаждать тайную агентуру. А это совсем иное, чем блистать в свете.

В 1909 году в Главном управлении Генштаба был подготовлен проект «Указаний военным агентам по ведению нелегальной разведки».

Эти указания вместе с новой инструкцией разослали на отзыв. И если инструкция у военных агентов не вызвала споров, то проект указаний, наоборот, был подвергнут критике и, по сути, отвергнут.

«Требования и указания военным агентам по ведению негласной разведки, — писал полковник Евгений Миллер, находившийся в Италии, — следует признать едва ли выполнимым по следующим причинам.

Военные агенты — лица, официально находившиеся на виду у всех, за ними весьма легко может быть установлено самое внимательное наблюдение со дня прибытия в государство. Поэтому можно быть уверенным, что военный агент очень скоро будет скомпрометирован, а созданная им организация тайной разведки будет нарушена.

Поручая кому-либо организацию такого деликатного дела, как тайная разведка, необходимо поставить его в наиболее благоприятные условия для выполнения данной ему задачи; между тем положение военного агента является наименее благоприятным для организации и ведения тайной разведки, требующих постоянных секретных сношений с агентами.

Поэтому, казалось бы, можно сделать единственно логичный вывод, что организация и ведение тайной разведки должны быть возложены на офицера Генерального штаба, но не в роли военного агента или вообще официального лица, а проживающего в любом городе данной страны, предпочтительно не в столице и имеющего вполне определенное частное занятие».

Своему коллеге в Риме вторит военный агент в Турции полковник Иван Хольмсен. «Прочная организация... тайной разведки требует сумм значительно превосходящих, чем существующие теперь отпуски.

Замечу; в частности, ч/во ведение военными агентами в Румынии тайной разведки представляется делом весьма и весьма рискованным. Небольшие размеры государства и города Бухареста чрезвычайно облегчают наблюдение за военным агентом, если последний не скомпрометировал себя до настоящего времени (объяснение чему скорее в

убеждении румынского правительства, что военная разведка в Румынии возложена лишь на штаб Одесского военного округа.

...При таких условиях ведение тайной разведки в Румынии представляет большой риск».

«Поручать военным агентам главное руководство негласною разведкою в тех государствах, где они аккредитованы, невозможно по ниже следующим причинам, — сообщал в ГУГШ полковник Николай Потапов из Черногории.

Во-первых, потому, что таким путем, не всегда возможно будет достигнуть чрезвычайно важной цели, а именно — непрерывности разведки, ибо при подобного рода деятельности увеличивается вероятность частой слежки военных агентов, а при каждой слежке может случаться, что сменный военный агент или не пожелает, или не успеет передать своему заместителю своих негласных помощников, с другой стороны, и эти последние не всегда будут согласны продолжить работу с новым человеком, пока окончательно не убедятся в его осторожности и умении вести дело.

Во-вторых, развивать сеть агентуры, находясь в официальном положении и на виду у всех, в высшей степени затруднительно, ибо за военными агентами устанавливается строжайшее наблюдение, и потому им легче, чем кому-либо другому, каким-либо неосторожным шагом погубить все дело...

А потому; казалось бы, более соответственным наряду с официальною военною агентурою устроить неофициальную секретную, которой и поручить развитие сети негласной разведки».

Таково мнение военных агентов по вопросу развертывания тайной агентуры. И их по-человечески можно понять — дело новое, неизведанное, крайне опасное. Ну, кому хочется надевать на себя такой хомут.

Кроме того, рассказывая о трудностях работы за рубежом, офицеры не сгущали краски. Действовать в чужой стране, когда тебе противостоит мощный государственный контрразведывательный механизм, не просто.

Местные спецслужбы многих стран не упускали случая скомпрометировать русских агентов. Так, в 1912 году накануне отъезда на родину военного агента в Дании, Норвегии и Швеции полковника Алексея Игнатьева в одной из шведских газет появилась пасквильная статья под заголовком: «Граф Игнатьев — шпион». Впрочем, она была весьма бездоказательна, и местным властям пришлось проводить офицера с почетом и наградой.

За некоторыми агентами устанавливались плотные слежки, местные

подданные, состоящие на службе у полиции, внедрялись в прислугу к русским офицерам.

Хорошо известен случай, и он описан в исторической литературе, как осведомитель спецслужб Юлиус Рехак был внедрен в русское посольство в Берлине и прослужил там двадцать лет. Он исполнял должность старшего канцелярского служителя и имел на руках ключи от канцелярии посольства, шкафов, где хранились документы. Разоблачен «Юлиус» был совершенно случайно: военный агент в Швейцарии полковник Дмитрий Ромейко-Гурко подслушал разговор двух германских дипломатов, которые говорили о своем агенте в русском посольстве в Берлине по фамилии Рехак.

В еще более сложной обстановке приходилось действовать русским военным агентам в Японии. Полковник Владимир Самойлов, который провел в Токио с небольшим перерывом почти двенадцать лет, так характеризовал японцев.

«Многое из того, что в европейских странах является предметом обыденных разговоров офицеров и чиновников — никогда не обсуждается вне присутственных мест...

В Японии секретными считаются многие вещи, которые в европейских странах появляются в печати и продаются для публики: большая часть всех учебников военных училищ, штаты и прочие секреты.

Укоренившаяся среди японцев привычка шпионить и подсматривать друг за другом выработала в них отличных агентов тайной полиции.

На каждого иностранца, прежде всего, смотрят с предубеждением, что он шпион, и сразу же окружают надзором. Корреспонденция его прочитывается, за каждым шагом следят, замечают всех, с кем водиться... Без преувеличения можно сказать, что за всеми официальными лицами, живущими в Японии, по пятам следует агент полиции».

Что оставалось делать Главному управлению Генштаба, получающему такие письма? Игнорировать их было невозможно. И потому в 1912 году по итогам обсуждения указаний приняли компромиссное решение — в новой инструкции ведение негласной агентурной разведки не вменялось военным агентам, но и не воспрещалось.

Однако инструкции инструкциями, а усложняющаяся военнополитическая и международная обстановка, нарастание угрозы войны заставляли усиливать разведдеятельность. Руководство Генерального штаба требовало более высокого уровня информации, и не только тактического и оперативного, но и стратегического порядка.

Большинство военных агентов это прекрасно осознавали. Находясь на территории наших вероятных противников, они понимали — добыть

секретные документы, возможно только с привлечением тайной агентуры из числа иностранцев. Именно поэтому и рисковали. А иного было не дано. И военный агент в Австро-Венгрии полковник Митрофан Марченко и сменивший его полковник Михаил Занкевич вынужденно покинули Вену, заподозренные в разведывательной деятельности.

Да и как иначе. Австро-Венгрия являлась врагом Российской империи и активно готовилась к войне. Генштаб остро нуждался в качественной развединформации. И такую информацию успешно поставлял Митрофан Константинович, находившийся в Вене с лета 1905 года.

Он умело руководил негласной агентурой, доставшейся ему от предшественника полковника Владимира Роопа. Агенты поставляли документацию по полевой артиллерии австро-венгерских войск. Только за один год Марченко передал в ГУГШ 20 тетрадей-копий с чертежами секретных данных по перевооружению артиллерии.

К. Звонарев ссылается на письмо Марченко, посланное генерал-квартирмейстеру в 1906 году, где военный агент докладывает: «приложу все усилия и умение, дабы исполнить желание начальника Генерального штаба по сбору сведений о крепостных маневрах».

Активная деятельность Митрофана Константиновича была замечена контрразведкой. Агент Кречмар, служащий артиллерийского депо, передавший секретные документы был схвачен, а Марченко был вынужден уехать в отпуск без возвращения.

Впрочем, австро-венгерским контрразведчикам от этого не стало легче.

«Взамен Марченко, — пишет Макс Ронге в своей книге «Разведка и контрразведка», — мы получили столь же опасного руководителя русской агентуры в лице полковника Занкевича». «Занкевич проявлял бурную любознательность, посещая два-три раза в неделю бюро дежурного генерала военного министерства, и задавал больше вопросов, чем все прочие военные агенты вместе взятые. На маневрах он вел себя настолько вызывающе, что его пришлось ввести в границы».

«Он был хитер и скоро заметил, что за его жильем установлен надзор. Потребовалось много времени, прежде чем удалось установить методы его работы».

Да, Михаил Ипполитович был опытным разведчиком. После окончания Академии Генштаба он служил в Военно-ученом комитете, работал в Главном штабе, а в 1903 году приехал в Вену помощником военного агента. Потом служил военным агентом в Румынии и в 1910 году возвратился в Вену.

Неспроста такую высокую оценку его деятельности дает Макс Ронге. Занкевич руководил агентами, добывал карты будущего театра боевых действий, общался с изобретателями, собирал технические сведения.

Делопроизводство ГУГШ в заключении о работе Михаила Ипполитовича за 1912–1913 годы подводило такой итог: «В общем, полковник Занкевич представляет собой тип образцового военного агента».

В Германии, которая в те годы по праву считалась противником России, в послевоенный период работали полковники Александр Михельсон и Павел Базаров. И тот и другой получили хорошее образование: Михельсон окончил Николаевское инженерное училище, Базаров — Михайловское артиллерийское. Служили в войсках, учились в Академии Генштаба, потом — в Главном штабе.

С 1906 по 1910 год Михельсон — военный агент в Берлине. На этом посту его сменил Базаров.

Александр Александрович Михельсон был весьма изобретательным человеком. Он задался вполне закономерным вопросом: как подсчитать распределение германских сил между русским и французскими фронтами? Забраться в сейф начальника Генштаба немецкой армии у него не было возможности, и тогда он нашел простой и в то же время гениальный способ получить ответ на этот вопрос.

Михельсон выбрал для наблюдения железнодорожные мосты через Вислу и Эльбу. Завербовал мостовых сторожей, объяснив им, что он представитель строительной компании, которая проводит испытания мостовых конструкций. Провел с ними тренировки, чтобы сторожа могли подсчитать и сообщить ему о количестве поездов, проходящих за сутки в обоих направлениях. Естественно, работа оплачивалась, а связь осуществлялась через доверенное лицо.

Так же изобретательно он поступил и с другим документом. Сумел выкупить на несколько дней правила выплаты денежного содержания во время войны. Сфотографировать, увы, документ не удалось. И тогда он вместе с женой и секретарем переписывал «правила» едва ли не круглые сутки. Документ агенту был возвращен вовремя.

На след Михельсона, к сожалению, вышла контрразведка, и он покинул Берлин.

Базаров, как мы уже говорили, был под стать своему предшественнику и далеко не подарок для германских спецслужб.

Как блестящий аналитик на основе разведматериалов он еще за два года до войны предупреждал наш Генштаб о том, что «Германия усиленно готовится к войне в ближайшем будущем». Так Базаров писал в начале

1912 года. А в конце того же года он конкретизирует сроки, когда Германия будет готова открыть боевые действия.

«Наиболее удобным для открытия военных действий временем, — сообщал он в Петербург, — в смысле готовности сухопутных и морских вооруженных сил и подготовки морской базы, является для Германии конец 1913 ши начало 1914 года».

Достаточно продуктивно в 1906–1914 годы работал в Японии военный агент полковник Владимир Самойлов. Он сумел наладить поступление ценных военно-технических сведений.

А военный агент в Швейцарии полковник Дмитрий Ромейко-Гурко хотя и был далек от «германских дел», но сумел предупредить Главный штаб о приближении войны.

В 1913 году он сообщал в Петербург следующее: «...Ялично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 года, настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел бы без войны».

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что, несмотря на все недостатки в деятельности регулярных зарубежных сил, трудности в их работе, сложный контрразведывательный климат, в особенности, в странах-противниках, военные агенты со своей задачей справились. Они достаточно умело отслеживали состояние вооруженных сил вероятного противника. К сожалению, разведин-формация по военно-техническим вопросам оставалась слабым звеном в их деятельности.

«Усыпил бдительность англичан...»

В период между двумя войнами — Русско-японской и Первой мировой свое дальнейшее развитие получило «крышевое» направление военной разведки. Негласные военные агенты из числа русских офицеров назначались на должности «прикрытия» в консульства. К разведработе также привлекались российские подданные из числа служащих наших учреждений за рубежом или проживающие за границей как частные лица.

Негласные агенты выполняли те же задачи, что и официальные военные агенты. Руководство ими осуществляло как Главное управление Генштаба, так и окружные органы разведки.

Назначение на должности негласных военных агентов оставалось по-прежнему долгим, трудоемким, волокитным. Однако другой системы не существовало, и пусть длинным и сложным путем, но офицеры назначались на «крышевые» должности, как правило, либо консулами, либо вице-консулами.

После поражения в Русско-японской войне 1904–1905 годов приоритетным направлением в организации «крышевой» разведки считались Восточное и Ближне-Восточное направления.

Историк М. Алексеев в книге «Военная разведка России» приводит весьма примечательный отрывок из доклада ГУГШ от 10 февраля 1907 года: «В виду особой важности быть возможно полнее осведомленным о военных мероприятиях Японии и Китая на Дальнем Востоке представляется... крайне желательным назначить на должность российских консулов в Гирине и Цицикаре опытных в деле военной разведки офицеров Генерального штаба, но с переименованием их в соответствующий гражданский чин на все время состояния на этих должностях.

Наиболее подходящими для замещения указанных должностей являются: военный комиссар Гириной провинции Генерального штаба полковник Соковнин и Генерального штаба полковник Манакин...

Проведя много лет на службе на Дальнем Востоке, оба означенные штаб-офицеры основательно ознакомились с местными условиями и приобрели там обширные связи в различных кругах населения».

Кто же они такие, «означенные штаб-офицеры», и почему именно им была доверена эта ответственная миссия?

Прежде всего, надо отметить, что в докладе излагались подлинные факты. Полковники Михаил Манакин и Михаил Соковнин окончили

военные училища и академию Генштаба по первому разряду. Командовали ротой, батальоном.

Манакин на Дальнем Востоке с 1895 года, Соковнин — с 1893 года. Служили адъютантами штаба, обер-офицерами для поручений, участвовали в Китайской кампании 1900–1901 годов.

В начале 1907 года получили назначение на консульские должности в Цицикаре и Гирине. Были переименованы в статские советники.

В том же году в Корею, в Гензан негласным военным агентом, под прикрытием консульской должности был направлен штабс-капитан Николай Бирюков. Он развернет агентурную организацию, основой которой станут местные жители, в основном корейцы. Через два года, в 1909 году Николай Николаевич уже руководит пятью «агентами-резидентами». Среди них — переводчик консульства в Фузане, бывший секретарь китайской миссии в Петербурге, близко знавший старого императора и поддерживающий связь с ним. Были у Бирюкова и свои информаторы в Японии.

Главное управление Генштаба считало необходимым и далее укреплять «крышевое» направление военной разведки на Дальнем Востоке. Побывавший с инспекционной поездкой в тех местах помощник делопроизводителя 5-го делопроизводства Генштаба полковник Оскар Энкель докладывал руководству: «Я полагаю бы действительно необходимым принять решительные меры к насаждению в возможно непродолжительном времени офицера Генерального штаба в Нангане или Чончжине...»

Он критиковал Бирюкова, однако считал «нежелательным совершенно отказаться от услуг названного лица, весьма популярного и любимого в Корее».

Судя по всему, критика Энкеля дала свой положительный результат, и уже в 1912 году, оценивая деятельность Николая Бирюкова, оберквартирмейстер генерал-майор Аверьянов писал: «Бирюков дает ежегодно значительное количество сведений о Северной Корее, о деятельности в ней японцев, о дислокации и количестве японских войск, состоянии путей сообщения. Сведения его снабжены схемами, чего не достаёт в донесениях прочих агентов, прекрасно изложены и представляют весьма полезный материал о Корее».

В 1911 году негласного агента полковника Манакина сменил полковник Степан Афанасьев. Он обучался на корейско-китайском отделении Восточного университета во Владивостоке, однако в связи с началом Русско-японской войны вынужден был прервать учебу. Служил помощником военного агента в Пекине, потом в Шанхае, в Мукдене. С

1911 года — консул в Цицикаре.

Тот же генерал Аверьянов высоко оценивает работу Степана Васильевича.

«Наш консул в Цицикаре, — сообщает он, — доставляет сведения о положении дел в Цицикарской провинции, о событиях в Маньчжурии и ближайших частях Монголии. Сведения, доставляемые им, отличаются точностью и полнотою».

Не менее успешно работают негласные военные агенты из числа офицеров Генштаба под прикрытием консульских должностей в Турции, в Персии, в Афганистане.

С 1904 года в Туркестанском военном округе проходит службу Лев Скурат. Кроме археологического института и пехотного училища Лев Николаевич оканчивает офицерские курсы восточных языков при Министерстве иностранных дел. Его назначают негласным военным агентом в генконсульстве в Мешхеде, с 1911 года — офицером на правах военного агента.

В «Сведениях о донесениях, поступивших от военных и негласных агентов в 1-е делопроизводство части 2-го обер-квартирмейстера» говорится: «За 1912 год подполковником Скуратом представлено в Главное управление Генерального штаба 6 тетрадок «Сведений по Афганистану» (около 120 страниц). В этих сведениях заключаются следующие данные по Афганистану: а) политическая ситуация, текущие события, внутренняя жизнь, отношение к иностранцам, политическое устройство страны — обнимают собою более половины представленных сведений и дают достаточно яркую картину внутренней жизни народа... б) сведения об афганской армии составляет около 1/3 всего представленного материала.

Кроме донесений об Афганистане подполковником Скуратом представлено в минувшем году очень интересное донесение о событиях в Мешхеде.

В общем, работу подполковника Скурата можно признать вполне хорошей».

В Турции, в Ване на должности вице-консула работает негласный агент военной разведки подполковник Ричард Термен. Он назначен на эту должность в 1905 году. После выпуска из Академии Генштаба Ричард Иосифович направлен в Кавказский военный округ. Проходит цензовое командование ротой в 16-м гренадерском Мингрельском полку, служит старшим адъютантом штаба дивизии, обер-офицером при штабе корпуса и штаб-офицером при командующем округом. Далее его путь лежит в Вану.

Там же в Турции, в Эрзеруме в 1901–1905 годах под прикрытием

должности секретаря Российского генконсульства трудится военный агент Петр Аверьянов. С 1908 года здесь же «секретарствует» другой разведчик подполковник Евгений Вышинский.

Офицером при вице-консуле в Сейстане с 1909 года служит Владимир Фон-дер-Фляс. Судя по документам, работал он неплохо. Им направлены в Петербург «описание дороги из Сейстана в Гирин, описание крепости Фарах», а также он доставил в Генштаб «семь больших донесений по различным, преимущественно мелким вопросам, касающимся военной и политической жизни Сейстана и прилегающих частей Персии, Афганистана и Белуджистана».

В 1912 году на смену Фон-дер-Флясу прибывает «негласный агент № 18» Александр Вышрицкий. Главным управлением Генштаба ему предписано собирать сведения о персидских войсках, расположенных в Сейстане и в Южной Персии, об афганских частях, развернутых в Западном Афганистане, а также об англо-индийских силах, находящихся в Белжустане.

Негласные военные агенты из числа офицеров действуют не только под прикрытием консульских, вице-консульских или секретарских должностей. Используются и другие должности, например, заведующих или наблюдающих за консульскими конвоями.

В 1912 году руководитель военного ведомства Российской империи получил доклад о состоянии военной разведки в Турции. В нем обращалось внимание на то, что в Западном Азербайджане у нас отсутствуют разведывательные органы. А ведь это было весьма важное операционное направление в обход левого фланга стратегического развертывания Кавказской армии.

Разведчики предлагали использовать опыт капитана Равиля Сыртланова, который в 1908–1909 годах был командирован в Западный Китай и работал под прикрытием должности наблюдающего за консульскими конвоями. Тут же они выдвигали кандидатуру полковника Дмитрия Андриевского, который «по своим служебным и личным качествам вполне отвечает этому назначению».

Действительно Дмитрий Иванович подходил для сложной и ответственной разведработы. За спиной у него был солидный армейский опыт. Он окончил кадетский корпус, Первое военное Павловское училище, Академию Генерального штаба. Командовал ротой, батальоном. Перед назначением негласным военным агентом исполнял должность старшего адъютанта штаба Кавказского военного округа.

Полковник Андриевский оправдал надежды своего руководства.

Оценивая его деятельность в 1913 году, вышестоящие начальники отмечали, что «представляемые названным офицером сведения отличаются полнотой, вполне рисуют общее положение дел в персидско-турецкой спорной полосе и характеризуют отношение местного населения к России, Турции и Персии. Кроме того, в течение истекшего года, полковником Андриевским произведен ряд разведок путей, главным образом малоисследованных...»

Устанавливал Дмитрий Иванович и полезные связи. В том же заключении говорится, что он с помощью сотрудника турецкого консульства в Урумийе, добыл важные документы о деятельности этого консульства.

«В общем, необходимо признать, — говорилось в итоге, — деятельность полковника Андриевского по сбору сведений в порученном ему наблюдению районе Турции и Персии весьма продуктивной».

Кроме офицеров, переименованных в дипломатические должности, в качестве негласных военных агентов выступали также служащие различных российских учреждений за рубежом.

На Дальнем Востоке с 1902 года успешно работала агентурная пара драгомана Генконсульства в Харбине Михаила Попова и коммерческого агента на Китайско-Восточной железной дороге Ладыгина. Они возглавляли нелегальную сеть, состоящую из восьми агентов. В ее состав входили чиновники из министерства внутренних дел в Пекине, в монгольском бюро в Мукдене, начальник топографического отдела при управлении вице-короля в Маньчжурии, а также агенты-вербовщики.

Агентура Попова — Ладыгина была укомплектована китайцами и монголами. Она давала «весьма обстоятельные сведения о дислокации, численности и новых формированиях войск; сведения о мероприятиях и административных распоряжениях китайского правительства».

Нередко тайными военными агентами были и сотрудники Министерства иностранных дел.

В Корею и Маньчжурию в интересах наших разведорганов согласился действовать вице-консул в Янцзыфу Виктор Надаров. Правда, особых успехов на этом поприще он не добился. Обер-квартирмейстер генерал-майор Аверьянов так характеризует его в одном из документов: «Негласный агент Надаров, кроме нескольких телеграфных сообщений несущественного характера, сведений в 1912 году не доставлял». Поэтому в ГУГШ было принято решение не позднее 1915 года упразднить вице-консульство в Янцзыфу, так как пользы военному ведомству оно не приносило, а расходы на его содержание были весьма значительны.

Примерно также ни шатко ни валко работал в Китае негласный агент Брей. В одном из приказов по Главному управлению говорилось, что «сведения, доставляемые этим агентом, не имеют особенного интереса».

Совсем иные отзывы были о работе негласного военного агента, сотрудника Генконсульства в Бомбее Михаила Андреева. Капитан Генерального штаба Николай Половцев, знакомый с деятельностью Андреева в Индии, писал: «Является желательным отступить от требования иметь офицера при консульстве. Выгодно сохранить на этой должности М.С. Андреева, который хорошо освоился с предстоящей ему деятельностью, в совершенстве умеет общаться с туземцами и усыпил бдительность англичан, которая неминуемо вспыхнет при появлении нового лица в консульстве».

Половцев неспроста ратовал за Андреева. Михаил Степанович был не только высокопрофессиональным военным разведчиком, но ученым, языковедом, этнографом. Всю жизнь изучал восточные языки, собирал лингвистические и этнографические материалы.

В 1909 году в докладе ГУГШ говорилось, что Андреев, через «туземных» агентов добыл 65 донесений по Индии и 32 донесения по Афганистану». Так, в донесениях, касающихся Индии, рассказывалось об устройстве вооруженных сил этой страны, успехах техники, состоянии материального обеспечения, боевой готовности, военного воздухоплавания.

Интересно отметить, что в период между двумя войнами в агентурной разведке появляются новые люди, а точнее, офицеры Отдельного корпуса жандармов.

В 1911 году в Западной Европе создается первая агентурная организация, которая получает порядковый номер 30. Ее возглавляет жандармский полковник Владимир Лавров. Он увольняется со службы и переезжает во Францию как частное лицо.

Владимир Иванович Лавров родился в Санкт-Петербурге в небогатой дворянской семье. Окончил 2-е военное Константиновское училище, получает чин хорунжего. Его направляют в Забайкалье, в полк казачьего войска. Служит он достойно и, став казачьим сотником, собирается поступать в Петербургскую военно-юридическую академию. Успешно сдает экзамены, но его не принимают за неимением вакансий. Вот тогда у Лаврова и созревает решение — перейти на службу в Отдельный корпус жандармов.

В ноябре 1895 года Владимир Николаевич прибывает в столицу, в штаб корпуса для прохождения испытаний. Однако стать жандармским офицером не просто. Условия были строгие — потомственное дворянство,

окончание военного училища по первому разряду, не иметь долгов, прослужить в строю не менее шести лет и не быть католиком. К счастью, по всем этим требованиям Лавров подходил для службы в корпусе. Его приняли, и после окончания специальных курсов, новоиспеченного жандармского офицера посылают в Тифлис.

Здесь он успешно движется по служебной лестнице: становится адъютантом Тифлисского жандармского управления, помощником начальника Кутаисского, позже Тифлисского управления. Возглавляет розыскное отделение.

С 1903 года ротмистр Владимир Лавров находится в распоряжении начальника Главного штаба и назначается руководителем и создателем первого разведочного отделения.

Семь лет возглавляет это тайное подразделение Лавров. За эти годы отделение крепко становится на ноги, обретает опыт.

В августе 1910 года полковник сдает дела своему преемнику и уходит в запас. На следующий год он уезжает во Францию, где разворачивает первую агентурную организацию.

Агенты Лаврова располагаются во Франкфурте-на-Майне, в Мюнхене, в Лейпциге, в Дрездене. Они ведут разведку Германии как вероятного противника России.

В работе были свои сложности. Руководство агентурной сетью — это постоянное нервное напряжение, которое приводит к обострению болезни Владимира Николаевича. Он страдает чахоткой, но заменить его некому.

Военный агент во Франции Алексей Игнатьев, который поддерживает связь с Лавровым, сообщает в Петербург: «Хорошо, что он остается, так как для дела трудно найти более ценного человека».

Поскольку на Востоке действуют несколько негласных агентов и работает пять агентурных организаций, а на Западе только одна «лавровская», ГУГШ решает «организовать собственную разведку в Австро-Венгрии, на тех же основаниях, кои осуществлены в отношении разведки в Западной Германии и оказались на опыте целесообразными».

Организации присвоен номер 31, и возглавить ее должен отставной полковник Отдельного корпуса жандармов Михаил фон Котен. Ему предстояло поселиться, как частному лицу в Швейцарии.

Михаил Фридрихович также был армейским офицером. Окончил военное училище, Академию Генерального штаба. Служил в артиллерии. С 1903 года — в Отдельном корпусе жандармов. Находился в распоряжении Санкт-Петербургского градоначальника, руководил отделением по охране общественной безопасности и порядка в Москве, потом в Санкт-

Петербурге.

В начале 1914 года Михаил Фридрихович назначается отделом генерал-квартирмейстера ГУГШ руководителем организации № 31. Однако фон Котену не повезло. В Австро-Венгрии был арестован бывший австрийский офицер Рудольф Поляк, прежде работавший на русскую разведку. А он как раз и направлялся к Котену для деятельности в составе его агентурной сети.

Швейцарские власти арестовали полковника фон Котена, обвинили его в шпионаже. Таким образом, деятельность агентурной организации № 31 была пресечена, по сути, до начала ее работы.

Таковы итоги деятельности негласных военных агентов под прикрытием различных должностей в консульствах, государственных и негосударственных учреждений за рубежом, а также под видом частных лиц, проживающих за границей в период между двумя войнами.

Однако это лишь одно из направлений «крышевой» разведки. Другие будут рассмотрены в следующих главах книги.

Под видом «саратовского помещика»

Важнейшей составляющей деятельности русской военной разведки под прикрытием, являлись заграничные поездки с разведывательными целями. Но если раньше, еще четверть века назад, львиную долю таких командировок составляли военно-научные экспедиции, военно-дипломатические миссии, рекогносцировки, то теперь офицеры направлялись за рубеж для изучения и совершенствования знаний иностранных языков, под видом отпусков, для посещения родственников, в туристические поездки, на охоту, на маневры иностранных войск.

Случались, конечно, редкие экспедиции, которые снаряжались, например, по приказу начальника Генерального штаба. Именно так произошло весной 1906 года, когда полковник Карл Густав Маннергейм, вернувшись с войны, получил приказ «совершить поездки из русского Туркестана через Западный Китай... вплоть до Пекина».

Начальник Генерального штаба Федор Палицын так объяснял цель разведэкспедиции полковнику Маннергейму: «Китайские реформы превратили Поднебесную в опасный фактор силы. Вам предстоит совершить строго секретную поездку из Ташкента в Западный Китай, провинции Ганьсу, Шэнси. Продумайте маршрут и согласуйте его с Васильевым».

Маннергейму предстояло составить карты дорог, по которым он будет следовать, оценить их военное значение, подготовить доклад о населении, природных богатствах, изучить настроения малых народностей, проживающих на северо-западе страны.

Разумеется, принадлежность полковника сохранялась в тайне. Он выдавал себя за шведского подданного, который участвует в научной экспедиции французов под руководством Поля Пеллио. Для конспирации письма Карла Густава переправлялись в Россию через Швецию.

Будущий маршал Финляндии успешно справился с поставленной задачей. Он проехал 14 000 километров, нанес на карту многие пути и дороги, составил планы двух десятков китайских городов, где стояли войска, привез в Петербург 2 тысячи древних китайских манускриптов, более 1300 фотоснимков и дневниковых записей.

Итогами азиатской разведэкспедиции остались довольны и Генштаб, и Русское географическое общество.

Однако подобные длительные экспедиции практиковались все реже и

реже. Военному ведомству нужен был результат скорый и точный, ориентированный на сугубо боевые и военно-технические вопросы. А это означало, что нужны иные формы и методы добывания развединформации.

В командировки за рубеж выезжали в первую очередь опытные сотрудники центрального разведывательного аппарата ГУГШ, а также разведотделений штабов военных округов. Связано это было с тем, что офицеры, которых направляли за границу Главное инженерное и Главное артиллерийское управления, не имея опыта разведработы, нередко попадали в сложные ситуации. Их обвиняли «в излишней любознательности», а порою и в шпионаже.

Так случилось, например, с делопроизводителем-артиллеристом капитаном Костевичем, который знакомился с деятельностью германских оборонных заводов, был арестован и осужден. Пришлось вмешаться лично императору и обменять Костевича на такого же незадачливого германского шпиона.

Именно поэтому в 1911 году в Австро-Венгрию командировали делопроизводителя Главного управления Генштаба полковника Александра Самойло и его помощника капитана Сергея Маркова.

Окончив Академию Генерального штаба, они служили в составе разведотделений округов, потом в ГУГШ. Самойло к тому же хорошо знал Австро-Венгрию, поскольку бывал здесь в разведкомандировках в 1903 году.

Сергей Марков проходил службу в должности помощника старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа. Позже был назначен в Петербург, в Главное управление Генштаба.

В это же время в Германию выехал еще один помощник делопроизводителя ГУГШ подполковник Николай Раша.

Позже в своей книге «Две жизни» Александр Самойло будет вспоминать, что загранкомандировки «носили двоякий характер: одни вызывались официальными приглашениями соседних правительств (главным образом во Францию) на условиях взаимности, другие были негласными..., даже по чужим паспортам».

Вот под таким «чужим паспортом» Самойло и совершал поездки не только во Францию, Австро-Венгрию, но и в Германию, в Англию. В путешествии по Британским островам он выдавал себя за историка, который пишет монографию о жизни Марии Стюарт.

В этих поездках Александр Александрович встречался со своими тайными агентами, а также изучал театр военных действий, боевую подготовку армий вероятных противников.

«В случае обнаружения подлога, — пишет полковник Самойло, — негласные командировки грозили, конечно, большими неприятностями не только для меня лично, но и для наших министерств — военного и иностранных дел. Успех здесь зависел от моей предосторожности, предусмотрительности, ловкости».

Иногда случалось и по-другому. В 1911 году русский военный агент в Германии запросил разрешение в прусском военном министерстве для подполковника Раша присутствовать на военных маневрах. Германское ведомство согласилось, но поставило условие допустить прусского офицера на русские учения. Агент отозвал свою просьбу, сославшись на то, что Раша болен и не сможет приехать. Каково же было удивление немцев, когда они обнаружили, что больной Раша под чужим именем въехал в Германию и присутствовал на учениях 23-й дивизии в Парне. Более того, разоблаченный немецкой полицией, он еще находился некоторое время в качестве гостя русского военного агента.

Наряду с выездами офицеров ГУГШ за границу направлялись лучшие выпускники Академии Генерального штаба. Как правило, длительность таких командировок была ограничена одним годом. В 1906 году во Францию отправились два «академика» — капитаны Николай Половцев и Алексей Игнатъев. Начальник Генерального штаба Федор Палицын поставил перед ними конкретную задачу: изучить организацию, силы и средства связи французской армии. Генерал считал, что одной из причин поражения русской армии в войне 1904–1905 годов была «плохая организация связи».

Кроме годовых поездок для выпускников академии организовывались стажировки офицеров в союзных французских войсках, командировки с целью изучения военно-технических вопросов. В иные годы количество командированных русских офицеров исчислялось несколькими десятками.

На восточном направлении тоже старались отправить офицеров за границу. Правда, здесь все обстояло значительно сложнее. В 1907 году два представителя России убыли в Китай и Японию. Однако до войск их так и не допустили. Пришлось ограничиться совершенствованием языка.

Стажировались за рубежом и слушатели старших курсов Восточного института во Владивостоке, а также офицеры курса восточных языков при Министерстве иностранных дел.

Однако самой популярной формой разведработы после Русско-японской войны 1904–1905 годов стали как официальные, так и тайные поездки офицеров на маневры иностранных войск. Правда, были они весьма хаотичными и бесплановыми. Выезжали на учения как офицеры из

центра, так и из округов. Отмашку давал, как правило, военный агент. Он сообщал о предстоящих маневрах в стране пребывания. После этого готовились списки командированных, которые проходили утверждение на высоком уровне.

Особое внимание уделялось, прежде всего, учениям вероятных противников — Германии и Австро-Венгрии. Сюда выезды были обязательными, привлекались офицеры всех уровней военной разведки — ГУГШ, округов, а также командированные под любым предлогом — от личных отпусков до курсов совершенствования иностранного языка.

Сложность была в следующем — по дипломатическому протоколу на маневры приглашалось, как правило, один-два иностранных представителя. Автоматически одно из мест доставалось военному агенту, другое — офицеру Главного управления Генштаба. Остальные должны были ехать «частным образом, подлинную ответственность». А желающих порою набиралось до 7–8 человек. Разведчиков можно было понять: хотелось к каждой дивизии приставить по нашему человеку. Таким образом, количество «соглядатаев» на маневрах постоянно увеличивалось. В 1907 году в Германию и Австро-Венгрию прибыло четыре офицера Генерального штаба, а в следующем 1908-м уже восемь. Тут были представители ГУГШ, Виленского, Варшавского, Киевского округов, а также командированный в Кассель для изучения языка. Старались послать офицеров под разными прикрытиями: корреспондентов военных газет, а то и просто под видом «саратовского помещика на отдыхе».

Летом 1908 года военный агент в Берлине Александр Михельсон сообщал в ГУГШ: «Полагалось бы в последнем случае, т. е. если разрешение не будет получено, не ограничиваться пятью, а можно послать и больше, желательно было бы послать семь; по одному на каждые из шести дивизий и одного для связи... Желательно командировать на эти маневры несколько офицеров из Виленского и Варшавского военных округов. Если они будут осторожно записывать, то даже если их узнают, едва ли их постигнут большие неприятности».

Словом, концентрация офицеров разведки на маневрах войск Германии и Австро-Венгрии неуклонно росла.

Впрочем, все это видела и понимала контрразведка в названных странах. Наши противники тоже хотели побывать на маневрах русской армии. Тот же Михельсон быстро выяснил, кого хотят прислать к нам немцы. «Полковник Лауэнштайн личность у нас хорошо известная, — писал Александр Александрович, — он долгое время был у нас военным агентом в Петербурге, а затем сделал в штабе генерала Куропаткина

Маньчжурский поход Русско-японской войны... Это человек умный, спокойный, честлюбивый, хитрый, ловко принаравливается к своему собеседнику, чтобы разузнать у него побольше. Сам проговаривается очень редко, ловко и быстро, понимая замаскированный смысл поставленного ему вопроса. Говорит очень хорошо по-русски...»

Именно поэтому делопроизводитель 1-го обер-квартирмейстера Главного управления Генштаба Николай Монкевиц в своем рапорте доложил: «Приглашение на наши маневры офицеров германской армии признается ныне нежелательным...»

Коллега Монкевица, Оскар Энкель высказался еще определеннее: «Допущение поименованных германских офицеров на маневры наших войск в настоящее время... представляется не только нежелательным, но и опасным».

Оба разведчика в своих докладах называют одну причину: наша армия находится накануне реорганизации и сильно уступает войскам первоклассных западно-европейских государств.

К мнению своих офицеров прислушался Российский император и принял верное решение: приглашение германских офицеров на наши маневры отклонить.

Дабы не раздражать немцев на германских маневрах 1909 года присутствовал только военный агент Михельсон.

Впрочем, и само отношение русской военной разведки к поездкам офицеров на учения к тому времени изменилось. Во многом этому способствовало мнение разведотделения Киевского военного округа. Нельзя сказать, что офицеры киевского разведоргана отказывались бывать на учениях вероятного противника, но имели на этот счет свое, отличное от других суждение.

Главным «закоперщиком» выступал руководитель окружной разведки полковник Александр Самойло. Он считал, что наблюдение за маневрами австро-венгерской армии не дает существенных результатов, т. к. австрийские власти неусыпно следят за каждым русским офицером. Надо сказать, что к мнению своих подчиненных Главное управление Генштаба прислушивалось и внимательно реагировало на их критические замечания. К тому же как Самойло, так и его последователь на посту начальника разведки округа полковник Михаил Галкин опирались на реальные факты. Так Михаил Сергеевич говорил, что «русских офицеров в Австрии задерживают и притом без всяких причин».

Есть более безопасные и эффективные способы добывания развединформации, чем командирование на учения, считал он. Среди таких

способов полковник называл сведения в прессе, «и притом, весьма обстоятельные», а также «один из агентов штаба округа обязался доставить поздней осенью копию отчета о маневрах из бюро генерального штаба в Вене».

Верность суждений Галкина вскоре подтвердила жизнь. В Германии был арестован капитан Виленского военного округа В. Дрейер, прибывший на учения. За ним вела слежку сыскная полиция, а после задержания капитана обвинили в том, что он выдает себя за другого. Действительно, в гостинице Дрейер вначале зарегистрировался как учитель, а потом сам вписал слово «капитан». К счастью, при нем не было обнаружено компрометирующих документов, и незадачливого разведчика отпустили.

Ситуация оказалась неприятной вдвойне. Советник тайной полиции, допрашивавший Дрейера, признался, что им известны все, кто приехал на маневры.

Это был болезненный, но полезный урок для русской военной разведки. Николай Монкевиц направил в округа циркуляр, в котором обращал внимание подчиненных на более вдумчивую работу в поездках за границу: «Процессы по шпионским делам последнего времени ясно показывали, насколько внимательно наши соседи следят за всеми приезжающими иностранцами, особенно офицерами. Таким образом, сбор различных военных сведений в настоящее время затрудняется еще более, а потому подбор лиц, командруемых за границу, должен проводиться особенно тщательно. В такой же мере внимательно следовало избирать и офицеров, командруемых на маневры иностранных армий».

О чем желает предупредить своих коллег и подчиненных Монкевиц? Да только о том, что обстановка для разведработы ухудшается. И процессы по шпионским делам последнего времени это тревожный звонок: вероятные противники не желают пускать к себе нежелательных гостей.

Конечно же, русская военная разведка не собиралась свертывать вовсе командировки своих офицеров на учения, однако и расширение этой деятельности не планировалось.

Разумеется, были еще поездки на маневры во Францию, однако они не носили ярко выраженного разведывательного характера. Ведь Париж оставался союзником Российской империи.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что заграничные поездки с разведывательными целями под различными прикрытиями сыграли свою положительную роль и внесли определенную лепту в деятельность русской военной разведки между двумя войнами.

«Агентурной сети не имеет...»

Летом 1906 года начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Федор Палицын направил в военные округа распоряжение. Он требовал «для правильной постановки организации негласной разведки сопредельных с нами государств... образовать из наличного состава офицеров Генерального штаба особое «Разведывательное отделение», независимое от отчетного». Это означало, что в Генштабе начали извлекать уроки из трагических событий Русско-японской войны.

Кроме приказа о создании особого разведывательного отделения, генерал Палицын обращал внимание «на выбор и подготовку лиц, не принадлежащих к составу армии, которые могли бы во время военных действий быть разведчиками, как на неприятельской территории, так и в наших пределах».

Указывал начальник Генштаба и на то, чтобы офицеры этого разведотделения владели иностранными языками и служили в нем не менее двух-трех лет.

Требования Палицына были своевременные и грамотные, но дело постановки негласной разведки в округах оказалось трудоемким, сложным и затянулось на годы. Ведь разведывательные отделения хоть и назывались особыми, открывались не за счет новых штатных должностей, а выделялись из состава отчетных подразделений, да и финансирование оставалось на прежнем уровне.

В те годы военные округа Российской империи условно подразделялись на западные (Петербургский, Виленский, Варшавский, Киевский, Одесский), ближневосточные и средневосточные (Кавказский, Туркестанский) и дальневосточные (Приморский, Иркутский, Омский). Штабу каждого из них были определены свои зоны разведответственности.

Через восемь месяцев, в феврале 1907 года начальник штаба Петербургского военного округа сообщал в Генштаб, что на разведку Дании, Англии и, в особенности, Швеции и Норвегии «до сего времени не отпущено никаких средств».

Ему вторил коллега из Виленского округа, который считал, что на организацию тайной агентуры вероятно потребуется несколько лет.

В 1909 году начштаба Варшавского округа признавался в докладе в Петербург о том, что «у нас до настоящего времени нет правильно организованной сети шпионов... на территории наших соседей».

Несколько лучше дело обстояло в штабах Киевского и Одесского военных округов.

Что же касается ближневосточного и средневосточного направления, то историк К. Звонарев в своей работе «Агентурная разведка», приводит оценку организации разведки Главным управлением Генштаба. «К сожалению, — пишут генштабисты, — действительные результаты двадцатилетней разведывательной деятельности Кавказского военного округа, а равно современное состояние его разведки далеко не соответствуют... идеалу».

Примерно такая же оценка звучит в докладе ГУГШ в 1909 году и разведдеятельности штабов Дальневосточных округов.

Так что, считай, повсеместно окружные разведотделения начинали работу по созданию тайной разведки практически с нуля.

Надо признать, во многом ее постановка зависела от индивидуальных качеств, профессионализма и энтузиазма офицеров, назначенных во главе разведотделений. Как раз таким энтузиастом и был старший адъютант штаба Варшавского военного округа Николай Батюшин. Он прибыл к месту службы в Варшаву в 1903 году. С началом Русско-японской войны был назначен во 2-ю Маньчжурскую армию. С окончанием боевых действий вновь возвратился в Варшавский округ, старшим адъютантом разведывательного отделения.

Он сумел наладить агентурную разведку. В 1913 году эта работа оценивалась ГУГШ как «целесообразная и значительная».

Остались в истории и оценки наших противников. Начальник разведывательной службы германского Генштаба Вальтер Николаи в книге «Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время мировой войны и в настоящее время» отзывается о Батюшине как о деятельном и успешно работающем руководителе разведотделения.

Надо сказать, что Варшавскому округу приходилось вести разведку в постоянном противостоянии спецслужб Германии и Австро-Венгрии. Это признавало и Главное управление Генштаба. В докладной записке генерал-квартирмейстер указывал, что штаб округа, «осуществляя свою разведку в 1912 году при чрезвычайно тяжелых условиях, созданных австрийской контрразведкой... неоднократно нес чувствительные потери в людях. Тем не менее, к концу года он располагал значительной агентурной сетью...»

И генерал называет весьма внушительные силы, находившиеся под командой полковника Батюшина: 18 агентов-резидентов в Галиции и 13 агентов-резидентов — в Пруссии.

Достаточно активно работал и старший адъютант разведывательного

отделения штаба Киевского военного округа Александр Самойло. У него на связи был легендарный агент № 25, долгие годы поставлявший нашей разведке особо ценную информацию.

Никто не знал ни фамилии, ни имени этого человека. Военный агент в Вене полковник Владимир Рооп, который начинал работать с «двадцать пятым», знал, что тот является высокопоставленным офицером австрийского Генштаба. Однако все отношения с особо ценным агентом строились через посредника.

Рооп в свое время передал агента Самойло. Однако от личной встречи австрийский офицер-генштабисг отказался. Тем не менее ценные данные поставлял, за что и получал солидное вознаграждение.

Когда в мае 1913 года в Вене покончил жизнь самоубийством полковник Генштаба Австро-Венгрии Альфред Редль, который, как известно, работал на нашу разведку, появились подозрения, якобы он и есть агент № 25. Однако это было не так. Первый руководитель «двадцать пятого» Владимир Рооп доказывал, что его агент не имеет ничего общего с Редлем.

Полковник Александр Самойло, накануне Первой мировой войны, уже будучи делопроизводителем ГУГШ, решил добиться ясности в этом вопросе. Как он это сделал, Александр Александрович описывает в своей книге «Две жизни». «Попытался связаться по обычному адресу с Веней, получил ответ, был вызван на свидание в Берн, ездил на это свидание и даже достал последние интересовавшие нас сведения». И надо подчеркнуть, что эти сведения полковник получил спустя год после смерти Редля.

В отличие от западных округов, штаб Кавказского военного округа имел свои зарубежные силы — негласных военных агентов под прикрытием консульских и вице-консульских должностей в Турции.

Разведка Персии возлагалась на заведующего обучением Персидской кавалерии офицера Генштаба и нескольких его помощников, работавших инструкторами. Их деятельность мы уже рассматривали в одной из предыдущих глав.

Зимой 1907–1908 года штаб Кавказского округа неожиданно поднял тревогу в высших военных кругах Петербурга. На стол начальника Генштаба легло сообщение о том, что Турция готовит нападение на Российскую империю.

Обер-квартирмейстеры и их подчиненные были вынуждены срочно провести анализ обстановки и убедиться, что «туркестанцы», к счастью, ошиблись. Ошибка эта не прошла даром. В докладе на имя начальника

Генштаба говорилось о «безотлагательной реорганизации всего разведывательного дела в Азиатской Турции».

Предпринятые меры дали свои результаты, и уже через несколько лет, в 1913 году, работа штаба Кавказского военного округа по развертыванию разведки была признана ГУГШ «вполне продуктивной в качественном и в количественном отношении».

А вот история с постановкой разведдеятельности штабом Туркестанского военного округа является ярчайшим подтверждением роли личности в этом не простом деле. Капитан Генерального штаба Александр Муханов был убежденным сторонником развертывания тайной агентуры на твердой основе. В 1907 году нештатно исполняя должность старшего адъютанта разведывательного отделения, он выдвинул весьма перспективную идею — открыть представительства русских торговых фирм в Индии и использовать их как «крышу» для ведения разведки. Александр Владимирович изучил, на какие наши товары будет спрос в этой стране. Оказалось, русский ситец пользуется большой популярностью в Индии.

Соавтором идеи можно считать чиновника канцелярии генерал-губернатора Михаила Андреева, который служил в консульстве в Бомбее. Он много рассказывал капитану об Индии.

Суть предложения была такова: Андреев работает в консульстве Бомбея, а Муханов выдает себя за представителя торговой фирмы, с образцами товаров которой он выезжает в Лагор, а потом и в приграничные районы.

«Пребывание мое в Индии, — писал Александр Владимирович, — позволит мне подготовить к дальнейшему развитию нашу сеть, так как с расширением дела можно было открыть отделения представительства в Сринагаре, Пешеваре и Кветте».

Что и говорить, планы были далеко идущие. Андреев действительно уехал в Бомбей и активно сотрудничал с военной разведкой. А вот Муханову не удалось исполнить свои задумки. Его назначили на другую должность, а сменщик, к сожалению, не стал энтузиастом разведслужбы, и идеи Александра Владимировича не осуществил.

В 1909 году генерал-квартирмейстер Туркестанского округа докладывал начальнику штаба: «...Трудное дело изучения сопредельных стран, требующее большого времени и продолжительного пребывания офицера в округе, оставляет желать многого. Еще более вредно отзывается на деле разведки частая смена лиц, стоящих во главе разведывательного отделения».

Эти внутренние проблемы и трудности усугублялись сложностями внешнего порядка. Тот же генерал-квартирмейстер Туркестанского округа указывал, что при организации разведки «совершенно закрытая для европейцев в настоящее время афганская граница с каждым годом становится все более и более трудно проходимой и для туземцев... Всякий бухарец, переходящий границу, будь-то торговец или простой туземец, идущий на богомолье (хадж), подвергается на афганской границе тщательным испытаниям. Записывается его фамилия, все приметы, ремесло, откуда, куда и зачем идет, приблизительное время возвращения... Если бухарец навлек на себя хотя бы малейшее подозрение, то подвергается не только расспросам, но и пыткам...»

Так что с полным основанием можно констатировать, что разведдеятельность штабов Кавказского и Туркестанского округов в этот период была недостаточно эффективной.

Что же касается организации разведки дальневосточных округов — Приамурского, Иркутского и Омского, то она страдала теми же «болезнями», что и западные и ближневосточные направления.

Сразу же после Русско-японской войны 1904–1905 годов штабу Приамурского военного округа было дано строгое указание: немедленно приступить к организации сети тайных агентств на местах.

Казалось бы, штабу есть на кого опираться в этой работе: в подчинении у него были военные агенты, военные комиссары, погранстража Заамурского округа, иностранные служащие в торговых фирмах Японии, Китая, Кореи. Разведсведения планировалось добывать и из местной прессы.

Однако на деле вышло все иначе. Военные агенты в Китае и Японии округам не подчинялись. Военные комиссары завершили свою работу в 1907 году, до момента эвакуации русских войск. Не удалось развернуть сеть тайных агентов из числа иностранцев. И как результат, в конце 1909 года в докладе ГУГШ указывалось: «Агентурной сети в Маньчжурии штаб округа не имеет вовсе».

Отрицательную оценку своей разведдеятельности получил в том же 1909 году и штаб Иркутского военного округа.

Разведотделение Омского военного округа в 1911 году «значительную часть работы по сбору сведений сводило главным образом к сбору материалов из газет и сводке сведений, получаемых от наших агентов и начальников консульских конвоев». Тайные агенты, возглавлявшие консульские конвои, находились в Урумчи, Кобдо, Улясутае, Шара-Сумэ. И опять-таки эффективность их работы напрямую зависела от личных

качеств офицеров. В одном из документов отмечалось, что нередко на эти должности назначались люди «без специальной подготовки и, по-видимому; не имеющие никакого желания работать по разведке».

Таково было истинное положение дел с организацией разведслужбы штабами округов и их разведорганами в период между двумя войнами — Русско-японской 1904–1905 годов и Первой мировой.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Ныне Господь нам послал испытание...»

28 июня 1914 года член сербской националистической организации «Млада Босна» Таврило Принцип совершил покушение на наследника австрийского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Сараевское убийство стало удобным предлогом для Австро-Венгрии, чтобы начать войну против Сербии.

Союзник Вены немецкий кайзер Вильгельм II, получив письмо своего посла в Австро-Венгрии, наложил на нем однозначную резолюцию: «С сербами надо покончить, и именно сейчас».

Однако в Вене не все имели столь однозначную позицию. Министр иностранных дел граф Бертольд и начальник Генерального штаба решительно выступали за войну, а премьер-министр Венгрии граф Тисса был против. Сам престарелый император Франц-Иосиф также не торопился принимать окончательное решение.

Откровенно говоря, мало кто верил летом 1914 года в начало войны. Странно читать документы той поры: мир стоит на пороге одной из самых кровавых войн человечества, а российский посол в Вене Шебеко сообщает в Петербург: «...Австро-Венгерское правительство не намеренно предъявлять сербскому правительству никаких требований, несовместимых с достоинством соседнего государства».

Ему вторит русский военный агент в Вене полковник Александр Винекен в своем докладе в Огенквар «...Кончина Франца-Фердинанда является фактором скорее в пользу мира».

Подобное мнение о том, что «австро-венгерское правительство... не предпримет никаких репрессий против Сербии» высказывал и посол Российской империи в Берлине С. Свербеев.

Были, правда, и вполне реалистичные оценки обстановки. О конкретных шагах Австро-Венгрии по подготовке к войне сообщал штаб Киевского военного округа, получивший эти данные от своего агента в Вене.

Усиление военной угрозы отмечали наши послы в Белграде и в Лондоне. Тем не менее в Генеральном штабе верх брали совсем иные настроения. Позже в своей книге «Россия в Первой мировой войне 1914–1915 гг.» генерал квартирмейстер Генштаба генерал-майор Юрий Данилов будет вспоминать, что в середине июля его командировали в очередную полевую поездку на Кавказ.

«Предположение о возможности серьезного обострения конфликта, создавшегося сараевским событием, — напишет он, — казалось у нас в России... маловероятным».

Перед отъездом, Данилов обратился к начальнику Генштаба и просил отменить поездку «в виду все же несколько сгустившейся политической обстановки, но генерал Янушкевич не нашел для такой отмены достаточных оснований».

В этот период, вместо того чтобы находиться на своих боевых постах и усиливать разведработу, были уволены в отпуск военные агенты в Бельгии и Нидерландах (полковник Сергей Потоцкий), в Швейцарии (полковник Дмитрий Ромейко-Гурко), в Греции (полковник Павел Гудим-Левкович), в Сербии (полковник Виктор Артамонов). Из Берлина в связи с обвинениями в шпионской деятельности отозван полковник Павел Базаров, который находился здесь с 1911 года и работал весьма активно. Покинул Париж и полковник Алексей Игнатъев. Президент Франции Раймонд Пуанкаре следовал с визитом в Россию, и по протоколу Алексей Алексеевич выехал в Петербург.

В известной книге «50 лет в строю» свой отъезд накануне войны он объяснит следующим образом: «Мнение... о том, что «все устроится», как нельзя лучше характеризовало ту политическую атмосферу; которая создалась в Европе после сараевского инцидента».

Что ж, если в скорое наступление войны не верили дипломаты, руководители Генштаба, военные разведчики, то обо всех остальных и говорить не приходится.

Однако наступило 1 августа 1914 года. В начале седьмого вечера германский посол граф Пурталес приехал в Министерство иностранных дел и вручил главе МИДа С. Сазонову ноту, в которой говорилось, что «его Величество император от имени империи... считает себя в состоянии войны с Россией».

Так весьма просто и буднично началась величайшая война XX века, унесшая миллионы жизней.

У войны, однако, свои законы. И тут на первое место выдвигается разведка, требования к которой возрастают многократно. А чем, собственно, располагал наш Генштаб в вопросах стратегической разведки летом 1914 года? Силы его были невелики и состояли из русских военных агентов за рубежом.

Следует сразу сказать, что все дипломатические представители Российской империи, включая и военных агентов, оказались высланными из Германии и Австро-Венгрии.

1 августа 1914 года сразу после объявления войны Главное управление Генштаба отправило военным агентам строгое указание: «во что бы то ни стало, не жалея средств, выяснить... направление движения группы центральных германских корпусов». За эти данные предлагалось выплатить большую сумму в 20 тысяч рублей. Однако достать такую суперинформацию в условиях начинающейся войны было очень сложно. Планы стратегического развертывания германских войск следовало добывать в предвоенные годы. Нельзя сказать, что таких попыток не предпринималось. Более того, поступали предложения по их продаже, но всякий раз они отклонялись: то ли не сходились в цене разведка и агент, то ли возникали сомнения в подлинности документов, а то и вовсе появлялись подозрения, что «продавец» является сотрудником вражеской контрразведки и желает подсунуть Генштабу очередную фальшивку. В общем, так или иначе, но время оказалось упущенным, и теперь ГУГШ готово было пойти на все, лишь бы завладеть разведданными о германских корпусах.

Забегая вперед, скажу, эту важнейшую задачу получили многие, но выполнить ее удалось лишь одному. Имя этого военного агента полковник Оскар Энкель.

Оскар Карлович родился в Финляндии в семье генерала от инфантерии Энкеля. Окончил кадетский корпус, которым руководил его отец. Служил в Петербурге в лейб-гвардии Семеновском полку. Поступил в Академию Генерального штаба. Однако прервал учебу и уехал на Русско-японскую войну 1904–1905 годов. Служил помощником старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии, старшим адъютантом штаба 13-й пехотной дивизии.

С 1907 года Энкель в Главном управлении Генерального штаба — помощником делопроизводителя. В 1913 году он занимает должность делопроизводителя ГУГШ и, по сути, становится во главе военной разведки.

В начале 1914 года Оскар Карлович направлен в Италию военным агентом. Кстати говоря, в 1917 году он уедет в Финляндию, где будет назначен руководителем береговой обороны, а потом начальником Генерального штаба.

Именно Энкель станет инициатором создания системы фортификационных укреплений на Карельском перешейке, которую позже назовут линией Маннергейма. В 1925 году выйдет книга Оскара

Карловича «Вопросы обороны малых государств», в которой будут разработаны, в том числе и проблемы строительства долговременных

сооружений. Линия Маннергейма дорого обойдется Красной Армии. Она станет ареной ожесточенных, кровопролитных боев в 1940 и в 1944 годах.

Однако это произойдет через тридцать лет, а сейчас в 1914 году полковник русского Генштаба Оскар Энкель получит указание — установить направление движения центральных германских корпусов. Оскар Карлович к тому времени уже опытный офицер, прослуживший в армии почти два десятка лет, участник войны, прекрасно понимал, сколь важны эти разведданные для Генштаба. В то же время трудности и преграды, вставшие на пути, казались непреодолимыми.

Во-первых, Энкелю вовсе не на кого было опереться. Дело в том, что перед началом войны на военной агентуре в Италии не только не лежало каких-либо разведывательных задач в Австрии или Германии, но военному агенту было категорически воспрещено заниматься тайной разведкой. Странное право указание, но это факт. Оскар Карлович ссылается на него в одном из своих отчетов. Стало быть, на начало войны агентуры не было вовсе.

Во-вторых, естественно, время военное, и всякие пассажирские перевозки прекращаются или сокращаются до минимальных, в связи с тем, что железнодорожные пути заняты воинскими эшелонами, доставляющими к линии фронта людские ресурсы, технику, оружие, боеприпасы.

В-третьих, германская и австрийская границы перекрыты и ко всем, их пересекающим, повышенное внимание.

В то же время на добывание разведданных Генеральный штаб дал своим агентам всего неделю: к 7 августа (по новому стилю) следовало передать информацию. Для примера напомним, что скорый поезд тех лет в мирное время двигался из Рима в Берлин и обратно ни много ни мало, а четверо суток.

Однако приказ есть приказ. И его надо выполнять. Особенно в период войны.

Исходя из собственного опыта, полковник Энкель для достижения почти недостижимой цели выделил три направления:

— сузить географию поиска и сосредоточиться на разведке только 12-го и 19-го саксонских, 1-го баварского и 4-го корпусов;

— командировать разведчиков на собственных средствах передвижения — автомобилях, ибо железнодорожный транспорт в условиях войны не стабилен и ненадежен для пассажирских перевозок;

— попытаться послать в Германию максимальное количество агентов, направив их по разным направлениям через Швейцарию и Австрию.

В теории план был несомненно хорош. Но как его осуществить на

практике? Энкель не имел подходящих людей, которым можно поручить такое ответственное задание.

Он обратился за помощью к своему коллеге — представителю военного ведомства Российской империи в Италии. Тот вывел полковника на своего знакомого, человека знающего и любящего Россию — графа Пиоло, который посоветовал обратиться к владельцу одного из римских бюро путешествий.

Оскар Карлович встретился с хозяином бюро и уговорил его срочно выехать в Германию. Путешественник также представил еще двух своих знакомых, которые, по его мнению, согласятся на эту рискованную акцию. Таким образом, практически за одни сутки полковник Энкель подготовил экспедицию из трех агентов.

3 августа посланцы русского военного агента покинули Рим. Один из них следовал по маршруту: Констанца — Мюнхен — Дрезден. Это был австро-венгерский подданный.

Второй двигался на Штутгарт — Нюрнберг — Лейпциг, с подлинными итальянскими документами и удостоверением журналиста и редактора одного из римских журналов.

Сам владелец бюро путешествий с помощником отправились в путь на автомобиле в сторону Мюнхена, далее на Дрезден.

Миссия подданного Австро-Венгрии и журналиста-итальянца провалились. Первого вообще не пустили в Германию, другого развернули у Штудгарта и отправили обратно. «Путешественник» был более удачлив. Перед отъездом из столицы он запасся рекомендательным письмом от советника германского посольства в Риме. И это ему здорово помогло. К утру 7 августа он дал из Дрездена спасительную для русского Генштаба телеграмму. Интересующие их германские корпуса выступили не против России, а перебрасывались к французской границе.

Справедливости ради надо отметить, что подполковник Людвиг Майер, исполняющий обязанности военного агента в Бельгии и Нидерландах, также добыл развединформацию о движении германских корпусов. Правда, сделал он это не через агентуру, как Энкель, а с помощью своего коллеги — французского военного агента. Тот поделился с ним важной информацией, о чем Людвиг Андреевич и сообщил в Петербург.

Подполковник Майер был направлен в Бельгию и Нидерланды с должности помощника делопроизводителя ГУГШ. По образованию он являлся военным инженером, окончил Николаевское инженерное училище. В звании подпоручика получил назначение в 1-й понтонный батальон,

позже служил в саперном батальоне.

Участник Русско-японской войны 1904–1905 годов. После обучения в Академии Генерального штаба был назначен старшим адъютантом штаба 37-й пехотной дивизии, помощником старшего адъютанта штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа.

С 1912 года подполковник Майер в Главном управлении Генерального штаба в должности помощника делопроизводителя.

Находясь в Гааге, Людвиг Андреевич сумел завербовать агента и отправить его в Германию. Тот выполнил задание и выехал в Париж. Оттуда через коллегу Майера полковника Алексея Игнатьева сообщил о дислокации трех немецких корпусов на Западном фронте.

Второй агент сработал так же эффективно, и теперь в распоряжении Майера были данные по развертыванию четырех корпусов на бельгийской границе.

К 1915 году агентурная сеть Майера пополнилась двумя разъездными агентами, которые доставляли ценные сведения с железнодорожных станций Бельгии и Германии, следили за переброской войск противника.

Удалось завербовать и особо ценного источника — офицера Генерального штаба Германии, который служил в центральном управлении, подобном Огенквару. «Нанятое лицо согласно давать детальные ответы на вопросы, которые ему будут ставить», — сообщал Майер. Правда, платить высокопоставленному офицеру пришлось немало, но это стоило того.

Военный агент Людвиг Майер работал в военный период достаточно активно. К лету 1917 года его сеть насчитывала семь агентурных организаций, среди них группы «Сигма», «Гомер», «Каппа», «Агрус», «Гермес», «Альфа», «Бета».

Историк С. Кляцкин в своей работе «Строительство агентурной разведки РККА в период Гражданской войны и военной иностранной интервенции в СССР (1917–1921 гг.)» приводит интересную телеграмму Огенквара, направленную из Петербурга в Гаагу.

«Донесение «Каппы» достоверно и вполне подтвердилось ударом на Ригу и перебросками с нашего южного фронта. Ценны донесения «Гэмера» и вполне удовлетворительны других. Очень желательно, только ускорить получение сведений о перебросках и планах противника, могущих иметь оперативное значение для нашего командования».

Высокую оценку деятельности полковника Людвиг Майера давали не только его непосредственные начальники, но и противники. Вот что писал о нем Вальтер Николаи, руководитель германской военной разведки в книге «Тайные силы. Интернациональный шпионаж и борьба с ним во время

мировой войны и в настоящее время».

«Русская разведывательная организация, — признается выдающийся немецкий разведчик, — была в Голландии гораздо планомернее и опаснее для Германии, чем в Швейцарии, несмотря на то, что она находилась вдали от своего отечества. Она была обязана этим русскому военному атташе в Гааге, полковнику Майеру, лично принимавшему выдающее участие в разведке». Думаю, что здесь комментарии не нужны.

К сожалению, прав Николаи, когда говорит о работе русских разведчиков в Швейцарии. Здесь военным агентом в предвоенное время был полковник Дмитрий Ромейко-Гурко.

Боевой офицер являлся участником похода в Китай в 1900–1901 годах. Воевал в составе 3-й Маньчжурской армии в Русско-японскую войну 1904–1905 годов, был ранен и контужен, за отличие награжден золотым оружием. Служил в должности помощника делопроизводителя ГУГШ. С 1908 года военный агент в Швейцарии.

Когда началась война, Ромейко-Гурко находился в отпуске на Родине. Решался вопрос о его назначении командиром полка. Вместо него в Берн прибыл поручик Прежбяно, назначенный временно исполняющим обязанности военного агента. Не успев войти в обстановку, поручик, далекий от разведки, развернул безграмотную, но бурную деятельность, которая привела к провалу агентурной организации № 31 полковника фон Котена.

Ромейко-Гурко срочно возвратился в Швейцарию, но помочь Котену ничем не мог. А в это время ГУГШ требовало от Дмитрия Иосифовича разведданные по Германии. Но в связи со шпионским скандалом и арестом Котена, Ромейко-Гурко чувствовал себя крайне неуверенно. Он понимал, что в любой момент его могут попросить из страны.

Так, в конечном итоге, и случилось. В середине сентября военный агент Ромейко-Гурко был вынужден покинуть Швейцарию. Однако даже за этот короткий срок Дмитрий Иосифович кое-что успел сделать. Он завербовал двух агентов, первый из которых посетил Вену и привез сведения о дислоцированных там частях. Второй несколько раз выезжал в Германию и доставлял данные о переброске войск на Восточный фронт.

В конце августа Ромейко-Гурко сумел привлечь к работе еще двух агентов. Он отправил их в Германию для наблюдения за передвижением частей через Мюнхен.

Кроме этого полковник получил доступ к данным потерь немецкой армии, а также налаживал разведканал с целью получения данных из Генштаба Швейцарии.

После возвращения на Родину Ромейко-Гурко стал начальником штаба армейского корпуса.

Ему на смену приехал полковник Сергей Головань. Он, памятуя, видимо, о провале своего предшественника, поначалу действовал осторожно и осмотрительно, и практически не вел вербовочной работы. Использовал агентов, которые достались ему от Ромейко-Гурко. Но Главное управление Генштаба постоянно повышало требования к качеству и количеству развединформации, и потому Сергею Александровичу пришлось перестать осторожничать и приступить к вербовкам.

В 1915 году он привлек к сотрудничеству двух агентов, которые находились в Тильзите и Гумбинене.

Через два года под его руководством действовала крупная агентурная организация «Штоль» и несколько агентов, работавших под псевдонимами «Людовик», «Бордо», «Граф», «Длинный».

Через Голованя также шла связь Главного управления Генштаба с агентурной организацией «Брута».

Весьма успешно в качестве военного агента трудился в этот период в союзной Франции полковник граф Алексей Игнатъев. Это, пожалуй, один из самых известных в нашей стране военных разведчиков той поры. О своей работе он написал книгу «50 лет в строю», ставшую бестселлером в Советском Союзе и переиздававшуюся многократно.

Граф Алексей Игнатъев родился в семье, которая принадлежала к одному из знатнейших родов Российской империи. Мать — урожденная княжна Мещерская, отец — видный государственный деятель, член Государственного совета, генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губерний. Дядя — известный дипломат, занимал должность министра внутренних дел.

Алексей окончил Киевский кадетский корпус и Пажеский Его Величества корпус, Академию Генерального штаба. Командовал эскадронам в лейб-гвардии Уланском полку, участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов.

С 1908 года он военный агент в Дании, Швеции и Норвегии. В 1912 году его назначают во Францию. Там и застала Игнатъева Первая мировая война.

Как считает историк Михаил Алексеев: «Его (Игнатъева) деятельность в качестве военного агента в союзной стране была довольно характерна и показательна. И, пожалуй, наиболее многогранна и эффективна». К этой характеристике следует добавить, что она имела своеобразие. В частности, ГУГШ не ставило Алексею Алексеевичу задачи по созданию агентурной

сети. И тут есть вполне понятное объяснение — Франция — страна-союзник России, и полковник получал разведданные из французского Генштаба.

Особенность работы Игнатьева была еще и в том, что кроме добывания разведданных на него возлагалось множество иных обязанностей: следить за размещением и выполнением русских военных заказов во Франции, участвовать в обеспечении тыловой деятельности русских воинских частей, находящихся на территории этой страны, в качестве представителя командования России вести различные переговоры, поддерживать связь между союзными армиями.

«...Наш Генеральный консул, престарелый Карцов, — напишет позже Алексей Игнатьев, — как и все посольские коллеги, считал ответственным за судьбу русских граждан во Франции именно меня — военного агента. Наши граждане без оформления официальными властями их отношения к военной службе могли быть отправлены во французский концентрационный лагерь».

Пришлось и эту работу взять на себя.

После октября 1917 года он встал на сторону советской власти и сохранил крупные денежные средства Российской империи, положенные на его имя в банке. Миллионы рублей были переданы представителям СССР.

После возвращения на родину Игнатьев служил в Советской армии и в 1943 году получил высокое звание генерал-лейтенанта.

Сербия, как и Франция, была союзником Российской империи в войне против Австро-Венгрии и Германии. Там работал на посту военного агента полковник Виктор Артамонов. До приезда в Белград он два с лишним года занимал соответствующую должность в Греции. Так что имел достаточный опыт и знания. Однако с началом войны сообщил в ГУГШ, что имевшаяся у него агентура «... была совершенно парализована австрийцами, не останавливавшимися перед принятием таких мер, как поголовное заключение в тюрьму, а часто и расстрел всех более или менее видных народных деятелей южного славянства».

Генштаб, конечно, понимал трудности Артамонова, но тем не менее требовал развединформацию. И полковник благополучно получал ее от сербов до тех пор, пока австро-венгерская армия не была изгнана с территории Сербии. И вот тут Виктору Алексеевичу пришлось заняться созданием своей агентурной сети. Сам он никого не вербовал, хотел поначалу использовать для этой цели сербских офицеров, но потом передумал и получал сведения из разведотдела Верховного командования Сербии.

В Греции обязанности по организации агентурной разведки возлагались на военного агента полковника Павла Гудим-Левковича, а в Болгарии на подполковника Александра Татарина.

Павла Павловича, как он сообщал в ГУГШ, пугала «полная оторванность Греции, немецкий террор, что делало попытки разведки почти безнадежными». Генштабу так и не удалось заставить работать своего греческого военного агента, и в 1916 году он был отозван в Россию.

Александр Татарин, в отличие от своего коллеги, в достаточно короткий срок развернул агентурную сеть и уже в ноябре 1914 года получил первые сведения о дислокации турецких корпусов в европейской части Турции.

Агенты Татарина отслеживали также транзит через Болгарию в Турцию военных грузов из Германии.

Кроме добывания разведанных Александр Александрович умело организовывал и так называемую активную разведку, то есть диверсионные акты. Сохранились архивные документы в которых указывается, что в Бургасе взорвали цистерны с бензином, следовавшие в Турцию и сделано это «агентами полковника Татарина».

Что же касается развертывания агентурной сети военным агентом в Лондоне генерал-лейтенантом Николаем Ермоловым, то оно практически не велось.

«...Материал, доставляемый военным агентом в Америке, являясь совершенно несистематическим и даже случайным, совершенно не обрисовывает положения дел в Америке...» Такую оценку работы агента полковника Александра Николаева дает Огенквар в ноябре 1916 года.

В Японии военный агент Российской империи генерал-майор Владимир Самойлов фактически уклонился от агентурной работы.

Таков краткий экскурс деятельности Главного управления Генерального штаба по организации и ведению агентурной разведки под руководством военных агентов в годы Первой мировой войны. Другое важнейшее направление этой работы — создание в нейтральных странах агентурных разведывательных организаций мы рассмотрим в следующей главе книги.

Работа сложная и опасная

Напомню: перед Первой мировой войной Главное управление Генерального штаба имело в Западной Европе всего одну действующую агентурную организацию № 30 под руководством полковника Отдельного корпуса жандармов Владимира Лаврова. Однако данных о том, что она работала в военный период, нет. Вторая организация, которой был присвоен номер 31, во главе с жандармским офицером Михаилом фон Котеном находилась в стадии формирования и оказалась проваленной.

Таким образом, ГУГШ в августе 1914 года столкнулось с трудно разрешимой проблемой — созданием агентурных организаций в ходе войны. Обстановка требовала скорых и энергичных действий, но на деле эта работа оказалась опасной, сложной и, к сожалению, не всегда действенной.

Дальнейшее развитие в этот период получило «крышевое» направление в деятельности разведки. Использовались различные формы прикрытия, но основными были — корреспондентская (под видом сотрудников журналов, газет, телеграфных агентов), торгпредская (агенты на должностях секретарей, помощников торговых представителей) и родственная (использование родственных связей и знакомств).

Первыми свои услуги Огенквару по развертыванию агентурной разведки за рубежом предложили корреспонденты Петроградского телеграфного агентства Сватковский и Янчевецкий. Один из них работал в Бухаресте, другой в Вене. Они убеждали руководство разведки, что имеют за рубежом обширные связи и готовы послужить Отечеству.

МИД рекомендовал Янчевецкого как человека вполне заслуживающего доверия и хорошо знающего Турцию. Было, правда, одно обстоятельство, смущающее офицеров разведки: по неофициальным данным, их будущий агент имел большие долги, и скорее всего, именно это обстоятельство толкнуло его на сотрудничество. Но, надо учитывать, что началась война, возникла острая потребность в разведывательных сведениях, и Генштаб решил попробовать Янчевецкого на разведработе.

Сватковский, в свою очередь, пытался заинтересовать не только разведку, но и Министерство иностранных дел. Он предложил развернутый план по сбору сведений по Австро-Венгрии. План этот настолько был хорош на бумаге, что его полностью поддержал министр иностранных дел С. Сазонов. Корреспондент расписал, как он, находясь в Бухаресте и

Софии, станет посылать доверенных лиц в Австро-Венгрию и Германию. Далее он создаст центральную штаб-квартиру в Цюрихе. Агенты, возвращающиеся из разведпо-ездок, будут прибывать в Цюрих, привозя сведения и документы. Из штаб-квартиры все это будет передаваться в Петроград по телеграфу. Предлагалось также создать подобную сеть в Дании.

Глава МИДа Сазонов передал план на утверждение Председателю Совета министров Горемыкину. Он сопровождал его разъяснениями, сколь скудны и недостоверны сведения по Австро-Венгрии и Германии сегодня, и просил утвердить план Сватковского.

Будущий резидент от личного вознаграждения отказывался, но просил единовременно на развертывание организации 8 тысяч рублей и по 2600 рублей ежемесячно в будущем начиная с 1 ноября 1914 года. Как ни странно, но Совмин принял положительное решение. Государь утвердил его.

Сватковский был горазд в своих фантазиях. Он также предложил использовать «чешские и другие славянские круги» в деле разведки Австро-Венгрии. С этой целью считал необходимым послать из Швейцарии несколько доверенных лиц, которые завязали бы отношения с преданными славянской идее финансовыми и промышленными деятелями Венгрии, Богемии, Чехии. Осуществлять связь Сватковский собирался через особых агентов из местных жителей, которые будут курсировать между Австро-Венгрией и Швейцарией, под видом коммерсантов.

Для создания такой сети он просил 8500 рублей и ставил условие: в течение месяца не рассчитывать на ценные сведения. В то же время он требовал обеспечить организацию финансовыми средствами хотя бы на первые три месяца. По его подсчетам, на постановку дела следовало отпустить более 25 тысяч рублей.

Как ни странно, но начальник Генштаба одобрил и этот план.

В ноябре 1914 года Сватковский выехал в Швейцарию для развертывания разведывательной сети. Огенквар обязал своего военного агента в Швейцарии всячески помогать новому резиденту. Сватковскому был присвоен псевдоним «Дюмулен», легально он являлся представителем русского телеграфного агентства.

В декабре Сватковский направил в МИД первое сообщение, а вот Огенквар обошел своим вниманием. Написал, что сеть налаживается, и просил денег.

Через две недели вновь Министерство иностранных дел получило донесение, а Огенквар — лишь сообщение на основе местных газет.

В начале 1915 года Сватковский и вовсе прислал дезинформацию, якобы в Венгрии развернуты 14 тысяч бойцов и офицеров ландштурма. Следом пришло и вообще бредовое сообщение: 1,5 миллиона человек мобилизованы и готовы отправиться из Австро-Венгрии на фронт.

Подобные разведсведения не только не приносили пользы, но в условиях войны были крайне опасны. Кто знает, что взбредет в голову такого разведчика в очередной раз? Именно поэтому Главное управление Генштаба и запрашивает мнение военного агента в Швейцарии Сергея Голованя, желательна ли дальнейшее сотрудничество со Сватковским.

Судя по всему, Сергей Александрович понимает авантюрные наклонности нового резидента, однако выбирать не из кого, и потому он сообщает в Петроград, что может быть, с помощью «Дюмулена» «удастся организовать в Австрии более правильное наблюдение за передвижением войск».

Увы, Головань напрасно надеялся. Никакой информации Сватковский не дал, а вот деньги получал исправно. Кстати говоря, деньги немалые. К февралю ему было перечислено 25 тысяч франков, однако он требовал еще 19 тысяч.

В начале марта «Дюмулена» исключили из агентурной сети Огенквара. Правда, через год с небольшим свои «наполеоновские разведпланы» он предложил штабу Верховного Главнокомандующего. И, поразительно, они были приняты. Что ж, как говорят в народе, кому война, а кому мать родна.

Не сложилась работа и у второго резидента — корреспондента Янчевецкого. Он так же, как и его коллега, представил план разведческой деятельности в Турции. Будущий резидент возлагал надежды на бывших македонских четников, греков и болгар по национальности, работавших в полиции и таможне, а также на христиан, бежавших из Турции.

В качестве примера он ссылаясь на одного из руководителей четников, некоего Пучерее, который готов был выехать в Константинополь, где у него остались хорошие друзья и знакомые.

Янчевецкий надеялся также на старые связи в военном министерстве Турции, на флоте, среди переводчиков голландской миссии. Считал вполне возможным организовать наблюдение за железнодорожными перевозками по маршруту Константинополь — Берлин.

Были у резидента и другие предложения: привлечь к работе румынских волонтеров и поставлять оружие греческим добровольцам.

ГУГШ приняло план Янчевецкого. В начале декабря 1915 года он выехал в Бухарест. По прибытии в столицу Румынии резидент

представился военному агенту полковнику Борису Семенову и попросил аванс в сумме 500 франков.

Борис Анатольевич обратился в Огенквар за разъяснениями. Янчевецкий произвел на Семенова не самое лучшее впечатление, однако его прислал Петроград, и полковник, как человек военный, готов был выполнить приказ Центра.

И вновь камнем преткновения стали деньги. Янчевецкий в качестве денежного содержания требовал 1 тысячу франков в месяц, Огенквар предлагал 500 франков. Тем более что пока никакой информации резидент не добыл. Правда, ГУГШ перевело на оперативную работу на три месяца более 5 тысяч рублей и дало указание военному агенту самому решить вопрос о финансовом вознаграждении Янчевецкого в зависимости от результатов работы.

Однако резидент, обидевшись, покинул Бухарест. Он прибыл в Одессу и оттуда написал в столицу письмо, в котором жаловался, что не встретил со стороны Семенова понимания и помощи, а также не знает, нужна ли его работа Огенквару. Следующее письмо он обещал отправить не в Генштаб, а в МИД.

Тем временем Семенов, не дождавшись результатов работы резидента, сообщил, что его смета финансирования уменьшена. Янчевецкий на это прислал в ГУГШ обиженное письмо. Он считал, что сокращение денежного довольствия мешает разведработе, и настаивал вывести его из подчинения Семенова, считая, что военный агент не знает особенностей деятельности в Турции.

Пока шла переписка и торги по поводу финансового вознаграждения, Янчевецкий, к сожалению, не давал никакой развединформации.

В феврале Огенквар передал полковнику Борису Семенову приказ прекратить деятельность Янчевецкого «из-за его полной неподготовленности».

Таким образом, уже зимой 1915 года стало ясно, что использование корреспондентов Петроградского телеграфного агентства Сватковского и Янчевецкого в качестве руководителей агентурных сетей провалилось. Они оказались людьми некомпетентными в вопросах разведки, к тому же желали не столько поработать на этом поприще, сколько заработать на нем.

В Огенкваре сделали соответствующие выводы. Впредь, на протяжении всей войны, к деятельности в стратегической разведке в качестве руководителей будут привлекаться в основном военные специалисты, офицеры, обладающие определенным опытом в этой сфере деятельности.

Однако вернемся к зиме 1915 года, когда возникает острая необходимость создать не на словах, а на деле эффективную агентурную сеть в одной из европейских стран, сосредоточенную на разведке противника. Возглавить ее должен был не случайный человек, преследующий свои корыстные цели, а профессионал-разведчик.

В ту пору руководителем Особого делопроизводства ГУГШ, то есть фактическим руководителем русской военной разведки, был полковник Николай Раша. Он занимал эту должность с марта 1914 года, сменив полковника Оскара Энкеля, который убыл военным агентом в Италию.

Николай Карлович — опытный, боевой офицер. Окончил Московское военное пехотное училище, Академию Генерального штаба. На службу поступил рядовым на правах вольноопределяющегося в 4-й гренадерский Несвижский полк. Николай Раша был прекрасным стрелком. Еще будучи юнкером, получил наградную шашку за успехи в стрельбе.

Из училища его выпустили в лейб-гвардии Санкт-Петербургский полк.

В академии он учился отлично. При выпуске за успехи в обучении удостоился производства в следующий чин штабс-капитана и получил назначение на Дальний Восток, где уже разгоралась война. Воевал храбро и умело, за что и удостоился нескольких боевых орденов.

С 1910 года Николай Карлович проходит службу в 26-й пехотной дивизии, потом в Генеральном штабе, сначала помощником делопроизводителя, позже — делопроизводителем. На этом посту он и встретил Первую мировую войну.

Теперь, когда встал вопрос, кому развернуть и возглавить агентурную сеть, выбор пал на полковника Ращу. Оставив свое руководящее кресло в столице, Николай Карлович окунулся в оперативную работу. Ему предстояло создать за границей одну из первых агентурных организаций нашей военной разведки, работавшей по Германии в военное время. Выехал Николай Карлович в Данию весной 1915 года под прикрытием должности корреспондента одной из Петроградских газет.

Через год сеть «Гектора» (псевдоним Н. Раша) уже состояла из восемнадцати агентов. Конечно, не все работали одинаково эффективно: два человека в Германии только начинали действовать, один был арестован, но, к счастью, за неимением улик выпущен, еще двое прекратили деятельность из-за слежки. В Швеции один агент выслан из страны, двое продолжили работу.

Были и те, которые, взяв аванс, скрылись.

Николай Карлович прекрасно понимал, с кем имеет дело. Историк К. Звонарев в своей работе «Агентурная разведка» приводит личное письмо

полковника Раша своему другу генерал-майору Г. Романовскому.

«Все дело... приходится вести исключительно или с первоклассными негодьями, вся мечта которых — сорвать возможно больше с минимальным или безо всякого для себя риска, или с людьми, имеющими целью выяснить и тебя, и систему и уже налаженные связи».

Эти горькие слова, к сожалению, отражают объективную обстановку, в условиях которой приходилось работать.

Тем не менее агентурная сеть «Гектор» действовала более двух лет и попала в поле зрения германской контрразведки осенью 1917 года. Пошли аресты в Берлине. Провал получил широкую огласку.

Правда, к тому времени полковник Раша уже не руководил этой заграничной сетью. В начале 1917 года он возвратился на Родину, где получил под свою команду 48-й пехотный Одесский полк. До Октябрьской революции оставался месяц с небольшим.

А что же полковник Раша? Какова его дальнейшая судьба?

Он откликнулся на призыв большевиков и поступил на службу в РККА. Однако 5 августа 1918 года был арестован, бездоказательно обвинен в контрреволюционной деятельности и через месяц с небольшим расстрелян.

«В расстрельном деле Раша, — пишет историк Андрей Ганин в своей статье в журнале «Родина», № 10 за 2010 год, — всего несколько листов, содержание которых способно вызвать лишь недоумение. Из документов следует, что вся «вина» арестованного заключалась лишь в том, что он зашел в гости к своему старому знакомому генерал-майору артиллерии Р.И. Башинскому. Как выяснилось, тот был накануне арестован, а на его квартире чекистами устроена засада, в которую и попал Раша.

Своей вины Николай Карлович не признал...»

В том же 1915 году, только осенью, для организации разведра-боты в Швецию выехал русский офицер, получивший псевдоним «Рублев». В данном случае в качестве «крышевого» прикрытия он использовал родственные связи: женился на шведке из Стокгольма и с ее помощью обрел необходимые знакомства.

«Рублев» устроил свою жену в клуб верховой езды при Генштабе шведской армии, где она обрела знакомства среди офицеров. Сам открыл светский салон, где собирались чиновники, журналисты, люди военные, и обсуждали политические события. Ему удалось также завербовать двух агентов.

В результате работы агентурной сети «Рублева» ГУГШ получило ценные сведения о ландштурме и его реорганизации, данные о состоянии

железных и шоссейных дорог, о командированных в Германию военных комиссиях, о тайных германо-шведских переговорах, о строительстве новых оборонительных укреплений в районе Вансгольма, о строящихся военных аэродромах.

Резидентуре «Рублева» также удалось добыть недавно изданные карты Генштаба, сведения о дислокации воинских частей.

Из анализа сохранившихся архивных документов можно сделать вывод: наибольшую активность Главное управление Генштаба в развертывании агентурной сети в нейтральных странах проявило в 1917 году. Так, в январе принимается решение усилить разведработу в Швейцарии, и в эту страну командировается прапорщик Вячеслав Ленкшевич (псевдоним «Брут»). Он действует под прикрытием должности секретаря Торгового агентства Российской империи в Берне.

В феврале того же года подполковнику Андрееву-Стерну поручается создание новой агентурной сети в восточной части Германии. Уже в марте резидент, получивший псевдоним «Секун-дус», легализован в Дании под крышей торгового агентства. Он разворачивает сеть, агенты которой находятся в Варшаве, Познани, Ковно, Гамбурге, Дрездене, Дюссельдорфе, Мюнхене.

У Андреева-Стерна не всегда просто складывались отношения с Главным управлением Генштаба, однако справедливости ради надо сказать, что резидентура «Секундуса», например, предупреждала о готовящемся наступлении германских сил на рижском направлении, указывала направление удара и количество соединений. Данные Андреева-Стерна полностью подтвердились.

Агентурой «Секундуса» также была вскрыта подготовка ударов германских и австро-венгерских войск в Буковине.

В первой половине 1917 года ГУГШ командирует в Швецию прапорщика графа Рене де Кастеллаз («Испанец»), принимает на руководство агентурную организацию прапорщика Ванека («Южина»), направляет в Северо-Американские Соединенные Штаты полковника Чубакова.

Летом ученый-востоковед офицер С. Полевой обращается в ГУГШ с предложением организовать сеть агентуры в Китае и Японии. У него широкие связи в этих странах, и он готов разместить агентов в Пекине, Шанхае, Ханькоу, Иокогаме, Нагасаки, Токио, Мукдене и других городах.

План Полевого принимается, ему присваивается псевдоним «Дальневосточник», и в августе он выезжает в Китай.

В июле принимается решение развернуть агентурную сеть в

Финляндии. Туда послан штаб-ротмистр Садовский. Он родом из Финляндии, имеет крепкие родственные связи и множество знакомых и друзей.

Поселился ротмистр в Гельсингфорсе. Связь с ним должен был осуществлять дядя Садовского, тоже сотрудник военной разведки.

Однако Садовский да и другие резиденты, командированные в европейские страны, многого сделать не успели. Революционные события 1917 года, по сути, уничтожили налаживаемую с таким трудом агентурную работу Главного управления Генерального штаба Российской империи.

«Мы как без рук...»

Война преподносит немало сюрпризов. Меняются тактические приемы, оперативные планы, стратегические решения. Неизменным остается одно — жажда обладания правдивыми и своевременными разведывательными данными. Но чудес не бывает. Если в мирное, предвоенное время не развернуть агентурные сети, сделать это в условиях начавшихся боевых действий силами фронтов крайне сложно. И тогда появляются на свет такие письма. «Дайте ради бога все, что вам не жалко о вооруженных силах Германии. У нас нет ни черта! Мы как без рук. Посылали в Варшаву — ничего не нашли».

Этот крик отчаяния принадлежит генерал-квартирмейстеру Юго-Западного фронта генералу Михаилу Пустовойтенко. Он обращается в штаб Северо-Западного фронта. Но и там дела обстояли не лучше. К горькому сожалению, следует признать: штабы фронтов вступили в войну, не имея собственных сил и средств разведки, отсутствовали и агентурные сети. Подчиненные армейские и дивизионные штабы находились в таком же состоянии и разведданных практически не передавали. Кое-что приходило из Главного управления Генштаба, но оно не удовлетворяло фронты. Сведения чаще всего носили обобщенный характер и не соответствовали решению поставленных задач.

Штаб Юго-Западного фронта возглавлял генерал Михаил Алексеев. Он был человеком весьма посвященным в дела разведки. В 1894–1900 годах служил в Военно-ученом комитете Главного штаба, позже в генерал-квартирмейстерской части. В годы Русско-японской войны был генерал-квартирмейстером 3-й Маньчжурской армии. По ее окончании получил назначение в Главное управление Генштаба на высокий пост обер-квартирмейстера.

Так что Михаилу Васильевичу не надо было объяснять важность разведданных и их роль в боевых операциях войск. Однако самое прискорбное, что от его понимания мало что зависело. Штаб фронта в первые недели войны попал в поистине катастрофическое положение.

Дело в том, что Юго-Западный фронт формировался воинскими объединениями из состава Киевского и Варшавского округов. Однако штабы этих округов не передали фронту материалы для планирования будущих разведопераций. Разведывательное отделение Киевского военного округа полностью включили в штат 3-й армии со всей имеющейся

агентурой.

Варшавский округ передал свою агентуру 1-й армии Северо-Западного фронта.

Таким образом, война началась, и все органы разведки предстояло создавать, по сути, с нуля. Положение усугублялось тем, что начальник разведотделения штаба фронта полковник Сергей Марков считал, что в войсках он принесет больше пользы, и просил о переводе на должность начштаба дивизии. В октябре 1914 года он убыл к новому месту службы, а на смену ему пришел полковник Александр Носков.

Надо отдать должное, генерал Михаил Алексеев быстро понял, что надеяться на разведданные из Генштаба нельзя и следует как можно скорее перестроить работу фронтовых разведчиков. Он высказал своевременную идею силами штабов фронта и армий в срочном порядке развернуть агентурную разведку.

Михаил Васильевич сам разработал документ, положенный в основу организации агентурной разведки и названный «общими основаниями». В нем ставились конкретные задачи: организовать разведку по Австро-Венгрии через Румынию, подобрать агентов-«интеллигентов», приобретать австрийские и германские газеты и передавать их в штаб фронта, собирать сведения о противнике в Румынии. Также указывалось на необходимость установления контакта с Главной квартирой Сербии и получения оттуда разведданных. Были указания и по работе с генерал-квартирмейстерами штабов армий, которые входили в состав фронта.

Следует отметить, что Алексеев весьма активно использовал армейские агентурные организации в интересах фронта.

Что ж, направление работы было верное, однако и начштаба Алексеев и генерал-квартирмейстер Пустовойтенко прекрасно понимали: возникла острая необходимость развернуть агентурную деятельность непосредственно силами штаба фронта.

Укрепили разведотделение, направив сюда штабс-капитана Юрьева. Установили связь с агентурной организацией «Лейпцигская», которую возглавлял подполковник Бакулин. Правда, должной отдачи эта работа не дала. Связь с некоторыми агентами прекратилась, а разведматериалы зачастую приходили в штаб с опозданием и серьезно устаревали.

Начальник разведотделения Носков составил план по организации агентурной деятельности штаба фронта, внедрению резидентов в тылу войск в Австро-Венгрии и за германским фронтом в Польше, но претворить его в жизнь не успел. Его назначили в Ставку, а вместо него прибыл подполковник В. Брендль.

Новый начальник разведотделения отправил в штабы подчиненных армий телеграммы, в которых просил командировать лучших офицеров для агентурной работы за границей.

Так в разведку пришел ротмистр граф Павел Игнатъев, младший брат русского военного агента в Париже Алексея Игнатьева. Прежде он разведкой не занимался, но оказался человеком весьма талантливым, умело работал на этом поприще, приобрел известность и прозвище «начальника шпионов».

В марте 1915 года Павла Алексеевича перевели в разведотделение штаба фронта. До этого он исполнял обязанности начальника штаба 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Ротмистр Игнатъев сосредоточил свои усилия на развертывании агентурной сети Юго-Западного фронта.

В «Справке об агентуре Юго-Западного фронта», датированной ноябрем 1915 года, говорилось: «Наша агентура ведется до настоящего времени через Румынию, где имеется ряд наших организаций, имеющих во главе подготовленных нами до этого специальных офицеров, кроме того, есть ряд таких же бюро с такими же офицерами во главе на нашей территории...»

Что же это были за организации и бюро? Из пяти резидентур три размещались в России — в Одессе, в Кишиневе и в Ровно, две — за рубежом — в Бухаресте. Одесский центр возглавлял ротмистр Максимович, кишиневский — капитан Глебов, и ровенский — Александров. В столице Румынии работали штабс-капитан Юрьев и некто Кюрц. Интересно, что резиденты и агенты этих разведорганизаций широко использовали весь спектр «крышевого» прикрытия. Так руководитель организации Глебов выдавал себя за корреспондента газеты «Киевлянин», помощником у него был заместитель главного редактора газеты «Молдова». Под прикрытием журналистской должности работал и Кюрц.

Остальные агенты избрали своей «крышей» должности приказчиков, торговых представителей, ресторанных служащих.

Разведцентр Кюрца в Будапеште руководил деятельностью нескольких информаторов — католического священника Лукача, старшего инструктора венской полиции Андраши, болгарского посланника в Румынии. Но самым ценным источником Кюрца был полковник Генерального штаба Австро-Венгрии Штенберг. Он часто выезжал в Румынию с целью закупки лошадей для кавалерийских частей.

Были, признаться, и другие, нередко самые экзотические прикрытия. Например, прапорщик Борис Мезенцев работал под видом певца.

«Одна любопытная идея... — пишет в своих воспоминаниях «Моя миссия в Париже» Павел Игнатъев, — вызвала всеобщую поддержку. Она позволяла нам проникнуть в высшее румынское общество, включая окружение самой королевы Марии и, благодаря этому; организовать контрразведывательную службу для противодействия интригам наших врагов. Эта, по существу, весьма простая идея заключалась в том, чтобы создать в Бухаресте Русский артистический центр, который позволил бы румынам оценить наше искусство и в частности, красоту русской народной музыки».

Дело было за артистами. И таких артистов нашел Павел Алексеевич. Возглавил эту группу казачий унтер, кавалер Георгиевского креста, красавец, к тому же с прекрасным баритоном Борис Мезенцев.

Артисты выехали с гастрольями.

«С первого же вечера, прекрасный голос Бориса совершил чудо, — повествует тот же Игнатъев. — В живописном кавказском наряде, окруженный артистами, одетыми в форму горцев, он производил волшебное впечатление, заставляющее всех вскакивать с мест, вызывал неопиcуемый восторг...

Многочисленные комментарии в прессе призывали королеву Марию пригласить певцов и музыкантов во дворец. Это был столь желанный для нас результат».

Так Мезенцев стал любимцем румынской публики, обрел широкий круг знакомых. Нашлись среди них и те, кто согласился помогать певцу-разведчику.

Использовались и другие формы «крышевого» прикрытия, такие как командирование на лечение в Швейцарию русского раненого офицера полковника Кознакова.

В середине ноября 1915 года новое назначение получил и сам ротмистр Павел Игнатъев. Он должен был организовать разведку Австро-Венгерской армии с территории Франции. Но поскольку имя сотрудника разведотделения фронта Игнатъева значилось в списках австро-венгерской контрразведки, он получил псевдоним Павла Истомина и выехал в Париж под «крышей» корреспондентской должности одной из петроградских газет.

Несмотря на поддержку брата — военного агента Алексея Алексеевича, Павел испытал немалые трудности в постановке разведывательной работы.

Игнатъев предполагал, что сможет использовать агентов, которых ему рекомендовал штаб фронта. Однако они оказались «никуда не годными». А

румынские связи использовать в работе было запрещено.

Павел Алексеевич пытался привлечь к сотрудничеству русских эмигрантов, но как показало время, «все что было порядочного среди них сейчас поступило в французскую армию, а с оставшимися говорить о службе в русской разведке было нельзя».

По всему выходило, что создавать разведывательную сеть Игнатьеву вновь пришлось с нуля. Тем не менее он подошел к организации этого дела с размахом. Решил развернуть зарубежную сеть, состоящую из ряда центров и организаций; положив в основу жесткие законы конспирации. Считал необходимым построить деятельность центров так, чтобы они работали независимо друг от друга, и даже резиденты, возглавлявшие их, не были знакомы. Это предотвращало опасность одновременного провала, с другой стороны, давало возможность проверки подлинности разведсведений, предоставляемых центрами. В то же время, широкая разветвленная сеть могла обеспечить непрерывность и регулярность поступления информации.

Однако, как говорят в народе, легко сказать, да нелегко сделать. Нужны, прежде всего, люди, которые смогут выполнить эту трудную и опасную работу.

Штаб Юго-Западного округа, чем мог, помог Павлу Игнатьеву: назначил в его распоряжение штабс-ротмистра Георгия Трубникова и младшего урядника Виктора Франка. Они оказались весьма кстати. Каждый из них получил свой круг обязанностей.

Павлу Алексеевичу удалось познакомиться и привлечь к сотрудничеству Аркадия Гартинга, бывшего заведующего зарубежной агентурой Департамента полиции. Тот, в свою очередь, использовал собственные связи и подключил к работе бывшего агента русской полиции, француза, некогда чиновника префектуры полиции Марселя Битар-Монена.

«Благодаря неустанному труду, — пишет в мемуарах Павел Игнатьев, — часто связанному с большим риском, и громадному техническому опыту Г. (Гартинга), ровно обширным знакомством и огромной энергии В.-М. (Битара-Монена) удалось создать разветвленную и жизнеспособную агентурную сеть, получившую название организации № 1».

«Первая» организация имела около десяти агентов по всей Швейцарии. В разных городах были подготовлены почтовые ящики, куда доставлялись донесения агентуры из Германии. Далее их передавали в приемный центр, расположенный в пограничной зоне Франции. Таким образом, к весне 1915 года Павлу Алексеевичу удалось наладить быструю и

регулярную доставку разведсведений.

По поручению Игнатьева Гартингу удалось выйти на руководителей чешских революционных организаций. Они согласились на сотрудничество, но дело затруднялось тем, что эти организации подверглись сильнейшим репрессиям и, в конечном итоге, разгрому.

Планировалось выйти на польские организации в Галиции и в самой Польше, однако и тут разведчиков подстерегала неудача.

Удалось завербовать одного из сотрудников швейцарского Генштаба, и он оказывал услуги русской разведке, правда, у него практически не было сведений о группировке вооруженных сил противника на Восточном фронте.

Разведывательную организацию № 2 под руководством поручика князя Бориса Мещерского помог организовать Павлу Игнатьеву его брат, военный агент в Париже Алексей. Он рекомендовал Мещерского, которого знал давно. Поначалу создать агентурную сеть в Австро-Венгрии Мещерскому не удалось, однако потом он предложил действовать с территории Румынии и развернул два центра. Один из них в Германии работал активно, регулярно поставляя развединформацию.

Бывший служащий Департамента полиции, статский советник капитан В. Лебедев возглавлял разведорганизацию № 3. Ему удалось завербовать крупного чиновника французской уголовной полиции. Поначалу с ним работалось не просто, он старался вытянуть как можно больше денег с представителей русской разведки. Однако со временем, как пишет сам Павел Игнатьев, «удалось постепенно прибрать к рукам господина В., привлечь на свою сторону его сотрудников». Кроме того, Лебедев сумел в Испании организовать центр для вербовки агентов.

Однако не все разведорганизации работали столь успешно. Руководитель «четверки», художник из Варшавы В. Швамберг, не сумел наладить агентурную работу, так и не внедрив своих агентов в Люблине и в Варшаве. Пришлось Игнатьеву признать неспособность к разведработе резидента Швамберга и понизить его до должности простого переводчика.

Организация № 5 была сформирована Павлом Алексеевичем из агентов разведгруппы «Римская», которую создал полковник Оскар Энкель в Италии. В январе 1916 года Игнатьев побывал в Италии и встретился с опытным русским разведчиком Энकेлем. Тот дал несколько дельных советов ротмистру и посетовал на то, что «Римскую» придется закрыть, так как Главное управление Генштаба было недоволено ее работой.

Оскар Карлович предложил познакомиться Павлу Алексеевичу с руководителем организации — владельцем бюро путешествий и сказал, что

готов передать 22 агента Игнатьеву. Разумеется, если тот пожелает.

Граф пожелал. Организация работала более года.

«Создание этой организации, — писал Павел Игнатьев, — относится к тому времени, когда Италия была еще нейтральной и заложена она была полковником Энкелем...

В мое ведение она перешла с начала 1916 года и обслуживала исключительно Австро-Венгрию до весны того же года. Затем она была усилена тремя центрами в Южной Германии...

Организация эта, несмотря на всю ценность даваемых ею сведений, их правдоподобность, не раз подтверждаемую событиями, лично у меня всегда вызывала некоторые сомнения, исключительно потому, что зная условия работы и технику дела, у меня вызывали сомнения не сами сведения, а замечательная регулярность в га получении, отсутствие арестов, провалов в Швейцарии, словом, доведенная до точности, почти механической, работа всей организации. В моей, по крайней мере, практике это был случай совершенно исключительный.

Несмотря на эти сомнения, несмотря на огромные средства, которые поглощает организация № 5, я считаю, что даваемые ею сведения при соответствующей обработке и проверке га другими организациями, заслуживают полного доверия».

Руководителем разведорганизации № 6 был опытный офицер, несколько лет с 1902 по 1905 год, возглавлявший заграничную агентуру Департамента полиции Леонид Ратаев, выступавший под фамилией Рихтер.

Ратаев имел трех резидентов в Швейцарии и занимался укреплением связей с польскими, младотурецкими и болгарскими революционными организациями.

На русскую разведку работала также организация № 7, возглавляемая сербским офицером.

Удалось Павлу Игнатьеву выйти и на Ватикан. Он нашел русского офицера в отставке Костэляра, который принял католичество и был хорошо знаком с кардиналом Рамполло.

Костэляр выехал в Испанию с задачей внедриться в придворные круги страны. Что, собственно, и было сделано. Организация получила № 8 и название «Католической».

Павел Алексеевич также начал формирование разведорганизации № 9. Но завершить это дело не успел, его отозвали в Россию, и он получил назначение на новую должность начальника русского отделения Межсоюзнического бюро в Париже. Но это уже совсем другая, не менее интересная и захватывающая история.

«Прикрыть истинную деятельность»

Кроме Юго-Западного фронта, о разведслужбе которого мы говорили в прошлой главе, с началом войны был образован Северо-Западный фронт. В его состав вошли 1 — я и 2-я армии, сформированные из соединений и частей Варшавского и Виленского округов. Начальником разведывательного отделения фронта стал полковник Николай Батюшин.

Согласно мобилизационным планам агентура Варшавского округа была передана в 1-ю армию, соответственно, агентура Виленского округа во 2-ю, а штаб фронта остался ни с чем. В то же время боевая деятельность требовала принятия самых срочных мер по организации агентурной разведки.

Николай Степанович Батюшин не был новичком в деле разведки. Еще в 1903 году его назначили помощником старшего адъютанта штаба Варшавского военного округа. В период Русско-японской войны он служил в управлении генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии, потом вновь возвратился в свой округ, и с началом Первой мировой войны возглавил фронтовую разведку.

Полковник Батюшин решил идти своим путем. Он организовал работу среди журналистов, дабы через газеты и журналы призвать население к содействию русской армии.

В сентябре 1914 года в Варшаву выехал переводчик прапорщик Орлов. Прежде он служил в Варшавском окружном суде, имел широкие связи. В столице Польши прапорщик встретился с представителями бумажной фабрики «МОЭС», Варшавско-Венской железной дороги, многими журналистами. Те согласились оказать содействие в подборе надежных людей для ведения разведки, а также распространять идею всяческой помощи русским властям.

Орлов завербовал австро-венгерскую актрису Филипп, которая согласилась отправиться с заданием в Берлин, привлек к сотрудничеству своего бывшего сослуживца судебного следователя Б. Дзенеиловского.

Через некоторое время Орлов вновь побывал в Варшаве. Журналист Владислав Залесский доложил, что нашел двух бывших военнослужащих-итальянцев, которые возвращаются из России домой. С их помощью он надеялся восстановить контакты с друзьями в Швейцарии и привлечь их к сотрудничеству.

Представитель бумажной фабрики «МОЭС» Каминский рассказал об

агентурной группе М. Блешинского, помощника начальника железнодорожной станции, которая отслеживала движение поездов.

В сентябре 1914 года журналист Залесский обратился к Батюшину и доложил, что англичанин Жорж Стоун, работавший корреспондентом газеты «Таймс» в Польше, предложил свои услуги по сотрудничеству.

Залесский считал, что Стоун согласен выполнять задания русской разведки, чтобы заработать так, как в нынешнее время остро нуждается в деньгах.

Англичанина действительно отправили в Копенгаген, предложили поселиться в гостинице «Бристоль», и ожидать дальнейших указаний. Батюшин же обратился в Главное управление Генерального штаба и попросил дать распоряжение военному агенту в Дании полковнику Сергею Потоцкому выслать на указанный адрес определенную сумму денег. Разумеется, эти деньги предназначались Стоуну.

Пыл Батюшина вскоре охладил полковник Николай Раша, делопроизводитель ГУГШ. Ссылаясь на доклад военного агента в Италии Оскара Энкеля, он сообщил, что Стоун является шпионом-двойником. Были приняты меры по обезвреживанию Стоуна. Разоблачить провокатора удалось только благодаря агенту русской разведки в Генеральном консульстве Австро-Венгрии в Берлине. И это спасло агентуру Северо-Западного фронта от серьезных последствий.

Важно отметить, что в рядах армейских офицеров находились истинные патриоты, которые желали оказать разведке помощь. В числе таких офицеров был и штабс-капитан В. Боцьковский, проходивший службу в одном из штабов в Варшаве. Он решил сменить тихую штабную работу на полную опасностей деятельность резидента военной разведки. С этим предложением штабс-капитан обратился к своему командованию, но не был понят и получил отказ. И тогда окольными путями он передал в разведуправление штаба фронта письмо, в котором изложил свои предложения. Батюшин встретился с Боцьковским и вскоре забрал офицера к себе.

Боцьковский предложил вести разведку немецкого фронта через Галицию. План его состоял в том, чтобы специально подобранных разведчиков пропустить через линию русских войск, дабы дать им возможность приобрести австрийские паспорта. Потом «они как австрийские подданные, могут совершенно свободно передвигаться в границах Австро-Венгрии, и как союзники Германии могут проникать и переезжать в Силезию, Великое княжество Познаньское и вообще в Пруссию. Там они войдут в связь с познаньскими поляками и в границах

возможного на местах организуют разведку. Центром организации этой разведки будет пока Львов».

Штабс-капитан был готов отправиться в Варшаву для организации этой работы. Полковник Батюшин поставил перед ним не простые задачи: кроме спланированных мероприятий по развертыванию агентурной сети, завербовать информаторов в Бреславле, Познани, Торне и Алленпггейне, которые могли бы отслеживать переброску войск по железным дорогам.

В книге «Военная разведка России» Михаил Алексеев приводит мнение Батюшина по этому поводу. «Эти люди, — говорит он, — следили бы, сколько таких поездов проходит за один час, много ли поездов возвращаются с ранеными, какие настроения войск и народа, где находятся склады с артиллерийскими снарядами, амуницией, продовольствием и т. д.

Боцьковскому желательно было установить корреспондента газеты из города Познань, который бы объезжал политические провинции в Пруссии и передавал бы, как и где и на каком расстоянии построены укрепления, есть ли в них бетонные канониры и вообще бетонные постройки и т. п.».

Отдельная задача ставилась штабс-капитану и по разведке крепостей в Познани и Бреславле.

Надо отдать должное, усилия Батюшина и Боцьковского не пропали даром. Агентурная сеть вскоре заработала, и в разведот-деление фронта стала поступать ценная информация.

Так в мае 1915 года резидентура Боцьковского сообщила, что противник планирует проведение наступательной операции на Варшаву со стороны Ловича.

Под руководством полковника Батюшина также работала агентурная организация Кронгельма, был привлечен к сотрудничеству и командирован в Польшу прапорщик А. Быховец.

Весной 1915 года штаб Северо-Западного фронта командировал в Петроград, в Главное управление Генерального штаба пггабс-офицера для поручений при Главнокомандующем фронтом полковника Александра Носкова.

Александр Иванович по воинской профессии топограф. Окончил военно-топографическое училище. После Академии Генштаба ушел на Русско-японскую войну. В 1908–1912 годах служил делопроизводителем ГУГШ. С началом Первой мировой войны возглавил разведотделение штаба Юго-Западного фронта. Потом был переведен на Северо-Западный фронт.

В Петрограде Носков встретился с опытными разведчиками генералом М. Леонтьевым, полковником В. Водаром. В ходе бесед выяснилось, что у

Главного управления нет кандидатуры для посылки за границу с целью проведения агентурной разведки Германии. Таким образом, Носков мог рассчитывать только на свои силы. И тогда Александром Ивановичем была разработана разведоперация по засылке резидента для развертывания агентурной сети.

Полковник предложил послать в Данию офицера «под частным именем» в качестве доверенного лица одного петроградского коммерсанта, недавно вернувшегося из Копенгагена.

Этим коммерсантом был давний друг отца Носкова купец Моисей Монезон. Он согласился отвезти в Данию русского разведчика и представить его в торговых кругах Копенгагена, а также в последующем поддерживать с ним деловые отношения. Выражаясь современным языком, сделать возможным легализацию этого офицера.

Разумеется, Монезон сильно рисковал, тем не менее взял на себя подобные обязательства.

Оставалось подобрать соответствующую кандидатуру для поездки за рубеж. И такой офицер был найден. Им оказался прапорщик Шершевский. Он имел хорошее образование, владел немецким, английским и французским языками, в числе его знакомых были французские и сербские дипломаты.

Полковник Носков понимал, что, несмотря на знания иностранных языков и определенные знакомства в дипломатических кругах Шершевский является «совершенным новичком в деле разведки». И потому Александр Иванович посчитал, что самой главной задачей для прапорщика станет «организация разведки в тылу завислинского фронта противника». А ее результатом выявление «основного вопроса, намерен ли противник избрать этот район для развития решительных операций или же для этого может намечаться какой-либо другой район».

Шершевский получил «крышевую» фамилию купца первой гильдии Сергея Штаммера и выступил в качестве партнера уже названного Моисея Монезона. Он выехал за границу 5 мая 1915 года. Все его донесения должны были поступать через консула к русскому военному агенту в Копенгагене, который имел возможность пересылать их с курьерами. Шифровальный код полковник Носков решил не использовать. Этому не благоприятствовала военная обстановка, да и всячески желал уберечь молодого резидента. Ведь хранение такого кода могло представлять большую опасность, а при обыске — «тяжелую улику».

Забегая вперед, скажем, что к осени 1915 года, когда произошел раздел фронта на Северный и Западный, а следом за ним были разделены и

агентуры, в документах указывалось, что штаб Северного фронта владеет единственной разведорганризацией Шершевского (Штаммера). Так что спецоперацию полковника Носкова можно считать проведенной вполне успешно.

Однако возвратимся к весне — лету 1915 года, когда фронт был еще единым и штаб всячески старался развернуть агентурную работу за границей. Подобная активность, увы, не всегда шла на пользу дела.

«С апреля в Копенгагене, — сообщал в Петроград русский военный агент полковник Сергей Потоцкий, — начали появляться органы разведки нашего Северо-Западного фронта... Все эти лица, вращающиеся в одном и том же кругу, наталкиваются в поисках за агентами на одних и тех же лиц и являются предметом разговоров при наблюдении. Создалась в высшей степени неблагоприятная атмосфера. Органы немецкой контрразведки воспользовались ею, и в этой среде появились провокаторы и немецкие агенты».

Что ж, было и такое. Как говорится, слов из песни не выбросишь.

А теперь возвратимся к хронологии событий. В состав Северо-Западного фронта входило восемь армий, театр военных действий был велик, — от Восточной Пруссии до реки Буг. Задачи, стоящие перед войсками, сложны. Все это вызвало необходимость разделить его на два фронта — Северный и Западный. Что, собственно, и было сделано в августе 1915 года.

Главкомандующим Северным фронтом стал генерал Николай Рузский, разведывательное отделение возглавил полковник Павел Рябиков.

Во главе войска Западного фронта встал генерал Михаил Алексеев, начальником разведотделения назначили полковника Александра Самойло, которого в феврале 1916 года сменил полковник Александр Брант.

Оба начальника разведотделений — боевые офицеры прошли Русско-японскую войну 1904–1905 годов. Брант служил сотником, был ранен и контужен. Теперь они возглавили разведку фронтов.

Рябикову досталась агентурная организация прапорщика Шершевского. К ноябрю 1915 года удалось завербовать еще двух агентов — польского художника Швамберга и инженера Мазур-кевича. Первого послали с разведзаданием в Швейцарию, второго — в Голландию.

Однако разведотделению фронта нужны были не отдельные агенты, зачастую действующие малоэффективно, а разветвленная и хорошо законспирированная сеть, которая обеспечила бы непрерывное поступление развединформации.

В октябре 1916 года разведчики штаба фронта разработали

спецоперацию по созданию такой агентурной сети. Организацию назвали «Фризен». В ее состав вошли специально отобранные люди, проверенные, знающие иностранные языки и страны, где им предстояло работать.

Возглавил организацию подпоручик Коноплин (псевдоним «Фризен»), прежде обучавшийся в Коммерческой академии в Гамбурге, потом проходивший стажировку на заводах Круппа. Он отлично владел немецким языком, знал обычаи и нравы германцев.

В его группу вошли поручик Вельпе (псевдоним «Келлок»), прапорщик Заремба («Шлейфер») и рижский мещанин Фрей. Все они владели несколькими иностранными языками, неоднократно бывали за границей.

Двое из них выехали сначала в Америку. Там они должны были получить американские паспорта и возвратиться в Европу в Данию. Третий убыл в Христианию, четвертый в Данию через нейтральные страны.

Важно отметить, что первоочередной задачей русских агентов была тщательная легализация в стране пребывания. Членам организации строго предписывалось: «поступить на службу и вести дела по специальности не фиктивно, а в действительности... производить торговые операции, что должно прикрыть истинную деятельность...»

Сегодня это один из основополагающих принципов «крыше-вой» разведки. Но осознание этой истины пришло уже тогда, в годы Первой мировой войны.

Что же касается членов организации «Фризен», то они в точности исполнили приказ руководства. Коноплин стал представителем датского торгового дома и стремился наладить контакты с коммерсантами в Германии. Вельпе вспомнил о своей первой профессии — корабельного штурмана и устроился на судно, которое ходило по маршруту Швеция — Дания — Германия.

Фрей, снабженный документами об освобождении от военной службы, выехал в Христианию, в собственную фирму и продолжил там работу. Заремба также устроился в одну из контор, где собрались люди антирусских взглядов.

Время показало, что члены организации «Фризен» легализовались удачно. Наблюдавший за ними со стороны русский военный агент в Дании полковник Сергей Потоцкий сообщил в сентябре 1917 года, что агенты «вне подозрений, их считают уклонившимися русскими немцами».

Первый этап — прочная легализация — был успешно пройден, дальше начиналась разведработа. Штаб Северного фронта крайне нуждался в информации о немецких войсках, действовавших в его зоне

ответственности, о военных перевозках по восточно-прусским железным дорогам, о сосредоточении войск противника в портах Балтии, о планах Германии в отношении Финляндии.

Увы, ответы на эти вопросы разведуправления штаба так и не получило. Отсутствие опыта оперативной работы с руководителем и членами организации сыграло свою злую шутку. Они не смогли добыть необходимых разведданных.

Попытка укрепления организации «Фризен» двумя опытными агентами, действовавшими под руководством русского военного агента в Дании, тоже результатов не принесла.

С сожалением надо констатировать, что эта разведгруппа Северного фронта, несмотря на затраченные значительные финансовые средства, тщательную подготовку, усилия на прочную легализацию, своих задач не выполнила.

Штаб Западного фронта тоже не мог похвастаться эффективной агентурной сетью. Единственной организацией, которая поставляла регулярные разведданные, была группа под руководством В. Боцьковского.

Полковник Рябиков привлек к организации агентурной разведки подпоручика Адама Быховца. Адам Здиславович к тому времени был достаточно опытным разведчиком, около полутора лет возглавлял агентурную сеть. По профессии в прошлом — присяжный поверенный, по характеру ловок, пытлив, быстро сходится с людьми.

Происходил из дворянской польской семьи, помещик Гродненской губернии.

В конце 1916 года Быховец, получивший псевдоним «Быков», убыл из Петербурга в Париж. Работать ему предстояло под непосредственным руководством начальника русского отделения Межсоюзнического бюро полковника Павла Игнатьева.

Начальник разведотделения фронта полковник Брант написал Павлу Алексеевичу письмо следующего содержания: «...Штазап предполагает на первое время организовать сеть резидентов, согласно прилагаемой схеме, то есть иметь в Швейцарии и Голландии не три резидента, кои посылаемыми ими внутрь Германии лицами могли бы установить наблюдение за железнодорожными перевозками и давать ответы по интересующим Штазап вопросам.

В помощь тебе, для непосредственного заведования по твоему указанию агентурой командирован подпоручик Быховец...

В Швейцарию командировается прапорщик Арбатский с женой и предложено командировать адвоката Клейна; третьего резидента пока у нас

нет...»

Одно из первых заданий, которое Игнатъев поручил Быховцу, состояло в том, чтобы провести оперативную встречу с согласившимся работать на русскую разведку голландским журналистом Бредероде (псевдоним «Вилла Роде»). Для этой цели Адам Здиславович выехал в Голландию.

Встреча прошла успешно, Бредероде получил задание и вскоре прислал свое первое разведочное сообщение. Затем его информация стала поступать регулярно. Хотя надо признаться, условия работы были чрезвычайно сложными. Павел Игнатъев в письме Бранту характеризует их следующим образом: «...За один 17-й год я потерял расстрелянными и повешенными семь человек и все это были люди с положением, про аресты же и говорить не стоит».

Тем не менее, несмотря на все опасности, подпоручик Быховец работал весьма успешно. Его деятельность оценивалась штабом по достоинству. Тот же полковник Брант писал Игнатъеву: «А.З. (Адамом Здиславовичем) я очень доволен, так же как и высокое начальство».

По состоянию на июнь 1917 года разведотделение Западного фронта руководило десятью агентурными группами. Среди них «Скандинавская», «Гаврилова», «Большакова», «Штурмана», «Линде», «Вилла Роде», «Африканская», «Вольского», «Домбровского», «Кривоноса».

Более того, фронтовые разведчики наращивали свои усилия. В августе кроме названных организаций за штабом числились еще группы «Маноло», «Лермонтовская», «Американская», «Клер-валь».

Однако все эти усилия оборвал революционный Октябрь 1917 года.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Начнем с нуля

«Весь мир насилия мы разрушим до основания...» — пели революционные солдаты и матросы. И они действительно все разрушили. Но, взяв власть в свои руки в октябре 1917 года, быстро поняли, сколь стремительно разваливается армия, а вместе с ней теряется управление страной.

В ходе реорганизации руководящих органов царской армии и флота и создания Народного комиссариата по военным делам большевики сохранили в прежнем составе Главное управление Генерального штаба. В штате также оставался отдел 2-го генерал-квартирмейстера, который непосредственно руководил разведкой.

Что же касается сотрудников ГУГШ, то на общем собрании они приняли решение продолжить работу. Правда, руководитель Главного управления генерал В. Марушевский сотрудничать с большевиками отказался. Вместо него ГУГШ возглавил генерал Николай Потапов.

Николай Михайлович был опытным офицером разведки. Еще в 1901 году его назначили помощником военного агента в Вене, с 1903 года он военный агент в Черногории. В этой стране Потапов прослужил 13 лет, занимался обучением и подготовкой черногорской армии.

После завершения зарубежной командировки Николай Михайлович проходил службу в Главном управлении Генерального штаба на должности генерал-квартирмейстера.

Начальником отдела 2-го генерал-квартирмейстера являлся генерал Павел Рябиков. Вся его жизнь посвящена разведке. Он потомственный военный. Окончил кадетский корпус, артиллерийское училище, Академию Генерального штаба. Служил в войсках командиром роты, старшим адъютантом, потом обер-офицером для особых поручений штаба армейского корпуса.

В 1903 году его переводят в Главный штаб. С началом Русско-японской войны капитан Рябиков в действующей армии, служил в разведотделении управления генерал-квартирмейстера 2-й Маньчжурской армии.

После окончания боевых действий он возвращается в Генеральный штаб. В Первую мировую войну Павел Федорович также руководит подразделениями военной разведки. С сентября 1915 года он начальник разведотделения штаба Северного фронта.

После Февральской революции Рябикова отзывают с фронта и назначают помощником 2-го обер-квартирмейстера (по разведке) ГУГШ. Он удостоен чина генерал-майора.

Павел Федорович всеми силами старается сохранить старые кадры. Понимая, что военных агентов за рубежом заменить некому, он отправляет им телеграмму, в которой просит продолжить работу. Ответы, к сожалению, были неутешительные. Агенты не желают сотрудничать с большевиками. Рябиков не докладывает комиссару Главного управления об этих ответах.

Несмотря на все усилия генералов Потапова, Рябикова и их подчиненных, состояние разведработы ухудшалось. Кто-то из сотрудников ГУГШ утащил телеграммы военных агентов и передал их большевикам. Разгорелся скандал. Новая власть решила отозвать из нескольких ведущих стран агентов и назначить вместо них своих людей. Потапову с трудом удалось уговорить комиссаров отправить за рубеж старых опытных сотрудников ГУГШ.

В связи с демобилизацией вооруженных сил и развалом фронтовых и армейских штабов уходила в небытие и агентурная разведка. В конце 1917 года в зарубежные резидентуры перестали поступать финансовые средства, и агенты отказывались работать. Правда, из некоторых стран изредка приходили отрывочные разведсведения. Так, в начале 1918 года военный агент в Швейцарии генерал-майор Сергей Головань передал в Петроград ценную информацию о большой передислокации немецких частей с Восточного фронта на Западный. Впрочем, Головань продолжал исполнять свои обязанности и дальше, вплоть до установления дипотношений Советской России и Швейцарии, однако этот пример скорее исключение из правил. Большинство военных агентов прервали свои отношения с Родиной уже в конце 1917 года.

Что же касается разведки объединений и соединений, то, по свидетельству начштаба дивизии штабс-капитана Василия Цейтлина: «После октябрьского переворота деятельность штабов вообще замерла, в том числе и разведывательная служба.

После подписания Брестского мира, благодаря ликвидации всех штабов разведывательная служба прекратилась совершенно...»

Цейтлин безусловно знал, что говорил. В 1918–1919 годах он руководил разведотделом штаба Московского военного округа. В 1923 году выпустил книгу: «Разведывательная работа штабов», в которой и повествует о состоянии разведки в те дни.

Однако, как известно, «мирный период» (если его так можно назвать) деятельности советской власти был невелик. В 1918 году в стране

разворачивается полномасштабная Гражданская война.

В марте этого года создается Высший военный совет. Его возглавляет бывший генерал Михаил Бонч-Бруевич. В управление совета наряду с другими руководителями, входит и генерал-квартирмейстер с помощниками по оперативной части и разведслужбе.

Вскоре председателем ВВС становится нарком по военным делам Лев Троцкий.

Совет реорганизуется в мае, потом в июне того же 1918 года, но важно, что в составе ВВС остаются генералы и офицеры, в прошлом служившие в разведке, — Александр Самойло, Александр Ковалевский, Борис Шапошников. Они, как никто другой, понимают значение разведки. Однако от понимания до дела дистанция огромного размера. Пока для развертывания разведки не создана база. Правда, при Высшем военном совете образован штаб партизанских отрядов, и там есть разведотделение, но этого мало. Тем не менее этот штаб объединяет и энергично руководит действиями партизанских формирований.

«Постепенно выросли западная и северная завесы, — вспоминает тот же Цейтлин, — составляющие как бы подвижный партизанский фронт мелких отрядов, оборонявших важнейшие направления, железнодорожные и другие пути сообщения, узлы железный дорог и т. д.

Появились штабы западной и северной завесы, штабы отдельных отрядов и районов. В штабах появились разведывательные отделения, начали поступать сведения, появляются первые схемы и сводки».

В мае 1918 года создан Оперативный отдел Народного комиссариата по военным делам, более известный в исторической литературе, как Оперод Наркомвоена. Он объединял всю агентурную и войсковую разведку. Интересно, что этот центральный орган разведки был сформирован на базе оперативного отдела штаба Московского военного округа.

Первым руководителем Оперода стал большевик, в прошлом штабс-капитан Семен Аралов. Разведывательное отделение возглавил выпускник ускоренного курса Академии Генштаба капитан Борис Кузнецов.

Итак, это был уже третий центральный орган советской военной разведки, вслед за отделом 2-го генерал-квартирмейстера ГУГШ и разведотделом Высшего военного совета.

Почти одновременно с Оперодом создается Всероссийский главный штаб (Всероглавштаб). Во главе этого органа стоит совет: начальник штаба и два комиссара. Штаб возглавляет генерал Николай Стогов, потом Александр Свечин, Николай Ратгэль и Александр Самойло. И тут, можно сказать, разведчикам повезло, большинство из руководителей штаба в

прошлом служили в разведке.

Всероглавштаб состоял из управлений, одно из которых — оперативное. В его штате военно-статистический отдел. Он и руководил разведкой. Этот отдел, по сути, сохранил структуру отдела 2-го генерал-квартирмейстера, а также старые опытные кадры.

Очередное реформирование не внесло ясности в деятельность разведки. На месте отдела 2-го генерал-квартирмейстера возник военно-статистический отдел Всероглавпггаба, а также работали разведслужбы ВВС и Оперода Наркомвоена. Но общее руководство отсутствовало. Не было и единого аналитического органа, который бы собирал и обрабатывал добываемые разными структурами материалы. По-прежнему действия разведподразделений оставались разобщенными.

Ущербность подобного положения понимали многие. Именно поэтому летом 1918 года была создана комиссия по организации разведывательного дела. Она разработала и приняла два документа: «Общее положение о разведывательной и контрразведывательной службе» и «Руководящие соображения по ведению агентурной разведки штабами военных округов». В них каждый из центров разведки наделялся определенными обязанностями. Оперод Наркомвоена должен был организовать разведку на оккупированных территориях от Закавказья до Эстляндии, Военному совету поручалось вести разведку в районе демаркационной линии, а на ВСО Всероглавпггаба возлагалось ведение стратегической разведки. Однако главного не было в «Общем положении» и в «Руководящих соображениях»: они не устраняли многоцентричности руководства разведкой.

В сентябре 1918 года произошло важное событие — появился на свет Революционный Военный Совет Республики (РВСР). В следующем месяце на базе штаба ВВС и Оперода Наркомвоена создается штаб РВСР. Разведотдел штаба возглавил Борис Шапошников. Вскоре созданный штаб преобразуется в Полевой штаб РВСР. Оперод пере-подчиняется РВСР и получает новое название — Управление дел РВСР. Вся разведку планируется сосредоточить в этом управлении.

Однако следом выходит новый приказ РВСР, в котором говорится, что руководство разведкой переходит в ведение Полевого штаба РВСР. В штате Полевого штаба имеется Регистрационное управление (Региступр). Оно и стало первым центральным органом военной разведки.

Начальником Региступра назначили комиссара Полевого штаба РВСР Семена Аралова. Большинство сотрудников пришло под команду Семена Ивановича из Оперода Наркомвоена. Среди них консультант Георгий

Теодори, начальник агентурного отдела Владимир Тарасов, комиссар Валентин Павулан, начальник агентурного отделения Гавриил Кутырев, его помощники Владимир Срывагин, Александр Николаев.

Летом 1919 года Региступр реформируют. Утверждается новый штат, принимается «Положение». В нем сказано, что Региструпр является центральным органом тайной агентурной разведки и подчиняется он напрямую РВСР, минуя Полевой штаб. Теперь в его штате было три отдела — сухопутный агентурный, морской агентурный и военно-цензурный. Сохранялась группа консультантов. Сменился и начальник Региступра, им стал профессиональный революционер Сергей Гусев (настоящее имя Яков Драбкин).

В утвержденном штате Региступр проработал полгода. 1 января 1920 года появилось новое «Положение» и соответственно новый штат. Руководство Региступром сохраняет за собой РВСР В составе управления четыре отдела — оперативный, мобилизационный, информационный, хозяйственно-финансовый и комендантская часть.

Был назначен и новый руководитель военной разведки. Им стал Георгий Пятаков. Через месяц его сменил Владимир Ауссем.

Летом 1920 года РВСР принимает решение и учреждает институт военных атташе при диппредставительствах республик в странах, с которыми установлены дипломатические отношения. Следует отметить, что это был своевременный шаг. Введение института военных атташе улучшило состояние разведки.

В сентябре того же года утверждается новое «Положение» и штат. Накануне, в августе, к руководству Региступра пришел Ян Ленцман.

К тому времени, когда Гражданская война подходила к своему завершению, в апреле 1921 года РВСР принимает решение: вместо Региступра и разведчасти оперативного управления штаба РККА создается единый орган — Разведывательное управление штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Так строили свою разведку в годы Гражданской войны большевики. А как с этой архиважной задачей справились их противники — представители Белого движения? Однозначно на столь сложный вопрос не ответить. Поэтому рассмотрим все по порядку.

Конечно же, в период формирования антибольшевистских сил старых разведывательных структур уже не существовало. Так что свои спецслужбы белогвардейцам пришлось формировать с нуля. Скажем сразу, что в отличие от большевиков, противники Советской России не имели возможности создавать центральные органы разведки. Поэтому проследим

по театрам боевых действий их развитие по мере зарождения, становления, обретения зрелости, упадка и исчезновения. Ведь в отличие от разведки «красных», спецслужбы «белых» за годы Гражданской войны прошли все «жизненные» этапы и ушли в небытие вместе со своими организаторами и вдохновителями.

Первым среди будущих лидеров Белого движения «пришел в себя» генерал Михаил Алексеев. Уже через месяц после октябрьских событий он начал формировать так называемую Алексеевскую военную организацию. В нее вошли не принявшие советскую власть офицеры, кадеты, студенты. Вскоре эта организация получила наименование Добровольческой армии. Ее возглавил триумвират генералов — Михаил Алексеев, Лавр Корнилов, Алексей Каледин. Первый стал ее Верховным руководителем, второй — командующим, третий возглавил управление Донской областью.

Штаб Добрармии, который подчинялся командующему, состоял из двух отделов — строевого и снабжения. В составе строевого отдела были сформированы разведывательное и контрразведывательное отделения.

Однако без своего управленческого аппарата не мог работать и Верховный руководитель. И потому в июне 1918 года приказом номер один был учрежден военно-политический отдел. Через два месяца в состав отдела вошло и особое отделение, ведавшее делами разведки и контрразведки.

В августе 1918 года генерал Алексеев утвердил «Положение об особом Совещании при Верховном руководителе Добровольческой армии». Был сделан первый шаг к созданию антисоветского правительства на юге России.

После смерти Алексеева должность Верховного руководителя была упразднена, а во главе Добровольческой армии стал генерал Антон Деникин.

Особое Совещание сформировали только к февралю 1919 года. В нем насчитывалось 13 управлений. В военно-морском отделе (позже управлении) учреждена часть Генштаба, в состав которой входило особое отделение, ведавшее разведкой. На это отделение возлагались задачи по ведению заграничной военно-политической разведки, руководство военными агентами и организация взаимодействия между зарубежными представительствами.

Кроме этого функционировала канцелярия помощника главнокомандующего Добровольческой армии, которая занималась сбором и анализом развединформации.

Также при главкоме действовало осведомительно-агитационное

агентство, так называемый ОСВАГ. Кроме агитационно-пропагандистской работы сотрудники агентства занимались «информацией наверх», то есть собирали секретные сведения о деятельности партий, организаций, отдельных лиц. Эту работу ОСВАГа сам генерал Врангель называл «темной стороной деятельности».

В конце 1918 года генерал Деникин и Донской атаман Петр Краснов создали Вооруженные силы на юге России (ВСЮР). Они представляли серьезную военную группировку, в которую входили Добровольческая, Донская, позже Кавказская, Кубанская армии, войска Северного Кавказа, Киевской области, Новороссии и Крыма, Черноморский, Донской флоты, Каспийская военная флотилия и другие формирования.

В штабе главнокомандующего ВСЮР было организовано управление генерал-квартирмейстера, в состав которого входили разведывательные органы.

Такие же службы действовали под руководством Генштаба Военного управления. Подобное построение разведывательных органов было характерным для всего периода правления Деникина.

Исследователи деятельности генерала Деникина единодушно сходятся во мнении, что главнокомандующий не смог отказаться от старой модели управления. Так, историк Николай Кирмель в своей книге «Спецслужбы Белого движения» пишет: «Неповоротливая бюрократическая машина, созданная по образцу рухнувшего царского режима, медленно реагировала на динамично меняющуюся обстановку.

...Лидеры Белого движения на юге России создали беспомощный государственно-управленческий аппарат, не сумевший решить глобальные задачи в кризисных ситуациях».

Немаловажное место в этом аппарате занимала и разведка.

После свержения советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке летом 1918 года начался процесс объединения всех антибольшевистских сил.

24 сентября была создана Уфимская директория (Всероссийского Временного правительства).

4 ноября военным и морским министром назначен бывший командующий Черноморским флотом вице-адмирал Александр Колчак.

В ночь на 18 ноября в Омске вспыхнуло восстание сибирского казачества. Восставшие требовали отставки директории. Было арестовано несколько членов правительства, и на экстренном заседании Совета министров власть передали адмиралу Колчаку, провозгласив его Верховным правителем и Верховным главнокомандующим всеми

сухопутными и морскими вооруженными силами России.

Верховный правитель предпринял реорганизацию штаба ВГК. Разведку передали в управление 2-го генерал-квартирмейстера.

Адмирал Колчак формировал органы военного управления так же по образцу старой царской армии. Он образовал Главный штаб военного министерства.

Константин Сахаров, служивший генералом для поручений в штабе ВГК в своих воспоминаниях «Белая Сибирь» вспоминает: «Все сделанное уже Ставкой, та живая организационная работа, которая создавала армию, все ее начинания были забракованы, как плод незрелый и не подходящий под узкие старые рамки».

Таким образом, в Главном штабе открыли осведомительный отдел, а в нем разведотделение. Позже его передали в квартир-мейстерский отдел.

Весной 1919 года — новая реорганизация. Теперь создали военно-окружной штаб, а в его составе разведуправление. Однако ничего толкового из этого не получилось, штабы были большие, громоздкие, неповоротливые.

В составе Морского министерства также существовало свое небольшое разведотделение.

Летом 1919 года при управлении делами Верховного правителя развернули особый отдел, своего рода политическую разведку. Целью этого отдела было «широкое развитие дезорганизующей деятельности в тылу большевиков». Однако «широкие» планы так и остались на бумаге. Отдел не смог реально развернуть работу и прекратил свое существование.

В это же время Колчак проводил новую реформу своих штабов. К тому подталкивала неблагоприятная обстановка, складывающаяся на фронтах. Войска южной группы Восточного фронта «красных» продолжали продвижение вперед. Уже пали Екатеринбург и Челябинск.

25 июня была обнародована новая структура военного управления. Во главе стояли адмирал Колчак и его Ставка. Первыми помощниками являлись военный министр и начальник штаба.

Разведка находилась в ведении управления 2-го генерал-квартирмейстера.

К сожалению, и эта реформация не принесла положительных результатов. К осени положение войск Колчака значительно ухудшилось.

1 октября 1919 года Ставка и Походный штаб ВГК преобразованы в управления Восточного фронта. Разведотдел вошел в состав отдела генерал-квартирмейстера. Это были последние реформы адмирала Колчака. К началу 1920 года его армия разгромлена, а сам он сложил все полномочия

и передал верховную власть Деникину.

На севере России в Архангельске в ночь с 1 на 2 августа 1918 года подпольная белогвардейская организация свергла большевистскую власть. Было образовано Верховное управление Северной области. Началось формирование воинских подразделений. Назначен командующий русскими сухопутными и морскими силами Северной области. У него в подчинении числится и военнорегистрационное отделение.

Однако Верховное управление работало не долго. Через месяц с небольшим, произошел переворот, арест членов управления, и военный отдел переименовали в управление командующего Северной области.

6 августа 1919 года Верховный правитель назначил генерала Евгения Миллера главнокомандующим Северным фронтом.

После ухода из Архангельска интервентов — войск Великобритании, армия Миллера просуществовала менее полугода. К концу февраля 1920 года она была разгромлена «красными».

На северо-западе России белогвардейские подразделения начали формироваться при поддержке немцев осенью 1918 года. В октябре собрали Отдельный Псковский добровольческий корпус Северной армии. Во главе него встал генерал Алексей Вандам. Кстати, мы рассказывали о нем в одной из предыдущих глав.

В штабе Вандама работало и разведотделение. Однако части корпуса потерпели поражение и перешли на эстонскую территорию.

В сентябре — октябре 1919 года Северо-Западный фронт под командованием генерала Юденича начал наступление на Петроград. В составе его штаба функционировало разведывательное отделение. Но и здесь белые войска потерпели поражение.

В заключение следует отметить, что с окончанием Гражданской войны и разгромом антисоветских войск Белое движение не закончило свое существование. Оказавшись в эмиграции, вчерашние генералы и офицеры русской армии продолжили борьбу с большевистским режимом. Важную роль в этой борьбе играли вчерашние военные разведчики России. 20-е и начало 30-х годов было ознаменовано упорным противостоянием белогвардейских спецслужб в изгнании с советской разведкой и контрразведкой.

Кадры решают все

Революция поставила перед разведчиками тяжелый выбор: с кем идти дальше? Служить ли новой власти или, наоборот, выступить против нее. Каждый сам решал, как ему быть. От этого выбора зависела не только будущая служба, карьера, но нередко и жизнь.

Те и другие, и «белые» и «красные», крайне нуждались в профессиональных военных кадрах. И конечно же, в разведчиках. Ибо ценность развединформации во время боевых действий неизмеримо высока. А грамотные, опытные разведчики поистине на вес золота. Отсюда и их положение в верхних эшелонах власти в период Гражданской войны.

Возьмем, к примеру, большевиков. Разведчик, военный агент, генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Николай Потапов, после октябрьских событий 1917 года возглавляет не только Главное управление Генерального штаба, но и является помощником управляющего Военным министерством, а также управляющим делами Наркомвоена.

Летом 1918 года Николай Михайлович назначен членом Высшего военного совета, а через год — председателем Военного законодательного совета РСФСР. По сути, он занимает ведущие воинские должности в республике.

И генерал Потапов не единственный «из бывших», кто становится у руля руководства вооруженными силами Советов. После создания Высшего военного совета, заместителем руководителя Михаила Бонч-Бруевича назначен бывший офицер Генштаба, кадровый военный разведчик генерал-майор Александр Самойло.

Александр Александрович много лет отдал разведке. Служил старшим адъютантом разведывательного отделения штаба Киевского военного округа, неоднократно выезжал в зарубежные разведкомандировки: в 1903 году в Австро-Венгрию, в 1905-м в Германию и Англию. В Первую мировую войну — он делопроизводитель управления генерал-квартирмейстера Ставки, помощник генерал-квартирмейстера штаба Западного фронта, генерал-квартирмейстер 10-й армии.

В феврале 1918 года добровольно вступил в Красную Армию. В мае 1919 года был назначен командующим Восточным фронтом. Через год возглавил Всероссийский Главный штаб.

В 1940 году удостоился звания генерал-лейтенанта. Его перу принадлежит свыше 50 научных трудов.

Помощником начальника оперативного управления Высшего военного совета по разведке стал полковник Генштаба Александр Ковалевский. Служба этого офицера сложилась трагически. В мае 1918 года его направят на юг, где он возглавит мобилизационное управление Северо-Кавказского военного округа. Здесь Александра Николаевича арестуют вместе с генералом Носовичем, но потом, по настоянию Троцкого, выпустят и переведут на Южный фронт. Однако после побега Носовича к белым Ковалевского расстреляют.

На смену Ковалевскому в штаб ВВС придет полковник Генштаба Борис Шапошников.

Борис Михайлович опытный, боевой офицер, прошел многие должности в русской армии: командовал ротой, был начальником штаба казачьей бригады, дивизии, корпуса. Руководил Мингрельским полком, Кавказской гренадерской дивизией. Занимался он и ведением разведки во фронтовых условиях — служил штаб-офицером в управлении генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего Северо-Западного фронта.

Из всех генералов и офицеров царской армии Шапошников сделает, пожалуй, самую блестящую карьеру — станет начальником Генерального штаба Красной Армии, Маршалом Советского Союза.

Генерал-майор Павел Лебедев, генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта, в 1918 году также вступит в Красную Армию. Летом 1919 года он уже начальник штаба, потом исполняющий должность командующего войсками Восточного фронта. Участвует в разработке и проведении крупнейших операций по разгрому Колчака, Деникина. Юденича.

В 1921 году Павел Павлович возглавит штаб РККА и одновременно Военную академию Красной Армии.

После Октябрьской революции на сторону советской власти перешел еще один разведчик, с 1903 года проходивший службу в Генштабе. Его имя Александр Балтийский.

В ноябре 1918 года Александра Алексеевича назначат командующим 4-й армией Восточного фронта. С августа 1919 года он выдвинут на должность начальника штаба Туркестанского фронта.

Начальниками Всероссийского главного штаба станут талантливые русские военные разведчики — генерал-майор Николай Стогов (май — август 1918 года) и Александр Свечин (август — октябрь 1918 года).

Правда, Стогов вскоре переметнется к белым, а Свечин продолжит службу в Красной Армии, станет известным военным ученым, профессором Академии Генштаба, получит звание комдива.

Помощник делопроизводителя Главного управления Генштаба генерал-майор Федор Костяев возглавит Полевой штаб Реввоенсовета республики, позже — штаб Главнокомандующего всеми Вооруженными силами страны.

Делопроизводитель ГУГШ в 1908–1910 годах Владимир Егорьев получит высокий пост командующего войсками Юго-Западного фронта, а с июля 1919 года — командующего Южным фронтом.

Штаб-офицер при командующем 2-й Маньчжурской армии Василий Новицкий уже в ноябре 1917 года будет назначен главнокомандующим Северным фронтом, а через год — заместителем руководителя Высшей военной инспекции РККА.

Помощник делопроизводителя части 2-го обер-квартирмейстера ГУГШ Сергей Одинцов в ноябре 1919 года станет командующим армией.

Начальник отделения Главного штаба в 1901–1905 годах Федор Подгурский примет под свою команду сначала Старорусскую, а потом 2-ю Новгородскую дивизию.

Таким образом высококлассные военные разведчики, имеющие фронтовой опыт Русско-японской и Первой мировой войны, оказывались в Красной Армии на самых высоких, ответственных и почетных должностях — начальниками штаба Вооруженных сил, командующими округами, фронтами, армиями, но непосредственно созданием, строительством разведки не занимались. Безусловно, в силу своих служебных обязанностей, как руководители крупных вотских объединений и соединений, при организации боевых действий, разработке операций, они пользовались данными разведки, ставили задачи подчиненным разведслужбам, но на этом их участие в развитии этого важнейшего направления заканчивалось.

А кто же конкретно занимался разведкой в Красной Армии? О структурах мы поговорили в предыдущей главе, теперь речь о людях разведки, кадровом составе центральных разведподразделений.

С кадрами, откровенно говоря, было туго. Напомним, что Регистрационное управление, как первый центральный орган военной агентурной разведки, был утвержден секретным приказом РВСР 5 ноября 1918 года. С этого дня и ведет отсчет советской, а теперь и российской истории Главное разведывательное управление Генерального штаба Вооруженных сил.

Первым начальником Региступра стал штабс-капитан царской армии Семен Аралов. К тому времени он уже член Революционного Военного Совета Республики, член Реввоентрибунала, комиссар

Полевого штаба РВСР. Теперь ему еще доверили руководить военной разведкой.

Семен Иванович военного образования не имел. Окончил коммерческое училище. Военскую повинность отбывал всего год в Перновском гренадерском полку в качестве вольноопределяющегося. Там он и примкнул к революционному движению.

Уволившись из армии, работал в Московском комитете РСДРП.

Второй раз его призвали в период Русско-японской войны, весной 1905 года, и зачислили прапорщиком в Ростовский полк. Отправили на фронт в Маньчжурию.

Однако и там он вел активную революционную пропаганду, за что был осужден и приговорен к смертной казни. Бежал, вернулся в Москву, поступил в коммерческий институт.

В третий раз Аралова призвали на службу в июле 1913 года. Назначили ротным командиром в 215-й Сухаревский пехотный полк.

Первый бой со своей ротой прапорщик Семен Аралов встретил в Восточной Пруссии. Воевал храбро и умело. Заслужил пять орденов и звание штабс-капитана.

В феврале 1917 года его назначили старшим адъютантом 174-й пехотной дивизии. Как раз на этой должности он и должен был заниматься разведкой.

Но грянула Февральская революция, и штабс-капитану стало не до разведки. Семен Иванович вновь окунулся в революционную стихию. Его избрали председателем комитета дивизии, потом Аралов возглавил фракцию социал-демократов в комитете армии.

В январе 1918 года Семена Ивановича демобилизуют и направляют в распоряжение московского воинского начальника. И тут комиссар округа Емельян Ярославский рекомендует его на новое место работы — предлагает возглавить фронтовой оперативный отдел областного комиссариата.

Пройдет несколько месяцев, и Аралов станет первым руководителем Региступра. Немногим более полугода проработал он на этом посту. Летом 1919 года сдал дела Сергею Гусеву (Якову Драбкину), большевику с дореволюционным стажем. Еще в 1896 году, будучи студентом Технологического института, Сергей Иванович вступил в революционную организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Гусев-Драбкин был участником знаменитого II съезда РСДРП. В октябрьские дни 1917 года он секретарь военно-революционного комитета Петрограда.

Разумеется, Сергей Иванович тоже был далек от разведки. Познакомиться со всеми тонкостями этой службы не успел. Через полгода получил назначение членом РВС Юго-Восточного фронта. Ему на смену пришел Дмитрий Курский.

Дмитрий Иванович по образованию юрист, работал помощником присяжного поверенного, консультантом при Съезде судей. В партию большевиков вступил в 1904 году.

В апреле 1918 года его назначили наркомом юстиции. Но вскоре тоже отправили на фронт, где он занимался мобилизационной работой на Восточном фронте, комиссарил. В декабре 1919 года Курский возглавил военную разведку. Правда, проработал Дмитрий Иванович на этом посту всего два месяца.

Вместо него пришел старый партиец, бывший председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины Георгий Пятаков. Начальником Региступра Георгий Леонидович трудился еще меньше Курского, всего полтора месяца, и в феврале 1920 года убыл в распоряжение Председателя РВС Льва Троцкого.

Сменил Пятакова Владимир Ауссем. Выпускник политехнического института, с армией его связывал разве что кадетский корпус, который он окончил в юности.

Справедливости ради, надо сказать, что Владимир Христианович не сразу назначается начальником разведки. В декабре

1919 года он всего лишь начальник отделения Региступра, в январе 1920 — помощник, затем заместитель начальника управления, а 14 февраля становится во главе военной разведки.

Полгода судьба отвела Ауссему на работу во главе Региступра. В августе 1920 года назначен новый руководитель. Им стал Ян Ленцман. В его бытность Регистрационное управление стало Разведывательным управлением. Ян Давидович так же был профессиональным революционером, членом партии большевиков с 1899 года. По профессии слесарь-электромонтер. Он покинул свой пост в апреле 1921 года.

Таким образом, за период Гражданской войны во главе советской военной разведки сменилось 6 руководителей. Никто из них не был не только разведчиком, но даже профессиональным военным. Исключение в какой-то мере может составить разве что Семен Аралов. Он хоть и не имел военного образования, но был участником двух войн и дослужился до звания штабс-капитана. Однако так выглядит, образно выражаясь, «первая шеренга» начальников. Судя по всему, большевики не решались доверить пост руководителя военной разведки бывшему царскому генералу или

офицеру. И потому тасовали и без того тощую кадровую колоду старых партийцев, так и не найдя подходящую кандидатуру.

Впрочем, эти назначения до сих пор являются загадкой. Ведь должности начальника Всероссийского главного штаба или, к примеру, руководителя Высшего военного совета, командующих округами и фронтами, которые занимали «бывшие» генералы Бонч-Бруевич, Самойло, Свечин, Стогов и другие, в военной иерархии государства значительно более высокие и ответственные. Однако их замещали в основном «военспецами», а тут исключительно видные большевики-партийцы с дореволюционным стажем.

В то же время, если оглянуться на подчиненных этих «видных большевиков», которые, собственно, и тащили основной груз работы, то здесь, надо признать, мы видим в основном профессионалов.

Пусть и не самых опытных (генералы и полковники разведки ушли в руководящие органы армии) и образованных (большинство выпускники ускоренного курса Академии Генштаба), тем не менее все они боевые офицеры, служившие в строю, бывавшие в бою, и теперь осваивающие премудрости руководства военной агентурной разведкой.

Первым помощником Семена Аралова был консультант, капитан Генштаба Георгий Теодори. Главком И. Вацетис говорил о нем как «о человеке очень энергичном, талантливом и хорошо осведомленном». Правда, были и другие оценки его деятельности. Генерал Бонч-Бруевич считал Теодори «бесцеремонным и развязным». Не будем вдаваться сейчас во внутренние распри военных чинов. Тем более что действительно у Бонч-Бруевича были не самые теплые отношения с курсовиками «выпуска Керенского», и к его оценкам надо относиться весьма осторожно.

Начальником агентурного отдела назначили бывшего капитана Генштаба Владимира Тарасова, но он вскоре убыл на фронт. На его место пришел Гавриил Кутырев. Начальником отделения стал Владимир Срывалин. Оба они — бывшие капитаны Генштаба.

Обучением и подготовкой будущих разведчиков занимались специальные курсы. На них в течение двух месяцев обучались красноармейцы, направленные штабами армий. В феврале 1918 года состоялся первый выпуск курсов. В войска ушли 29 специалистов разведки и контрразведки.

В июне курсы выпустили уже 60 человек. Казалось бы, работа по укреплению и совершенствованию разведслужбы налаживается, однако в начале июля 1919 года по Полевому штабу и Региступру был нанесен удар особым отделом ВЧК.

По обвинению в участии в контрреволюционной организации и подготовке переворота обвинен и арестован действующий Главнокомандующий вооруженными силами Республики И. Вацетис. Факт, можно сказать, беспрецедентный.

Взято под стражу все ближайшее окружение Главкома — порученец Евгений Исаев, находившийся в распоряжении Николай Доможиров, сотрудник для поручений начальника Полевого штаба Александр Малышев. Арестованы также начальник разведотделения Борис Кузнецов и консультант этого же отделения Юлий Григорьев.

Заместитель председателя особого отдела ВЧК И. Павлуновский в докладе по «делу о белогвардейской организации в Полевом штабе» обвинил арестованных в том, что они установили связи со штабами Деникина и Колчака, готовили свержение власти путем внутреннего переворота и стремились захватить аппарат управления армией в свои руки.

Однако «дело Полевого штаба» лопнуло как мыльный пузырь. Президиум ВЦИК постановил дело Вацетиса прекратить.

Доможирова, Исаева и Григорьева амнистировали. Освободили и разведчиков — Кузнецова и Малышева. Тем не менее институт консультанства при Региступре был упразднен. Личный состав консультантов направлен на фронт. Георгий Теодори к тому времени уже несколько месяцев сидел в тюрьме, обвиненный в шпионаже.

В сентябре 1919 года арестовали и его сменщика на посту консультанта, бывшего капитана Генштаба Вольдемара Зиверта.

Чекисты провели чистку и на курсах разведки. Хорошая половина курсантов была отчислена и направлена в войска.

Подвергли проверке «особисты» и периферийные органы, а также агентурную сеть. Многих действующих сотрудников отчислили от службы в разведке, посчитав их неблагонадежными.

Сомнений нет, чистку следовало провести, поскольку в рядах разведчиков были и «засланные казачки», и провокаторы, и затаившиеся недоброжелатели советской власти. Однако к этому мероприятию следовало подойти осторожно, внимательно и профессионально. К сожалению, все произошло иначе. В очередной раз вместе с водой выплеснули ребенка.

Генерал Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях так оценивает состояние разведки после проведения чекистских чисток.

«Сведения о противнике должно было дать мне разведывательное отделение; их я и затребовал.

Для доклада о противнике ко мне в кабинет явился молодой человек того «чекистского» типа, который уже выработался. И хотя я никогда не имел против чрезвычайных комиссий и от души уважал Дзержинского... «чекистская» внешность и манеры (огромный маузер, взгляд исподлобья, подчеркнутое недоверие к собеседнику и безмерная самонадеянность) моего посетителя мне сразу же не понравилась. В довершение всего, вместо просимых сведений он с видом победителя... выложил на мой письменный стол целую серию брошюр, отпечатанных типографским способом.

Прочитав все эти материалы, я тотчас убедился, что они не содержат ничего из того, что мне необходимо...

На заданные мною дополнительные вопросы о противнике молодой человек не смог ответить, и я не без удивления узнал, что он как раз и является начальником разведывательного отделения.

Из дальнейших расспросов выяснилось, что в старой армии мой посетитель был писарем какого-то тылового управления, военного дела совершенно не знает и о той же разведке имеет самое смутное представление».

Для разведки Красной Армии подобные «чекисты-писаря» были смерти подобны. И если они не понимали этого, в силу своей ограниченности, то руководители Полевого штаба прекрасно осознавали опасность.

Поэтому вскоре на место арестованного Кузнецова пришел бывший царский полковник Борис Шапошников. В конце 1919 года Бориса Михайловича сменил подполковник Генштаба Константин Берендс.

Достаточно часто менялись начальники подразделений Реги-ступра. Так за полтора года с лета 1919 года по декабрь 1920-го сменилось 6 руководителей агентурного отдела — В. Зиверт, Н. Чихиржин (кстати, выпускник курсов разведки), В. Вальтер, В. Соколов, А. Аппен, Я. Берзин.

Впрочем, в соответствии со штатом, утвержденным 1 сентября 1920 года, в руководящем звене Региступра появились люди, которые в будущем станут гордостью нашей разведки, что уже само по себе было положительным и говорило о некоторой стабилизации разведорганов Красной Армии. Среди таких можно назвать А. Зейбота, Р. Лонгву, С. Будкевича, П. Озолина, В. Груздупа, О. Стиггу, К. Звонарева.

Разумеется, речь идет лишь о сотрудниках, работающих в центральном аппарате советской военной разведки во время Гражданской войны. О региональных работниках, зарубежной агентуре и их деятельности мы расскажем в последующих главах.

«Планы городов и укреплений»

В годы Гражданской войны во главе ведущих белогвардейских государственных образований встали профессиональные разведчики. Первым среди них был Верховный Главнокомандующий Русской армии, генерал от инфантерии Михаил Алексеев. Он стал создателем и Верховным руководителем Добровольческой армии.

Большую часть своей службы Михаил Васильевич посвятил разведке. До октября 1917 года он прошел три войны — Русско-турецкую 1877–1878 годов, Русско-японскую и Первую мировую. Сражался в составе отряда генерала Михаила Скобелева, получил ранение под Плевной.

Поступил в Николаевскую военную академию, за успехи в обучении удостоился Милютинской премии. По выпуску был назначен старшим адъютантом 1-го армейского корпуса. В его обязанности входила организация разведки в соединении.

В 1894 году подполковник Алексеев получает назначение в Главный штаб на должность сначала младшего делопроизводителя, а потом и старшего делопроизводителя канцелярии Военноученого комитета. Одновременно Михаил Васильевич становится профессором военной академии, читает лекции по истории военного искусства.

С началом Русско-японской войны генерал-майор Алексеев возглавит генерал-квартирмейстерскую службу 3-й Маньчжурской армии.

В сентябре 1906 года он возвратился в Генеральный штаб на должность обер-квартирмейстера. Через два года его назначат начальником штаба Киевского военного округа. Таким образом, организацией и ведением разведки Михаил Алексеев занимался 18 лет.

В руководстве Добровольческой армии был и еще один признанный военный разведчик — генерал от инфантерии Лавр Корнилов.

Окончив Михайловское артиллерийское училище по первому разряду, он мог претендовать на службу в гвардии, но отказался. Уехал в Туркестанский военный округ.

После Академии Генерального штаба, обучение в которой Лавр Георгиевич завершил с малой серебряной медалью и «с занесением фамилии на мраморную доску с именами выдающихся учеников» он вновь отказался от службы в Санкт-Петербурге. Уехал в любимый Туркестан. Здесь и началась его деятельность в качестве разведчика. Теперь разведка стала воинской профессией капитана. Он назначается на должность

помощника старшего адъютанта штаба округа.

Переодевшись туркменом и пользуясь своей азиатской внешностью (мать его была казашкой), он совершает длительные разведывательные экспедиции в Кашгарию, Афганистан, Персию. Итогом его поездок стал «Военный отчет по Кашгарию», в котором содержались «планы городов и укреплений Восточного Туркестана». Написал Корнилов и книгу о своих путешествиях для широкой общественности, и тем самым внес весомый вклад в географическую и этнографическую науки.

Штабом округа были проведены походы и разведывательные рекогносцировки на Памир, в которых также приняли участие офицеры Лавр Корнилов и Николай Юденич.

В ноябре 1903 года Корнилова направили в командировку в Индию. Находился он там якобы с целью «изучения языков и нравов местных народов», на самом деле перед ним была поставлена задача разведки гарнизонов английских колониальных войск.

Лавр Георгиевич успешно справился с задачей, представил полный отчет, и вскоре летом 1904 года его перевели в Генеральный штаб. Однако столичная служба была не по нутру боевому офицеру. Он подал рапорт о переводе его в действующую армию. Так начались фронтовые будни Корнилова.

За войну он получил несколько наград, в том числе и орден Святого Георгия 4-й степени за личную храбрость во время боевых действий под Мукденом.

По окончании войны Корнилов продолжает заниматься разведкой: в 1907–1911 годах он служит военным агентом в Китае.

В Первую мировую войну Лавр Георгиевич вступает в должность начальника 48-й пехотной дивизии, которая входит в армию генерала Брусилова.

Главнокомандующий Добровольческой армией, а позже и Вооруженными силами на Юге РоссTM генерал-лейтенант Антон Деникин в период Русско-японской войны был лихим разведчиком-диверсантом. Он служил в Варшаве, и отправка его полка на фронт не планировалась. Однако капитан Деникин не собирался отсиживаться в тылу, он добивается личного разрешения и убывает в действующую армию. Антон Иванович проходил службу офицером для поручений штаба Забайкальской казачьей дивизии генерала Ренненкампа, а в декабре 1904 года возглавил штаб Уральско-Забайкальской дивизии генерала Мищенко, которая совершала глубокие разведывательно-диверсионные рейды в тыл противника.

В мае 1905 года Мищенко и Деникин спланировали и осуществили

успешную диверсионную операцию.

«Разгромлены две транспортных дороги со складами, запасами и телеграфными линиями, — вспоминал Антон Иванович о том рейде, — уничтожено более 800 повозок с ценными грузами и уведено более 200 лошадей, взято в плен 234 японца (50 офицеров) и не менее 500 выведено из строя».

По возвращении с Дальнего Востока Деникин занимал штабные и командные должности, но накануне Первой мировой войны его назначили генерал-квартирмейстером 8-й армии. Правда, в штабе он долго не засиделся. Подал рапорт о переводе в войска и вскоре возглавил 4-ю стрелковую («Железную») бригаду.

Верховный правитель России и Верховный главнокомандующий Русской армией адмирал Александр Колчак известен не только как военный деятель, но и путешественник, полярный исследователь, ученый-океанограф.

Разумеется, все его гидрографические и океанографические наблюдения, исследование малоизученных северных территорий работали, прежде всего, на укрепление военно-морской мощи Российской империи. Его экспедиция на шхуне «Заря», на остров Беннета, дали возможность Главному гидрографическому управлению Морского министерства издать три карты, на которые была нанесена западная часть побережья Таймыра и побережье Котельного острова с Нерничьей бухтой.

Именно Колчак заложил основы учения о морских льдах.

После поражения в Русско-японской войне по инициативе морских офицеров, которые тяжело переживали поражение и фактическую гибель флота, был создан военно-морской кружок. Его возглавил лейтенант Александр Колчак.

Офицеры-патриоты выступили с инициативой образования Морского Генерального штаба. А когда его создали в 1906 году, первым начальником отделения русской статистики стал Колчак.

Следует отметить, что большой мечтой Александра Васильевича было открытие Северного морского пути, и он немало сделал для ее осуществления.

Александр Колчак в годы, предшествующие Первой мировой войне, не только активно занимался судостроительной программой России, готовил флот к войне, обучал морских офицеров, но и изучал и анализировал деятельность морских генеральных штабов ведущих мировых держав. В 1912 году вышла его книга с грифом «не подлежит оглашению» под названием «Служба Генерального штаба».

На севере России Белое движение возглавлял генерал-лейтенант Евгений Миллер. Он являлся генерал-губернатором Северной области и главнокомандующим русскими сухопутными и морскими силами.

В предыдущих главах мы уже упоминали Евгения Карловича. Он служил военным агентом России в Брюсселе и Гааге, потом в Риме. С 1909 года Миллер 2-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба. Летом 1917 года Евгений Карлович назначен представителем Ставки Верховного главнокомандующего при Итальянской главной квартире.

После прихода большевиков к власти он отказался подчиняться ГУГШ.

Разгром большевиками Северной Армии, заставил Миллера покинуть страну. Жил в эмиграции, однако продолжал бороться с советской Россией. После похищения генерала П. Кутепова возглавил Российский общевойсковой союз (РОВС). Но это уже тема отдельного разговора, и она еще впереди.

Однако самым видным разведчиком среди вождей Белого движения, на мой взгляд, был будущий атаман Войска Донского генерал-лейтенант Петр Краснов. Наряду с военной службой у Петра Николаевича в душе горела еще одна «пламенная страсть» — он любил литературу. Сам писал рассказы из казачьей жизни, рано стал публиковаться в газетах и журналах. Его можно считать классическим разведчиком-«крышевиком». Уже в 1901 году, во время Боксерского восстания в Китае, он действует под прикрытием корреспондентской должности газеты «Русский инвалид». Результатом его работы становится обстоятельный доклад в Главный штаб, а для широкой общественности книга «Борьба с Китаем».

В 1902 году Петр Николаевич едет в командировку в Закавказье, работает на турецкой и персидской границах.

С началом Русско-японской войны с удостоверением корреспондента «Русского инвалида» Краснов на Дальнем Востоке, на театре боевых действий. Его успехи в разведывательной деятельности и в журналистике отмечены боевыми наградами. Офицер удостоен аудиенции императора. «Приняли атаманца Краснова, — запишет Николай II в своем дневнике 3 января 1905 года, — ко-торый приехал из Маньчжурии, он рассказал много интересного о войне... Он пишет статьи о ней».

Итак, подводя некоторые, хотя бы промежуточные итоги, можно утверждать: в Белом движении, как впрочем, и в Красной Армии, ведущие военно-политические, командные и штабные должности заняли бывшие разведчики. В таком случае возникает вопрос — кто же в белогвардейских

образованиях непосредственно руководил разведкой. Увы, однозначно тут не ответить. Ибо случалось по-разному. Например, первым руководителем разведывательного отделения Добровольческой армии стал полковник Владимир Баркалов. Боевой офицер, прекрасный артиллерист, участник Первой мировой войны, командир батареи 132-го отдельного артдивизиона. За храбрость и мужество награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. Участник октябрьских боев с большевиками в Москве.

Все эти заслуги по делам, но они никакого отношения не имеют к разведке, как и сам их обладатель.

Справедливости ради, надо сказать, что Баркалова все-таки заменили, и он успешно служил в бронепоездных частях Добровольческой армии. Ему на смену пришел подполковник Сергей Ряснянский. Нельзя сказать, что Сергей Николаевич обладал богатым опытом работы в разведке. Однако за плечами у этого тридцатидвухлетнего офицера была война, служба в гусарском Ингерманландском полку. Тяжелые бои, орден Святого Георгия, в конечном итоге перевод в состав Генштаба, и назначение на должность старшего адъютанта кавалерийской дивизии. Это означало, что Ряснянский возглавил разведку соединения.

Потом он был выдвинут на повышение в штаб армии. И там он занимался разведкой. И, наконец, Ряснянский назначен в разведывательный отдел Ставки Верховного Главнокомандующего.

Некоторое время разведку Добровольческой армии возглавляет полковник Борис Бучинский. Его биография во многом похожа на биографию Ряснянского. Тоже участник войны, награжден Георгиевским оружием. Служил старшим адъютантом штаба пехотной дивизии, потом старшим адъютантом отдела генерал-квартирмейстера 5-й армии. Во время 2-го Кубанского похода Добрармии возглавлял разведотделение управления генерал-квартирмейстера.

Однако надо признать, что действиями этих молодых подполковников и полковников, не имеющих достаточного опыта разведывательной работы, руководили генерал-квартирмейстеры.

Так, генерал-квартирмейстером штаба главнокомандующего ВСЮР с января 1919 по февраль 1920 года был генерал-майор Юрий Плющевский-Плющик.

Он участвовал еще в Русско-японской войне, кстати, ушел на фронт добровольно, оставив учебу в Академии Генерального штаба. Вернувшись с войны, завершил обучение и был принят в ГУТШ.

С началом Первой мировой войны Юрий Николаевич вновь в

действующей армии. Он помощник начальника отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Северо-Западного фронта. В конце 1914 года Плющевский-Плющик старший адъютант отдела генерал-квартирмейстера 10-й армии.

В 1917 году его назначают исполняющим должность 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем. Однако до этого он успеет покомандовать 202-м пехотным Горийским полком, послужить в родной Академии Генштаба.

Плющевского-Плющика сменил генерал Петр Махров. Он так же, будучи слушателем Академии Генерального штаба, уедет по собственному желанию на войну — в 3-ю Маньчжурскую армию.

Возвратится, завершит учебу и будет назначен помощником старшего адъютанта штаба Виленского военного округа. Дальше проходит службу в должности старшего адъютанта управления генерал-квартирмейстера штаба 8-й армии генерала Брусилова, а потом исполняет обязанности генерал-квартирмейстера этой же армии.

В сентябре 1917 года произведен в чин генерал-майора и назначен генерал-квартирмейстером 12-й армии.

Зимой 1920 года, когда отступление белых армий Юга России под ударами красных приняло крайне сложный характер, генерал Деникин выдвинул Махрова на должность генерал-квартирмейстера штаба ВСЮР.

Через месяц Махров стал начальником штаба ВСЮР. Вместо себя рекомендовал знакомого ему по прежней службе в армии Брусилова — генерал-майора Германа Коновалова.

Итак, Плющевский-Плющик, Махров, Коновалов. Сюда же можно отнести и генерал-квартирмейстера Северо-Западной армии Бориса Малявина. Все эти генералы обладали большим опытом ведения разведки, нежели подчиненные, однако переоценивать их знания и умения тоже не следует. Практически все они получили столь ответственные должности генерал-квартирмейстеров впервые в штабах своих армий — ВСЮР и в Северо-Западной армии. Исключением может являться разве что генерал-майор Павел Рябиков, который после Февральской революции отозван с фронта в Петроград и назначен помощником 2-го обер-квартирмейстера, а после октября 1917 года становится 2-м генерал-квартирмейстером ГУГШ.

Гражданская война, глубокий социальный разлом вызвал и вовсе необычное явление — приход в разведку не только военных, офицеров, но и людей совершенно разных профессий и происхождения, до этого не имевших никакого отношения к армии и флоту.

Их было достаточно много среди большевиков, и об этом мы уже

говорили. Нечто похожее происходило и в рядах белогвардейских армий. Примером тому коллежский асессор М. Рындин, который возглавлял отделение Генштаба и военно-регистрационное отделение военного отдела Высшего Союзного командования на Севере России, инженер М. Афанасьев, стоявший во главе Особого отделения при штабе Походного атамана Донской Армии.

Однако самой колоритной фигурой, несомненно, был статский советник Владимир Орлов, стоявший во главе правительственной разведки. Он окончил юридический факультет Варшавского университета, работал в Московском окружном суде.

Во время Русско-японской войны поступил на службу и убыл на фронт в Маньчжурию. По окончании боевых действий уволился в запас по здоровью, в звании прапорщика артиллерии. Трудился следователем.

С началом Первой мировой войны был вновь призван, сначала в артиллерийский дивизион, потом переведен на должность переводчика в разведотдел штаба Северо-Западного фронта. За несколько лет Орлов сделал головокружительную карьеру: летом 1917 года он уже заместитель начальника контрразведки Ставки.

Прапорщик оказался человеком весьма талантливым. По заданию генерала Алексеева в январе 1918 года он проникает в Петроград, и по рекомендации самого Бонч-Бруевича становится во главе Центральной уголовно-следственной комиссии при Совете комиссаров Союза коммун Северной области. Мандат ему подписывает лично Ф. Дзержинский.

Что было потом и как работал белый резидент Владимир Орлов, мы расскажем в следующих главах, в которых речь пойдет об агентурных операциях как советской, так и белогвардейской разведок.

Говоря о кадровом составе разведки белогвардейских армий, нельзя не вспомнить и о стратегических зарубежных силах. В отличие от большевиков у белых они были. Русские военные агенты находились в Великобритании, в Бельгии и Нидерландах, в Швеции и Норвегии, в Дании, в Италии, во Франции, в Греции, в Румынии, в США, Японии и Китае.

После октябрьских событий 1917 года практически никто из них на родину не вернулся. Однако не все согласились служить лидерам Белого движения. Известно, что некоторые агенты представляли Верховного правителя адмирала Колчака, командующего ВСЮР генерала Деникина, главнокомандующего Русской армией генерала Врангеля, а то и всех вместе. Таким представителем служил военный агент в Дании генерал-майор Сергей Потоцкий. По поручению Деникина и Врангеля в 1919–1920

годах в Германии находился генерал-майор Иван Хольмсен. В 1922–1924 годах во Франции он представлял Деникина. Военный агент генерал-майор Максим Леонтьев представлял Русскую армию в Праге в 1920–1923 годах.

Бывший морской агент в Великобритании адмирал Иван Бо-стрем помогал белогвардейцам восстанавливать их корабли.

Немало бывших военных и морских агентов сражались в рядах белогвардейских войск. Они командовали дивизиями, армиями, возглавляли штабы, различные службы и, к сожалению, волей обстоятельств были удалены от разведки. Под знаменами Колчака, Деникина, Врангеля, Юденича сражались генералы Владимир Агапеев, Ричард Вальтер, Владимир Рооп, Дмитрий Ромейко-Гурко, Георгий Романовский, адмирал Михаил Римский-Корсаков.

Таков был кадровый состав генералов и офицеров, на которых могли опираться лидеры Белого движения. Плох он оказался или хорош, но иного просто не существовало. А вот их работа, дела, подготовка и проведение разведывательных спецопераций, противостояние с противником, умение и желание его обыграть, забытые имена героев разведки Гражданской войны, обо всем этом в следующих главах.

От героев былых времен...

Успех разведки всецело зависит от качества агентуры. Однажды в беседе со мной начальник нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майор Юрий Иванович Дроздов сказал, что агентов много не нужно. Ибо здесь количество не переходит в качество. Важно какие это агенты, их оперативные возможности, доступ к военным и государственным секретам. То есть речь идет о ценных и особо ценных агентах. Были ли такие с той и с другой стороны в период Гражданской войны? Безусловно, были. Правда, о них мало что известно широкой общественности. С одной стороны, в 20—30-е годы прошлого столетия о белогвардейских разведчиках и вовсе не принято было говорить. Вспоминали их разве что в контексте побед ВЧК над «белыми шпионами». Об их «красных» коллегах тоже рассказывали не часто. А после Великой Отечественной войны их и вовсе заслонили новые герои невидимого фронта.

Конечно, Гражданская война жила по своим законам. И с точки зрения нынешнего, классического понимания ведения разведки несла в себе особенные, своеобразные черты. Даже крайне ослабленная репрессиями 1937–1938 годов военная разведка вступила в Великую Отечественную войну как централизованная, структурированная спецслужба, подчиняющаяся единому руководству и действующая по определенным законам и правилам. Революция 1917 года, а вслед за ней и Гражданская война разрушили единое геополитическое, военное, а вместе с ними и разведывательное пространство. И «белые» и «красные» начинали создавать разведку с нуля, как правило, уже в ходе боевых действий. Это, безусловно, наложило свой отпечаток на деятельность агентурной разведки.

Нередко агентам приходилось действовать в отрыве от своих войск, подолгу не имея связи с органами, пославшими их в тыл противника. Так, например, случилось с «адъютантом его превосходительства». Нет не с киношным штабс-капитаном Кольцовым, главным героем известного и всеми любимого фильма, а с настоящим «красным разведчиком» Павлом Макаровым. В тыл его послал Севастопольский областной революционный штаб с заданием, которое не имело ничего общего с агентурно-разведывательной деятельностью. Вместе с группой агитаторов Павел Васильевич должен был заняться делом важным, но весьма прагматичным — набирать добровольцев в ряды Красной Армии. Что, собственно, и делал

подпольщик Макаров.

В одном из районов за Перекопом он узнал о наступлении немцев и решил ехать в Мелитополь. Там его и задержал конный разъезд «белого» полковника Дроздовского.

Павла Васильевича допросили. Он отрапортовался штабс-капитаном, представленным в капитаны на румынском фронте. Назвал командира 134-го Феодосийского полка Шевардина, указал место, где стояла часть, — река Серет. Тот, кто вел допрос молча кивнул. Данные были правильные. Макарова зачислили в одну из рот.

Первое желание — бежать. Однако обдумав свое положение, решил остаться. Понимал: в строю от него толку мало, а вот если пробиться в штаб, а потом найти связь с подпольным комитетом... Совсем другое дело.

Однако легко сказать, да не просто осуществить. Сослаться на ранение? Да, в Первую мировую войну он был и ранен и контужен, но кого этим теперь удивишь. И тогда Макаров в разговоре с офицерами отряда упомянул о своей прошлой работе в качестве шифровальщика. Понимал, специалисты такого рода на вес золота. И, правда, вскоре слух о нем дошел до штаба Дроздовского. Беседа с генералом, и его стремление вознаграждено — Павел Васильевич переведен в штаб.

После ранения Дроздовского дивизию временно возглавил генерал-лейтенант Владимир Май-Маевский. Боевой офицер, он умело воевал в Первую мировую, командовал гвардейским корпусом, имел ордена и золотое оружие. И тем не менее для дроздовцев он так и не стал своим.

Комдив тяжело переживал столь прохладное отношение к себе. И этим воспользовался Макаров. Он не забывал произнести задравный тост в честь нового командира во время штабных застолий, отмечая его боевые подвиги, а потом находил возможность доложить генералу о настроениях офицеров, называл имена недовольных.

Генерал постепенно приблизил к себе лояльного офицера, давал ему поручения, расспрашивал о прошлом Макарова — о семье, об участии в войне, о ранении.

Павел Васильевич к тому времени продумал легенду: он представился Май-Маевскому сыном начальника Сызраньско-Вяземской железной дороги.

После смерти Дроздовского Май-Маевского утвердили командиром дивизии. А должность личного адъютанта он предложил капитану Макарову.

Вскоре генерал Май-Маевский был назначен командиром корпуса, а потом и всей Добровольческой армии. Павел Васильевич стал адъютантом

его превосходительства.

Что, собственно, это означало? Во-первых, блестящий успех молодого «красного» разведчика. Став адъютантом командующего крупнейшей и сильнейшей армии Белого движения, он получил огромные возможности для ведения разведывательной работы.

Много ли мы знаем подобных примеров? Со стороны «красных», пожалуй, он единственный. У «белых» в этот период действовал полковник Алексей Двигубский. Под именем Захарова он являлся помощником командующего Украинским фронтом Владимира Антонова-Овсеенко. Еще можно назвать статского советника Владимира Орлова, который возглавил центральную уголовно-следственную комиссию при Совете комиссаров Союза коммун Северной области. Вот, пожалуй, и все. Что ж, подтверждаются слова генерала Дроздова о том, что ценных агентов много не бывает.

Однако это убеждает не всех. Недавно в соцсетях прочел мнение неизвестного блогера. Вот что он пишет: «Тема про разведчиков ГВ (Гражданской войны) малоизученная и доставляет интерес. Не до скрупулезных проверок тогда было. Вот и выплывали с обеих сторон «Борманы и Макаровы», с той разницей, что большевистским агентам в пиаре своих подвигов был дан «зеленый свет», а по деяниям белогвардейцев приходится судить по отрывочным воспоминаниям их соотечественников».

Спорное заявление. Трудно сказать, кому было сложнее издать свои воспоминания, Борману, за рубежом, или Макарову — здесь, в Советском Союзе. И, вообще, насчет «зеленого света» в пиаре большевистских подвигов, я бы поостерегся делать подобные заявления. У нас всегда было крайне сложно с «пиаром», как выражается блогер, разведчиков. И до сего дня мало что изменилось.

Свидетельствую это, как журналист и писатель, занимающийся подобной темой почти 30 лет.

Однако оставим в покое Бормана и вернемся к Макарову. Хочу подчеркнуть еще раз: Павлу Васильевичу удалось занять во вражеском штабе уникальную позицию. Трудно сказать, что являлось решающим — талант разведчика, везение, удача. Впрочем, любому из разведчиков нужно и то и другое и третье.

Повторю еще раз — позиция уникальная, возможности широчайшие, а что дальше? Проходила неделя за неделей, а возможности передать информацию не существовало. Это тот случай, когда ценная развединформация ровным счетом ничего не стоит. Как-то военный

разведчик Великой Отечественной войны Иван Бережной выдал крылатую фразу: «Без связи, мы ноль без палочки». Вот таким нулем и был на первых порах Макаров.

Нельзя сказать, что он сидел, сложа руки. Павлу Васильевичу удалось отправить из штаба на фронт своего злейшего врага, начальника конвоя генерала Мурата, и назначить на эту должность «своего» человека.

Макаров неоднократно уничтожал или задерживал адресованные командующему оперативные сводки, и это вносило определенную дезорганизацию в руководство белыми частями. Аdjутант старался подбросить Май-Маевскому устаревшую информацию, а свежую — придержать.

Однако, все это было малозначимым, в сравнении с тем, что он мог...

Павел Васильевич пытался несколько раз выйти на подпольные организации Ростова и Харькова. Но это не принесло успеха. Многие центры подпольщиков были разгромлены контрразведкой. Времени на поиск не было. Он постоянно находился при командующем.

Оставалось, по сути, единственная возможность. В Севастополе у него жили мать и брат Владимир, большевик-подпольщик. Через него он и решил установить связь. Отпросился у командующего в отпуск навестить больную мать. А возвратился к месту службы уже с братом. Май-Маевский взял его к себе ординарцем. Но и теперь не удавалось наладить регулярную связь. Иногда

Владимир переправлял разведсведения за линию фронта, но происходило это эпизодически.

Связь была слабым звеном не только в деятельности братьев Макаровых. В феврале 1919 года начальник отделения Региступра В. Срывалин, докладывая руководителю отдела Г. Кутыреву причины неудовлетворительной работы, наряду с малочисленностью агентуры, сильной текучестью, отсутствием выбора и подбора кадров, назвал и еще одну — «связь трудна до чрезвычайности».

Нечто подобное происходило и у «белых». Николай Кирмель в своей книге «Спецслужбы белого движения» пишет: «...Наибольший процент провалов и срывов в работе происходил из-за скверной организации каналов связи Центра с резидентами. Доставка добытых данных из Москвы или Петрограда на юг России осуществлялась посредством переписки и отправки зашифрованных сообщений курьерами и занимала достаточно много времени — иногда неделю и больше, поэтому некоторые сведения устаревали и теряли свою ценность. Если согласиться с методикой американского разведчика генерала В. Плэтта, считавшего, что оперативно-

тактическая разведывательная информация теряет 10 % ценности в день, то нетрудно подсчитать: доставляемая курьером в течение 10 дней в штаб Добровольческой армии информация практически является бесполезной для командования».

... В ноябре 1919 года под ударами «красных» дивизии «белых» откатывались к югу. Из-за неудач на фронте командующий генерал Май-Маевский был снят с должности. В сопровождении адъютанта и ординарца братьев Макаровых он отправился в Севастополь. Однако несмотря на отставку, Владимир Зенонович продолжал получать сводки о положении на фронте. Они попадали в руки Павла Васильевича, тот снимал с них копии и передавал в руки севастопольских подпольщиков, в надежде, что те организуют канал связи со штабом Красной Армии.

Но в подполье не было специалистов по разведке, и большевики использовали сводки по своему усмотрению — для подготовки листовок, которые потом появлялись в городе. Так они собственными руками подготовили провал своих ценных агентов — Павла и Владимира Макаровых.

Однажды комендант Севастопольской крепости генерал Субботин задал вопрос Май-Маевскому.

— Владимир Зенонович, оперативные сводки принимает ваш адъютант и передает нам. Кроме меня, начальника штаба и вас их никто не читает, но вскоре они расклеиваются по городу.

Генерала Май-Маевского поразили эти слова. Что же касается Макаровых, то для них это был провал.

Накануне большевистского восстания в Севастополе, в подготовку которого много сил вложили и братья Макаровы, Владимир был арестован, Павлу удалось бежать. Потом он служил в ЧК, в 1937 году провел два года в тюрьме, но остался жив, во время Великой Отечественной войны являлся одним из руководителей крымских партизан.

Отдавая должное таланту «адъютанта его превосходительства» Макарова, следует отметить: Павел Васильевич стал агентом в стане врага скорее по воле случая, использовал удачно сложившуюся ситуацию, что ни в коей мере не умоляет его заслуг. А вот капитан царской армии Алексей Луцкий перешел на сторону «красных» вполне сознательно, в соответствии со своими внутренними убеждениями. В РСДПР(б) он вступил еще в 1917 году, что было большой редкостью в те годы. Тот же полковник Борис Шапошников, будущий Маршал Советского Союза, станет партийцем только в 1930 году. Командующий 5-й армией, освобождавший Сибирь Михаил Тухачевский в начале 1918 года еще не был членом партии.

Но главное, пожалуй, не в этом. Офицер, участник Русско-японской войны, командир роты в действующей армии, после окончания боев он увлечется «страной восходящего солнца».

Усиленно изучал японский язык, культуру, историю Японии, ее традиции, военное строительство.

Эти знания помогут ему вскоре стать офицером Генерального штаба.

В 1910 году его направляют на разведывательные курсы только что открытые при Генеральном штабе.

Через два года, осенью 1912 года Луцкого командируют во Владивосток, в школу переводчиков при Восточном институте. Здесь же на японском отделении он будет овладевать языками — японским, корейским, китайским.

После обучения — двухгодичная стажировка в Японию. Под прикрытием журналистской должности при русском посольстве он «изучает язык, японские нравы, знакомится с организацией и методами разведывательной деятельности Японии», обретает нужные связи, знакомится с сотрудниками иностранных посольств.

С началом Первой мировой войны Луцкий возвращается на родину. Теперь он штабс-капитан и вполне подготовленный разведчик. Служит в штабе корпуса, потом его забирают в развед-управление штаба округа. Сферой интересов Алексея Николаевича становится Маньчжурия. Под Верхне-Удинском он создает резидентуру, разворачивает агентурную сеть.

Вскоре Луцкий возглавляет отдел в штабе Иркутского военного округа. Он приветствует свержение царизма. Революционные солдаты и офицеры избирают его председателем Совета депутатов округа.

В начале февраля 1918 года большевики вручают Луцкому мандат о чрезвычайных полномочиях по делам Военно-окружного комитета Центросибири. С этих самых пор до мученической смерти весной 1920 года русский разведчик Алексей Луцкий будет служить начальником штаба округа у Мартемьяна Рютина, начальником разведотделения штаба. Комиссаром у него станет Меер Триллиссер. К работе в разведслужбе привлекут также Сергея Вележева, Якова Минскера. Они возглавят резидентуры во Владивостоке и в Харбине. Кстати, ни у кого из троих не было опыта разведывательной работы. Но зато он был у Алексея Николаевича.

Служба разведки и контрразведки под руководством Луцкого станет истинной школой для будущих руководителей. Ближайший соратник Луцкого — Меер Триллиссер после Гражданской войны возглавит иностранный отдел ОГПУ, Яков Минскер станет во главе

ближневосточного направления того же иностранного отдела, Сергей Вележев займет должность его помощника. Еще одного сотрудника службы Бориса Мельникова назначат заместителем начальника разведуправления Красной Армии. Вот такие талантливые птенцы росли под крылом Луцкого.

Алексей Николаевич — первый советский разведчик погибнет вместе с Сергеем Лазо и Всеволодом Симбирцевым весной 1920 года.

Разумеется, Луцкий был не единственным, кто из старой царской разведки перешел к «красным» и действовал в качестве оперативного работника в стане противника.

Подполковник, позже полковник Алексей Готовцев, выпускник Академии Генерального штаба, участник Первой мировой войны прошел все ступени профессиональной карьеры офицера-разведчика. Руководил разведкой казачьей дивизии, армейского корпуса, исполнял должность помощника начальника отдела управления генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, старшего адъютанта, начальника отделения.

После Октябрьской революции по заданию «красных» служил в Деникинской армии. С начала 1921 года находился в спецкомандировке в Константинополе. Был арестован англичанами и выслан в Россию.

С этого времени проходит службу в центральном аппарате Разведупра, в должности заведующего сектором. Позже переходит на преподавательскую работу в Военную академию РККА, в Академию Генерального штаба. Перед началом войны становится доктором наук, профессором. В 1943 году получает звание генерал-лейтенанта.

В тылу врангелевских войск действовал советский агент полковник Симинский. Он занимал высокую должность помощника 2-го генерал-квартирмейстера. Заведовал так называемой политической частью.

Генерал Петр Врангель, придя к руководству армией, приказал упразднить «управление политической части и политические отделения при штабах корпусов». Эти реформы понравились не всем. Вот как об этом вспоминает Врангель в своих «Заметках».

«Давно задуманная мною мера была проведена в жизнь. Отныне штаб ведал исключительно военным делом и губительной двойственности в политической работе был положен конец.

Проведение этой меры встретило немало затруднений со стороны штаба, видевшего в этом умаление своих прав. Со стороны 2-го генерал-квартирмейстера полковника Дориана и его помощника, заведовавшего политической частью полковника Симинского, и их сотрудников делалось все, чтобы воспрепятствовать проведению этой меры в жизнь.

Однако я оставался непреклонен. Ближайшее будущее показало, что помимо неуместного самолюбия со стороны Симинского имелись и другие более веские причины для противодействия намеченному мною мероприятию. С реформированием политической части штаба, чины этой части остались за штатом, и полковник Симинский отправился в отпуск в Грузию. При отъезде его обнаружилось исчезновение шифра и ряда секретных документов, произведенным расследованием было выяснено, что полковник Симинский состоял агентом большевиков.

Через несколько месяцев по моему настоянию полковник Симинский был задержан в Грузии и отправлен в Крым, однако везший его пароход прибыл в Феодосию через день по оставлении нами родной земли. Полковник Симинский был освобожден большевиками и избежал заслуженной кары».

В общем, следует отметить, что агентура «красных» действовала в Крыму достаточно активно. Известны имена полковника Скворцова и капитана Делонского, которые передавали сведения о врангелевской армии через советского военного представителя в Грузии.

На Дальнем Востоке, в Китае и Маньчжурии разворачивали разведработу Леонид Буралков, Василий Ощепков, Христофор Салнынь. Впрочем, основная часть их деятельности приходится на послевоенное время, и о них рассказ впереди.

И если названные разведчики стояли, по сути, у истоков своей деятельности, то Дмитрий Киселев уже с июня 1918 года на нелегальной работе в Иркутске и Красноярске. А случилось это так. До революции Дмитрий Дмитриевич учительствовал в Иркутской губернии, примкнул к левоэсеровской партии, а после февраля 1917 года был избран председателем Верхотенского уездного совета солдатских, крестьянских и рабочих депутатов. Потом его выдвинули в Иркутский губисполком.

В мае 1918 года произошел мятеж чехословацкого корпуса. Киселев перешел на нелегальное положение. Его заочно приговорили к смертной казни. Однако Дмитрию удалось уцелеть и пробиться на Запад. Он избежал беспощадного «белого» террора, жертвами которого стали его многие иркутские соратники.

Долго он добирался до Москвы, пересек линию фронта, а когда прибыл в столицу, его принял сам Яков Свердлов и дал задание: стать эмиссаром большевистского центра и возвратиться в смертельно опасный «белый» тыл. Видимо, Яков Михайлович резонно решил: раз сумел пробраться через опаленную войной территорию, пройти через линию фронта — сможет стать разведчиком-нелегалом. Правда, в ту пору

подобного термина не употреблялось, но суть от этого не меняется.

Для столь опасной поездки в тыл Киселев отыскал в архиве документы на некоего Ивана Модного, когда-то сдавшего экзамены на звание учителя. Легенда получилась не плохая, ведь учительское дело Дмитрий знал хорошо. Оформили паспорт на имя Модного и отправили в Самару. Там шли боевые действия, и линия фронта менялась постоянно. Киселев примкнул к отступающим колчаковцам и с беженцами дошел до Челябинска. А дальше добрался до Иркутска, приехал на станцию Иннокентьевская, где жил его родной брат Михаил.

Через него связался с уцелевшими иркутскими большевиками, восстановил подпольную организацию и двинулся дальше. В начале 1919 года появился в Верхнеудинске и в Чите. В феврале посетил Благовещенск. Поддержал объединение в единое подполье всех левых сил от большевиков до анархистов.

Дальше его путь лежал в Хабаровск, Владивосток и Харбин. Откровенно говоря, судьба благоволила к «красному» разведчику. «Белый» террор бушевал по всей Сибири и Дальнему Востоку. Колчаковцы ни с кем не церемонились, могли схватить и расстрелять любого.

Обратный путь был не менее опасным. В марте 1919 года Дмитрий оказался в поезде, который «красные» партизаны пустили под откос. Однако ему и на сей раз повезло.

Работа Киселева в белогвардейском тылу продолжалась около полугода. Летом 1919 года эмиссар Свердлова прибыл в столицу. Для доклада его пригласил к себе Председатель Совета народных комиссаров Владимир Ленин. Беседовал больше часа. Кстати, эту встречу отобразил на своей картине художник Ч. Машкевич. Назвал он ее «Разговор Ленина с делегатом дальневосточником Д. Киселевым»

Долго засиживаться в Москве Дмитрию Дмитриевичу не пришлось. Уже через месяц он снова отправился в Восточную Сибирь в тыл к белогвардейцам.

Киселев словно дергал судьбу за усы: в четвертый раз за несколько месяцев перешел линию фронта и остановился в городе Кустанае. Его только что оставили «белые».

А дальше был Омск. Там Киселева арестовали и поставили, что называется, под ружье. Так он оказался писарем в дивизии в Новониколаевске. Оглядевшись, и наметив пути отхода, он дезертировал из части. Скрывался, а когда пришли «красные», стал членом местного ревкома. Но вскоре Реввоенсовет 5-й армии послал его в Иркутскую губернию восстанавливать большевистскую власть.

Однако об удачливом и опытном разведчике помнили в Москве. В мае 1920 года Дмитрий Киселев назначен сотрудником Дальневосточного отделения Региступра. Практически без подготовки, под видом коммерсанта Модного он отправляется в Китай. Документ, удостоверяющий его личность, был подписан главой правительства Дальневосточной Республики. В нем говорилось, что Иван Филиппович Модный едет по коммерческим делам в Китай.

В начале 1921 года Модный получил у Генконсула Японии в Харбине заграничный паспорт и определился на временное пребывание в Шанхае. Отсюда он совершает поездки по территории Китая, собирает развединформацию, вербует агентуру.

В своем агентурном докладе Киселев напишет: «...Окончательное заседание представителей Семенова, Японии, Унгерна, Анненкова и каппелевцев о совместном выступлении против Читы и ДВР состоится в Мукдене вслед за Токийским совещанием в последних числах этого месяца... Все убеждены в скором падении ДВР и всего Забайкалья».

В середине года Дмитрий Дмитриевич возвращается в Москву для доклада. У него накоплен обширный разведматериал. Отчитавшись, через месяц он вновь командирован в Китай «с секретным поручением».

Два с лишним года проведет Киселев на нелегальной разведработе. В конце 1922 года его назначат уполномоченным правительства ДВР на станции Пограничная в Маньчжурии. Дипломатическая должность являлась официальной «крышей» для сотрудника Разведуправления Красной Армии.

Позже, в 1938 году Дмитрий Дмитриевич в своем обращении к заместителю начальника Разведупра старшему майору госбезопасности С. Гендину напишет:

«Я работаю в РУ РККА с мая 1920 года. В течение 10 лет с 1920 по 1930 год я был на боевой работе РУ РККА за рубежом. Первые два с половиной года этой зарубежной работы я находился в крайне тяжелых и опасных для моей жизни условиях нелегального существования.

Одновременно с работой в РУ РККА я по распоряжению центра выполнял за рубежом в течение 10 лет и работу по линии ОГЛУ, как в Китае, так и в Японии. В дальнейшем продолжал работу... будучи уполномоченным НКВД СССР на Пограничной...»

Однако возвратимся в 20-е годы. В 1925 году Киселев направлен в Японию. Он резидент Разведупра под «крышей» консульской должности в городах Цуруга, Хакодате на острове Хоккайдо. Через пять лет Дмитрий Дмитриевич возвращается в Москву из зарубежной командировки.

Таковы были люди и судьбы «красной» разведки в тяжелые годы Гражданской войны. Мы рассказали лишь о некоторых из них. А хотелось бы поведать о многих. Однако сделать это сегодня, к горькому сожалению, почти невозможно. Дела их скрыты в архивах. Это в лучшем случае, а в худшем, как поется в песне, «от героев былых времен не осталось порой имен».

Пионеры «белой» разведки

Однако на той «белой» стороне баррикад тоже были разведчики. Не менее талантливые и яркие. Конечно, мутные волны революций подняли наверх разных людей, в том числе и проходимцев всех мастей. Как писал в своих воспоминаниях «Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву» боевой генерал Борис Казанович: «Здесь мне пришлось столкнуться с одним из специфических продуктов революции — специалистами по организациям, смотрящим на это дело, как на ремесло, дававшее хороший заработок. Немало было ловких молодых людей, которые ухитрились одновременно состоять в организациях, преследовавших диаметрально противоположные цели, и получать деньги и от немцев, и от французов, а так же многие из них в то же время состояли на службе у большевиков, то, очевидно, они застраховали свою драгоценную особу от всех всевозможных случайностей».

Таким «ловким молодым человеком» оказался прапорщик Колиниченко. Получив деньги на выполнение разведывательного задания в Оренбурге, он укрылся в городе Атбасар.

Мичман Бронин, также имея кругленькую сумму для развертывания агентурной сети на Урале, летом 1919 года оказался совсем в другой стороне — в Петербурге, у своих родственников.

Агент особого отдела прапорщик Ластухин, снабженный финансовыми средствами и имевший задачу развернуть в районе Самары диверсионные отряды, исчез из поля зрения своих начальников.

Однако были в белогвардейском движении и другие разведчики. О генерал-майоре Павле Рябикове, безусловно, авторитетнейшем разведчике, военном ученом, академическом преподавателе, мы уже говорили. В период Гражданской войны, будучи как у «красных», так и у «белых», Павел Федорович занимал высокие руководящие должности и непосредственно агентурную работу не осуществлял.

Крупнейшей фигурой «белой» агентурной разведки являлся Владимир Орлов, действительный статский советник, следователь по особо важным делам.

Владимир Григорьевич был серьезным противником Советов. Всю свою жизнь он посвятил борьбе с большевизмом, сначала в качестве белогвардейского подпольщика, потом руководителя органов разведки «белой» армии и эмигрантских структур.

Родился в Рязанской губернии, в семье обедневших дворян Орловых в 1882 году. Вскоре родители Володи перебрались на запад Российской империи в Польшу. Варшава в те годы не чета тихой, провинциальной Рязани. Кипение националистических страстей, теракты заполняют улицы столицы. В одной гимназии с Володией Орловым учатся будущий руководитель «Боевой организации» эсеров Борис Савинков и террорист Иван Каляев.

По выпуску из гимназии Орлов поступает на юридический факультет Варшавского университета, а в ходе учебы проходит стажировку по криминалистике в Северо-американских соединенных штатах.

Завершив обучение в университете, он назначается референтом в Московский окружной суд. Однако его карьере прерывает Русско-японская война, и Владимир оказывается в действующей армии в Маньчжурии. На фронте он получает контузию и увольняется со службы в звании прапорщика артиллерии. Возвращается в Польшу и становится судебным следователем в городе Лодзь.

Через несколько лет его переводят в Варшаву. Тогда-то он впервые и встретился с человеком, чье имя вскоре будет приводить в трепет всю Россию. Звали этого мятежника Феликс Дзержинский. Его арестовали в 1912 году, и дело революционера вел как раз следователь Орлов. Он старался быть объективным при производстве следственных действий и даже, как сам вспоминал позже, симпатизировал Дзержинскому и его сокамернику Длугашевскому, как людям образованным и культурным. Следил за тем, чтобы пищу им доставляли из офицерской столовой, а также регулярно приносили папиросы и газеты.

Кто знает, может через много лет, когда состоится их встреча, всемогущий председатель ВЧК вспомнит о «симпатиях» следователя Орлова, офицерской пище, сигаретах, и не только не арестует Владимира Григорьевича, но и оставит его на высокой должности в советских властных структурах.

В 1911 году в штабах округов учредили контрразведывательные отделения. Создателем и руководителем этой службы в Варшаве стал полковник Николай Батюшин. Следствие по шпионским делам решили сосредоточить в руках опытных следователей. Одним из четырех таких следователей по особо важным делам стал Владимир Орлов. Он курировал три округа — Варшавский, Виленский и Киевский.

Владимир Григорьевич расследовал крупные шпионские дела — начальника гарнизона города Рава полковника Иогана фон Штейна, который делился секретами с австрийцами, служащего Варшавского

телеграфа Петра Антосевича, взятого с поличным при передаче секретных документов немецкому разведчику Эрнесту Бену.

Когда грянула Первая мировая, прапорщик Орлов уходит на войну, попадает в крепость Осовец по своей воинской специальности артиллериста. Впрочем, командование вскоре исправило свою ошибку, и Владимира Григорьевича направляют в разведотдел штаба главнокомандующего Северо-Западным фронтом. За неимением вакансий его назначают на скромную должность переводчика. Однако было件件но, что с таким опытом контрразведывательной работы прапорщику вряд ли поручат переводы с польского или немецкого в тиши штабного кабинета. Так, собственно, и случилось.

Весной и летом 1915 года русская армия в ходе тяжелых боев понесла большие потери. В войсках поползли слухи об измене в высших эшелонах власти. Царь вынужден был сместить с поста военного министра генерала Владимира Сухомлинова, которому приписывали связь с австрийской разведкой. Дума на своем закрытом заседании предложила предать опального министра суду.

В Верховную следственную комиссию по расследованию дела Сухомлинова был включен и прапорщик Орлов. Участвовал он и в следствии по нашумевшему делу жандармского полковника Сергея Мясоедова.

2 апреля 1916 года Владимира Григорьевича, наконец, назначают на должность военного следователя по особо важным делам при штабе Верховного Главнокомандующего. На Северо-Западном фронте он раскрывает крупную шпионскую организацию австрийской разведки, расследует дело по факту бегства к врагу коменданта корпуса штабс-капитана Янсена, и принимает активное участие в специальной оперативно-следственной комиссии генерала Николая Батюшина по делу банкира Рубинштейна, сахарозаводчиков Доброго, Бабушкина, Гопнера. Газетчики назовут это «делом сахарозаводчиков». Фигурантов арестуют. А потом начнется кампания по развалу дела. Развернется травля и дискредитация комиссии Батюшина.

«Сахарозаводчики» не скупилась на финансы, и уже при Керенском будет арестован сам Батюшин. Орлову удастся избежать ареста.

В мае 1917 года Алексеев отставлен от поста Главкома. Он уезжает в Петроград, где находится до Октябрьской революции.

Орлов посетил генерала Алексеева, когда тот уже собирался отбыть на Дон, и получил от него задание: создать в Петрограде и Москве нелегальную подпольную разведывательную организацию, которая будет

снабжать создаваемую Белую армию ценной военнополитической информацией. Всю организационную и оперативную работу предстояло провести самому Орлову.

Так в начале 1918 года из военного следователя рождается резидент еще не созданной белогвардейской спецслужбы. Можно сказать, Владимир Орлов явился пионером «белой» агентурной разведки. Многому пришлось учиться, что называется, на марше. Никогда раньше он не находился на нелегальном положении, не скрывался от властей, не жил по поддельным документам, не разворачивал агентурную работу. Прежде он защищал закон. Теперь ему предстояло заняться делом вне закона.

Не надо было иметь особые профессиональные навыки, чтобы понять: первое и самое важное в нынешних условиях, прочно легализоваться в Петрограде. Это сделать удалось. Вскоре в столице Российской империи появился польский революционер Болеслав Орлинский. Для пущей важности он отпустил бороду и усы.

Следующий шаг — найти хорошую работу и обрести легальный статус, защищающий от всякого рода революционных случайностей: арестов, обысков, допросов. Солидная должность нужна была и для получения доступа к секретной информации, которую ждал на Дону генерал Алексеев. И надо отдать должное умению и таланту Орлова: он эту должность получил. Как, каким образом, теперь на подобный вопрос мы вряд ли узнаем ответ. Но доподлинно известно, что бывшего следователя по особо важным делам трудоустроивал сам генерал Михаил Бонч-Бруевич, родной брат тогдашнего управделами Совнаркома.

Назначили Орлинского на высокую должность — главой уголовно-следственной комиссии. Теперь он был в курсе некоторых оперативных и следственных дел Петроградской ЧК.

В мае 1918 года состоялась его встреча со всемогущим Председателем ЧК Феликсом Дзержинским. Признаться, эта встреча для Орлова-Орлинского была неожиданной и могла стать роковой.

Вот как описывает ее в книге «Свои и чужие. Интриги разведки» генерал-лейтенант ФСБ Александр Зданович: «... Орлов допрашивал в здании революционного суда одного заподозренного в совершении уголовного преступления матроса. В это время в помещение зашли трое мужчин в шинелях и один из них поинтересовался, как идет расследование. Орлов... узнал польского революционера, с которым в свое время в течение восьми месяцев вел длинные допросы-беседы. Хотя борода, усы, очки сильно изменили внешность Орлова, голос его Феликс Дзержинский моментально узнал. И понял — судьба вновь свела его с умным, жестким,

но объективным бывшим следователем Варшавской судебной палаты. «В какой-то момент, — вспоминал Орлов, — я понял, что моя игра проиграна. Я в руках самого Дзержинского».

Однако ничего страшного не случилось. Дзержинский лишь уточнил, не ошибся ли он и действительно перед ним его варшавский знакомый. Орлов подтвердил, и далее состоялся разговор, вышедший на тему германского шпионажа и участия Орлова в борьбе с ним при царском режиме».

Вот так, моргни глазом Феликс Эдмундович, и карьера «белого» разведчика-нелегала, а возможно и жизнь закончилась бы в одночасье. Но все сложилось по-иному. Председатель ВЧК дал белогвардейскому резиденту добро на работу. Более того, Орлов писал Дзержинскому письма, докладывал о сделанном и просил о своем переводе в Москву.

Властные позиции, которые удалось занять Владимиру Григорьевичу, его знакомства и связи создавали хорошую базу для развертывания агентурной сети. Чем, собственно, и занимался резидент. Разведывательный центр, как называл его сам Орлов, насчитывал несколько десятков агентов, работающих в советских учреждениях.

Весьма успешно сотрудничал Орлов и с представителями французской разведки в России — офицерами Фо-Па и Эдвардом Вакье.

Действуя через штабс-ротмистра Александра Экеспаре, Владимир Григорьевич снабжал разведанными англичан.

Кроме добывания разведывательной информации, резидентура Орлова занималась вербовкой и отправкой офицеров в районы дислокации белой армии. В одной из оперативных записок сам резидент докладывал о командировании более 800 человек.

Известно, что в составе резидентуры под руководством Орлова, действовало несколько офицерских агентурных групп — Экеспаре-Жижина, Стояновского. Иван Стояновский даже был зачислен в штат уголовно-следственной комиссии.

Агент Иван Манасевич-Мануйлов также входил в организацию Орлова.

Казалось бы, большая и сложная работа, которую провел Владимир Григорьевич, даст свои обильные плоды. Однако к осени 1918 года оперативная обстановка резко ухудшается: свернута работа легальных резидентур англичан и французов, под угрозой ареста оказался резидент Сидней Рейли и едва успел бежать. Не складываются отношения у Орлинского и с новым председателем Петроградской ЧК Глебом Бокием. Орлов чувствовал: пора уходить.

В сентябре 1918-го он подаст прошение об отставке. А тут еще арест группы «белых» офицеров, которых он снабдил документами и направил к англичанам в Мурманск. Пришлось бежать. При переходе финской границы он был ранен в живот. Так завершилась работа нелегального резидента Владимира Орлова на советской территории.

Потом будет еще двадцать лет борьбы с большевиками. В Добровольческой армии Деникина он возглавит «особо секретную разведывательную политическую сеть на западной границе Совдепии».

Летом 1920 года Орлов покинет Родину, чтобы продолжить борьбу в эмиграции. Накануне начальник военного управления вооруженных сил на Юге России генерал-майор Никольский отправит военным агентам за рубежом телеграмму: «Мною командирован в Западную Европу начальник разведывательной части отдела Генерального штаба действительный статский советник Орлов для выяснения постановки агентурного дела в военных агентствах, организации тайной противобольшевистской разведывательной сети за границей и связи ее с Генеральным штабом».

Несмотря на все сложности, Владимир Григорьевич создаст агентурные группы в Польше, Латвии, побывает в Эстонии, в Литве, во Франции, в Великобритании. К концу 1920 года Орлов организовал разведпункты в Финляндии, Швеции, Германии.

Однако не только Орлов работал против большевиков, но «чекисты» не забывали своего злейшего врага. В 1929 году в Берлине разгорелся крупнейший политический скандал: полиция арестовала группу русских эмигрантов, промышлявших продажей сфальсифицированных документов. В центре скандала оказался Владимир Орлов. Ему пришлось уехать из Германии в Бельгию, отойти от дел.

После оккупации фашистами Бельгии гестапо арестовало Орлова и доставило его в Берлин. Через несколько дней тело бывшего «белого» резидента нашли в одном из парков столицы.

Успешным и высокопрофессиональным агентурным разведчиком был и Алексей Двигубский. Полковник, участник Первой мировой войны и Белого движения на Юге России. Он руководил Харьковским центром разведотделения штаба Главкома ВСЮР.

В марте 1919 года Алексей Михайлович получил задание от командования Добровольческой армии внедриться в одну из военных организаций большевиков. И это у него успешно получилось. Вот как он сам описывал произошедшее в отчете о деятельности Харьковского разведывательного центра.

«Прибыв в штаб 2-й советской украинской армии, я обратился к

командующему армией штабс-капитану Скачко с требованием принять меня в штаб армии. Штабс-капитан Скачко, бывший адъютант 131-го Тираспольского полка, тип мелкого авантюриста, примазывающегося ко всякой господствующей партии из-за денег и возможности повластвовать... Во время польского выступления большевиков я вместе с ним на броневике брал Петропавловскую крепость. Не имея возможности меня арестовать из-за боязни, что я выдам его антисоветское прошлое, он поневоле принял меня в штаб на должность секретаря для особых поручений».

А дальше Скачко представил Двигубского, как подполковника Захарова, командующему Украинским фронтом Антонову-Овсеенко. Так началось внедрение Алексея Михайловича в военные структуры большевиков в качестве нелегального резидента.

После успешного доклада Двигубского-Захарова комфронта о боях на Маньчском направлении, Антонов-Овсеенко оставил столь грамотного бывшего офицера у себя в штабе.

Теперь, находясь рядом с большевистским военачальником, Двигубский начал активную подрывную работу. Зная о приверженности Анатонова-Овсеенко идее мировой революции, он предложил комфронта провести боевую операцию против Румынии для поддержки и соединения с советской Венгрией. Зерна упали на благодатную почву: «красный» военачальник видел себя в ореоле славы распространителя коммунизма в Европе. Он приказал разработать план наступления на Румынию, что и было исполнено «белым» резидентом.

«Этот план, — писал Двигубский, — имел не столько оперативную ценность, сколько содержал в себе смелые удары по тылам румынских частей и красивые рассуждения о мировой революции и красном пожаре на Балканах».

Разумеется, авантюра провалилась. Двигубский добился поставленной цели. Особая кавалерийская бригада Крюковского, другие части бесславно штурмовали румынские гарнизоны, а не воевали против войск ВСЮР.

После провала на румынском фронте Двигубского лично заслушал Лев Троцкий. Причиной неудач Алексей Михайлович назвал низкую дисциплину в Красной Армии, самолюбие Антонова-Овсеенко, «желавшего разыграть из себя Наполеона» и неумело руководящего войсками, а также партизанщину батьки Махно.

Троцкий согласился с Двигубским и сказал, что пора кончать с партизанщиной и убирать Антонова-Овсеенко.

Работая в штабе фронта, Алексей Михайлович не только умело подбрасывал авантюрные идеи руководству и дискредитировал «красного»

командующего в глазах Троцкого, но собирал ценную развединформацию, добывал документы, выручал попавших в ЧК соратников, добивался для них оправдательных приговоров, организовывал побег.

При подходе к Харькову войск Добровольческой армии в июне 1919 года, центр под руководством Двигубского поднял антибольшевистское восстание. Когда же «белые» части захватили город, Двигубский и его подчиненные выслеживали «красных» подпольщиков, уничтожали большевистские типографии, ликвидировали явочные квартиры. В октябре был арестован местный ревком, а в ноябре выслежен и уничтожен весь состав третьего подпольного губкома.

Немалый вклад в деятельность белогвардейской агентурной разведки внес и подполковник Владимир Хартулари. Он был кадровым военным. Окончил Московское военное училище, служил в войсках. Участвовал в Русско-японской войне. По выпуску из Академии Генерального штаба командовал ротой в 4-м Сибирском полку.

Храбро воевал в Первую мировую войну, был награжден Георгиевским оружием.

В начале 1915 года назначен старшим адъютантом штаба дивизии, позже штаб-офицером корпуса.

С 1918 года служил в разведывательном отделении штаба Главнокомандующего ВСЮР. Это ему было поручено нелегально пробраться в Москву и установить связь с подпольными антисоветскими организациями. С этим заданием Хартулари успешно справился.

Были свои «звезды» и среди агентов низового звена. Их по праву называли «агентурой переднего края». О них, к сожалению, известно мало. Это были в основном унтер-офицеры, солдаты, люди сугубо гражданские, нередко женщины и подростки. Они проникали в расположение вражеских частей, собирали необходимую разведывательную информацию.

В истории разведки остались имена агентов Тимофея Тарага-нова, Петра Сальникова, Модеста Лукина, Степана Пронькина, Виталия Кузнецова.

Говоря об агентурной разведке Белого движения, нельзя не вспомнить о тех людях, которые создавали эффективно работающие подпольные организации. Такие, к примеру, как известная «разведывательно-осведомительная» организация «Азбука», созданная идеологом Белого движения, бывшим депутатом Государственной Думы Василием Шульгиным.

Организация имела несколько отделений по России, и хотя она не стала официальной структурой Добровольческой армии, но весьма умело и

профессионально вела разведывательную работу, направленную против Советов.

Ценную развединформацию получал штаб адмирала Александра Колчака от агентов секретной военно-морской организации, именуемой «ОК». Первым ее руководителем был старший лейтенант Российского флота Рагнар Окерлунд (отсюда и название организации по первым буквам имени и фамилии).

Большой вклад в «разведку, контрразведку и ведение пропаганды» вносили местные центры Добровольческой армии, созданные по инициативе генерала Михаила Алексева. Они функционировали в Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе, в Крыму, в Екатеринославе, Таганроге, Саратове, Могилеве, в Сибири и в Терской области.

Позже центры были развернуты на Волыни, в Кисловодске, Елизаветграде, Николаеве, Полтаве, в Сухуме и Чернигове. Саратовский, Харьковский и Терской центры прекратили свое существование.

Вот, пожалуй, и все что хотелось бы сказать о деятельности агентурной «белой» разведки и ее лучших представителях в годы Гражданской войны. Однако и в мирное время противостояние, теперь уже эмигрантских и советских спецслужб, продолжалось. Но это тема отдельного повествования.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Послевоенные легальные резидентуры

Завершилась Гражданская война. Красная Армия насчитывала 5,3 млн человек. Содержать такое количество солдат и командиров разрушенной и голодной Стране Советов было не под силу, да в общем-то и незачем, ведь боевые действия закончились. Остро встал вопрос о сокращении вооруженных сил. И оно началось: масштабное, быстрое и не всегда продуманное, зачастую обусловленное сиюминутными требованиями дня. На начало 1922 года от пяти с лишним миллионов под ружьем осталось 1,6 млн человек, затем 1,2 млн, затем 800 тысяч, 600, и, наконец, в 1924 году 562 тысячи.

Сокращения больно ударили и по военной разведке. В 1922 году был упразднен отдел войсковой разведки, да и сам Разведупр преобразовали в отдел управления 1-го помощника начальника штаба РККА. Таким образом, к 1924 году количество сотрудников уменьшилось до 90 человек, учитывая, что еще три года назад оно составляло 275 разведчиков. Правда, руководство штаба Красной Армии вскоре поняло, что с таким мизерным составом выполнять ответственные разведывательные задачи невозможно. Отдел вновь был развернут в управление, в его штате функционировали четыре отдела — войсковой разведки, агентурный, информационно-статистический и внешних сношений, а также административная часть. На этом, собственно, и завершилось послевоенное реформирование Разведупра.

Что же касается самой сути ведения разведки, то надо отдать должное руководителям управления, они зорко следили за изменениями обстановки на фронтах. Еще весной 1920 года начальник Разведупра Владимир Ауссем указывал, что ведение работы в тылу белогвардейских войск уменьшается до минимума по мере очищения территории страны от противников, и следует разворачивать разведку в европейских странах, в особенности, в приграничных государствах. Речь шла о Финляндии, прибалтийских странах, Польше, Румынии, Турции, Персии, Японии.

Задачи стояли масштабные, но для их успешного осуществления нужны были силы и средства, то есть деньги и кадры. С финансами, особенно с валютой, которая необходима для работы за рубежом, дела обстояли плохо. Приходилось продавать за границей драгоценности, пушнину, чтобы содержать зарубежные разведаппараты. Однако валюты катастрофически не хватало.

С кадрами разведчиков было не лучше. Ведь для работы за рубежом надо знать иностранные языки, обстановку в стране пребывания, но таких сотрудников найти не просто. Так что первые послевоенные годы для разведки оказались очень трудными.

Следует учитывать и то обстоятельство, что советская военная разведка брала свое начало с нелегальной работы. Иного было не дано. В условиях Гражданской войны, в тылу противника, могли работать только нелегальные резидентуры. С окончанием боевых действий резиденты-нелегалы отправлялись на работу за рубеж. Однако, как известно, разведка, опирающаяся только на нелегалов, подобна одноногому инвалиду. Для ее полноценного функционирования нужны разведчики, действующие под легальным прикрытием, как мы говорим, «под крышей».

В феврале 1920 года был заключен Тартусский мирный договор с Эстонией. По этому договору стороны устанавливали дипломатические отношения. Он оказался первым шагом по выводу страны из внешнеполитической изоляции.

За Эстонией последовали другие страны Прибалтики. В июле того же года Советская Россия подписала мирный договор с Литвой, в августе с Латвией, в октябре с Финляндией.

В 1921 году наша страна заключила мир с Польшей, подписала договоры о дружбе с Персией, Афганистаном, Турцией, соглашение о признании и добрососедских отношениях с Монголией.

В этот же период заключено советско-британское торговое соглашение, возобновлена торговля с Германией, Норвегией, Италией.

В апреле — мае 1922 года прошла Генуэзская конференция, на которой советским дипломатам удалось добиться заметных результатов.

Прорыв внешнеполитической блокады с успехом использовала военная разведка для организации легальных зарубежных резидентур.

Одним из первых в заграничную командировку под «крышей» помощника военного атташе при постпредстве РСФСР в Литве в сентябре 1920 года выехал Владимир Ромм.

Владимир Георгиевич был достаточно образованным человеком. Он происходил из семьи служащих, окончил Тенишевское училище в Санкт-Петербурге, которое являлось одним из лучших средних учебных коммерческих заведений страны. После его окончания поступил в институт гражданских инженеров. Владел английским, французским и немецким языками. Член партии левых эсеров. В 1918 году вступил в партию большевиков.

В Гражданскую войну воевал в частях 15-й и 16-й армий.

Судьба этого человека весьма интересна. Он станет создателем и организатором агентурной сети в Литве. Через три месяца, в ноябре 1920 года агенты Ромма начнут добывать и передавать в Центр ценную информацию.

Совместно с другим резидентом, действовавшим под оперативным псевдонимом «Бобров» они развернут 14 разведгрупп в Польше, в Восточной Пруссии и в Литве. Их агенты следили за крупнейшими железнодорожными узлами, а также портами Балтийского побережья.

Ромм сумел завербовать несколько ценных источников — сотрудника литовской контрразведки в Ровно и некоего Клоца в Германии. Он также успешно добывал образцы зарубежных документов — бланков, паспортов, печатей.

По возвращении из Литвы Владимир Георгиевич служил в центральном аппарате Разведуправления, выезжал на нелегальную работу в Берлин и в Париж, трудился под «крышей» корреспондента ТАСС в Токио и в Женеве.

Кстати говоря, должности из аппарата военного атташе использовались разведчиками для прикрытия и в соседней Латвии.

В 1922 году в качестве помощника военного атташе в Ригу прибыл Андрейс Виксне. Вместе с резидентом Мартином Зелтынем, который числился скромным кассиром советского посольства, они развернули агентурную сеть, насчитывающую более двух десятков человек. Особо ценными агентами были сотрудники Генштаба, таможенного управления, штаба дивизии погранвойск, артиллерийского арсенала. С их помощью удалось добыть мобпланы Генштаба, штаты частей на военный период.

Мартин Иванович также получил секретные документы конференции министров иностранных дел Финляндии, Польши, Латвии и Эстонии, проходившей в Варшаве. Центр дал высокую оценку этим документам.

Под прикрытием должности секретаря военного атташе в Латвии работал также Карлис Ланге (настоящая фамилия Ян Фрейман). Он активно собирал развединформацию о латышской армии.

К сожалению, и Зелтынь и Ланге были вычислены и разоблачены контрразведкой, их выслали из страны, а агентов, работавших на них, арестовали. С чем связаны эти провалы? Да прежде всего с отсутствием опыта разведработы за рубежом.

Тем не менее, несмотря на провалы и неудачи, военная разведка старалась использовать всякую возможность для засылки за границу своих агентов под легальной «крышей».

В 1921 году едва наладились торговые отношения с Италией и в Рим

прибыла первая делегация Центросоюза из России во главе с Вацлавом Воровским, в ее составе уже был разведчик Яков Фишман. Кстати говоря, личность весьма интересная, и я бы сказал во многом уникальная.

Яков Моисеевич, уроженец Одессы, рано включился в революционную деятельность. В своей жизни он достигал больших высот и падал вниз, когда, казалось, уже невозможно подняться.

В годы революции он член партии левых эсеров, избран в ее Центральный комитет, а также в Петроградский совет. С 1921 года он в Разведуправлении штаба РККА. Резидент в Италии, потом в Германии.

Как специалист-химик (окончил в 1915 году химический факультет Неаполитанского университета, высшую магистерскую школу) был назначен на ответственную должность начальника военно-химического управления РККА. Избран членом ВЦИК, входил в состав Военного Совета при наркоме обороны. Награжден орденом Красного Знамени.

Это, если говорить о взлетах. А теперь о падениях.

Якова Фишмана первый раз арестовали в Одессе в 1906 году за покушение на убийство председателя «Союза русского народа» графа Э. Коновницина. Однако суд его оправдал.

В 1907 году Якова вновь арестовали за принадлежность к террористической организации левых эсеров и сослали в Туруханский край. В 1911 году он бежал из мест заключения и через Китай, потом морем добрался до Италии.

После возвращения на Родину участвовал в Октябрьской революции, брал Зимний дворец.

В третий раз арестован теперь уже органами ЧК в июне 1919 года, содержался в Бутырской тюрьме. В апреле 1920 года досрочно освобожден.

В 1937-м Фишман арестован по делу военно-эсеровского центра и приговорен к 10 годам ИТЛ. В 1947 году вышел на свободу.

В пятый раз его взяли в 1949 году, сослали в Норильск. В 1955-м — освобожден, дело пересмотрено, приговор отменен. Яков Моисеевич был полностью реабилитирован. Более того, ему присвоили звание генерал-майора технических войск.

Вот такая насыщенная событиями жизнь. Однако нас Яков Фишман интересует как резидент Разведупра в Италии. Надо сказать, что в своем выборе руководство военной разведки не ошиблось. Фишман прекрасно знал Италию. Он ее изучил в годы обучения в университете и в магистерской школе.

Яков знал язык, обычаи и особенности быта, природные качества итальянцев. Он обосновался в Риме, а в Неаполе, Милане, Генуе и в других

городах находились его агенты. Фишман завел знакомых среди русских эмигрантов, итальянских коммунистов. С их помощью доставал секретные документы, материалы, и даже образцы оружия. Так, для доставки оружия в Россию, купил у фирмы «Фиат» два самолета. Пилотируемые итальянскими летчиками аэропланы отправились в опасный рейс. К сожалению, Якову Моисеевичу не повезло, один из самолетов потерпел аварию, экипаж другого во время посадки был схвачен полицией. Это безусловно провал, после которого Фишман вынужденно покинул дорожку его сердцу Италию и перебрался в Германию.

«Среди агентов, завербованных Фишманом в Италии, — пишут в книге «Империя ГРУ» А. Колпакиди и Д. Прохоров, — выделяются трое. Первый из них Арнольдо Сильва (работал позднее

в Разведупре под именем Ивана Манатова). Другим заметным агентом является Николай Зедлер, работавший позднее в Разведупре под фамилией Герберт... Однако самой яркой фигурой среди сотрудников Фишмана был прославившийся позднее на весь мир авиаконструктор Роберто Бартини. Вплоть до самой смерти в 1974 году Бартини являлся одним из самых талантливых советских авиаконструкторов. Его работы на десятилетия опережали время. Поистине, можно назвать Бартини легендой советского авиастроения».

В общем, надо отметить, что деятельность Разведупра в Италии была в те годы весьма эффективной. В итоговом докладе о работе военной разведки за 1923—1924-е годы отмечалось: «Нам были доступны самые секретные документы, касающиеся всех заказов и состояния научно-опытных работ в воздушном флоте. Равно получились исчерпывающие сведения о самолетном составе...

Разумеется, для прикрытия деятельности советских военных разведчиков использовались не только легальные должности в аппаратах военных атташе и торговых представителей. Нередко секретарями посольств являлись профессиональные разведчики. Так первым легальным резидентом под «крышей» 2-го секретаря полпредства в Польше был Мечислав Логановский. В дальнейшем Мечислав Антонович сделает блестящую дипломатическую карьеру, станет поверенным в делах СССР при полпредстве в Персии, а в 1934 году займет высокий пост заместителя Наркома внешней торговли.

Но пока идет 1921 год и Логановский одновременно исполняет функции резидента как Разведупра, так и ИНО ОГПУ.

Следует учесть, что в первой половине 20-х годов Польша является для Советской России противником номер один. Поэтому кроме

сотрудников резидентуры Логановского в Варшаве, по Польше работают агенты в Германии, во Франции, в Австрии.

Дипломат Григорий Беседовский в своей книге «На путях к термидору», изданной в России уже в середине 90-х годов прошлого века, так вспоминает о Мечиславе Антоновиче:

«Во главе отдела ЧК и военной разведки при посольстве стоял Мечислав Логановский. Это был поляк по происхождению... Во время Гражданской войны он отличился на фронте, имел орден Красного Знамени и пользовался личным расположением Дзержинского.

Логановский был человеком твердой воли, железной выдержки и зверской жестокости. Человеческая жизнь не имела в его глазах никакой ценности. Он готов был принести в жертву тысячи жизней, чтобы добиться выполнения какой-либо, иногда технической директивы».

Помощниками Логановского были Казимир Кобецкий, работающий также секретарем постпредства. «Блестящим техником» называет его тот же Беседовский. А польская газета «Курьер червонный» окрестила Кобецкого «королем шпионов».

Еще одним помощником резидента был Стефан Узданский, работавший под псевдонимом «Еленский». Кстати, именно Узданский сменил Логановского на посту резидента в Варшаве.

Стефан Лазаревич являлся военным атташе СССР в Польше. Он успешно наладил разведработу, привлекая к разведдеятельности коммунистов-рабочих на железнодорожных станциях, заводах и фабриках.

Хорошей «крышей» для военной разведки служило и общество Красного Креста. Опыт использования этой организации в своих целях «красные разведчики» почерпнули от коллег в императорской армии.

Под прикрытием должности заместителя руководителя советского Красного Креста в Болгарии успешно работал Борис Иванов, он же Краснославский.

Борис Николаевич окончил Парижский университет в 1913 году и Александровское военное училище в 1915 году. Участвовал в Первой мировой войне в звании поручика 21-го Сибирского стрелкового полка.

В Гражданскую войну воевал на стороне большевиков и стал большим военачальником — командовал Закаспийским фронтом, был начальником штаба войск Туркестанской Республики.

Борис Иванов первый военный атташе РСФСР в Афганистане в 1919 году.

В Болгарию он приехал летом 1921 года. Позже начальник Разведупра Ян Берзин даст такую оценку его деятельности за рубежом: «За время

нахождения на закордонной работе тов. Ивановым были удачно, а иногда и блестяще исполнены ряд весьма важных и опасных заданий».

О каких заданиях говорит Берзин? Речь идет о спецоперациях, проведенных резидентурой Иванова по борьбе с белогвардейским движением. Ведь именно на территории Болгарии располагались 15 тысяч достаточно боеспособных солдат и офицеров Врангелевской армии, бежавших из России. Здесь вынашивались планы и проходили подготовку подразделения белогвардейцев, засылаемые на советскую территорию.

Резиденту Иванову и его помощникам Семену Фирину, Сергею Чайкину, Федору Карину удалось разгадать планы врагов и предотвратить несколько диверсионных рейдов в Россию.

Так, летом 1922 года советские разведчики противостояли планам деникинского генерала В. Покровского по заброске хорошо подготовленных казачьих офицеров на советскую территорию.

Планы заговорщиков с помощью наших агентов стали известны болгарским властям: офицеров-диверсантов арестовали, а генерал Покровский был убит.

Сумели разведчики Иванова проникнуть в архив белогвардейцев и раскрыть заговор против болгарского правительства. Как результат, полторы сотни заговорщиков были арестованы, многие высланы из Болгарии.

Посольства, торговые представительства, аппараты военных атташе, общество Красного Креста. Эти организации широко используются нашей военной разведкой для «крышевого» прикрытия за рубежом. Однако руководство Разведупра ищет и другие возможности для легендирования деятельности своих сотрудников. Так в начале 1925 года в Соединенные Штаты Америки, в Нью-Йорк из Советского Союза прибыл некто Феликс Вольф. Советский гражданин жаждал пройти стажировку в Колумбийском университете. Вольфа интересовала философия и социальные науки.

Кто же он такой, этот знаток-философ Феликс Вольф? Ему немного за тридцать, но за плечами бурная, полная опасности жизнь: участие в революционных событиях, угроза ареста, бои с белочехами в Сибири. Летом 1918 года Феликс приезжает в Москву, работает редактором газеты с громким названием «Мировая революция», которая издается на немецком языке. Потом он едет в Белоруссию, где ведет пропаганду в рядах германо-австрийских войск.

Дальше его путь лежит в Германию. Он участвует в создании Бременской советской республики, в Гамбурге в качестве резидента работает на Разведупр России.

В 1922 году его в качестве резидента направляют в Австрию. Он действует под «крышей» посольства РСФСР в Вене.

Через год, в связи с подготовкой революции, Вольф возвращается в Берлин.

В 1923 году после поражения, возвращается в Москву.

Так что стажер Колумбийского университета был весьма опытным разведчиком. И это он доказал на деле. Уже через несколько месяцев резидентура советской военной разведки развернула свою деятельность в Штатах. Хотя надо отметить, что начинал он практически с нуля.

«Показательно и то, что уже на протяжении первого года существования резидентуры в Нью-Йорке, — пишет в книге «Советская разведка в Америке» В. Позняков, — ее работникам удалось получить агентурным путем более трети (34 %) всех добытых ими материалов. Меньшим, нежели в других резидентурах, действовавших в великих державах, был и процент невыполненных заданий: по запросам, касающимся военной тематики, таких осталось 7 или 41 %. Все запросы, относящиеся к политике и экономике США, были выполнены. Весьма впечатляет также и соотношение присланных в Москву из Соединенных Штатов донесений и документов: 1—81 (или 1,3 и 98,7 %). Процент документов, добытых резидентурами РУ, действовавшими в других великих державах, составлял: в Великобритании 100 %, Италии 74 %, Франции — 57, Германии — 29 и Японии — 0,7 %».

Весной 1926 года Вольфа на посту резидента в США сменил Ян Тылтынь. Заместителем у него была жена — Мария Тылтынь. Оба опытнейшие разведчики. Мария работала в Германии, Чехословакии, Австрии и Румынии.

Ян в секретной командировке с 1920 года. Резидент советской военной разведки во Франции в 1922–1926 годах, жена — помощник резидента. Вместе они работали и в США.

Супруги Тылтынь провели немало вербовок агентов и источников, которые впоследствии работали на Разведупр долгие годы, поставляя в Центр ценную развединформацию.

Легальные резидентуры успешно действовали и в других странах: в Финляндии работал под «крышей» посольства Ричард Венникас, военный атташе Ардалион Бобрищев и его помощник Август Песс, в Германии секретарем посольства трудился резидент Артур Сташевский, во Франции атташе постпредства Станислав Будкевич.

В Турцию в начале 1922 года в звании полномочного представителя нашей страны прибыл бывший начальник Региступра Семен Аралов.

Вместе с ним приехал и военный атташе Константин Звонарев (настоящее имя Карл Звайгзне). На скромных должностях драгоманов (переводчиков) также работали военные разведчики Минзакир Абсалямов и Халиль Таканаев.

Заместитель торгпреда в Турции Ибрагим Ибрагимов в своей книге «Работа Коминтерна и ОПТУ в Турции» так вспоминает о них.

«Оба они очень воспитанны, скромны, с первого же свидания завоевывают полное доверие и расположение собеседников. Работают тихо, спокойно без всякого шума, очень осторожно, абсолютно не посещают всевозможные «злачные места», не афишируют себя (не в пример агентам ОГПУ), но работают чрезвычайно энергично и плодотворно. Результатом их работы очень довольны были всегда в Центре и в Генеральном штабе... Они очень долго сидели на этих должностях несмотря на все козни агентов ГПУ против них лично...»

Теперь пришло время обратить свои взоры на Восток. О Китае разговор особый. Первым советским военным атташе в этой стране в 1922 году назначается видный военачальник Красной Армии Анатолий Геккер.

На службу в армию Анатолий Ильич пришел в 1909 году после окончания Владимирского военного училища. Командовал ротой на фронте в период Первой мировой войны. Показал себя умелым и храбрым командиром. Заслужил четыре боевых ордена.

Участвовал в Гражданской войне на стороне «красных». Здесь и взошла военная звезда Геккера. Он командовал 11-й армией, отдельной Кавказской армией, руководил Военной академией РККА.

В августе 1922 года его направляют в Китай.

В 1924 году в Гуанчжоу прибыла большая группа военных советников во главе с будущим Маршалом Советского Союза Василием Блюхером. В составе делегации были, разумеется, и разведчики.

В начале 1926 года на укрепление миссии Блюхера направлены военные разведчики Христофор Салнынь, Иван Винаров, Владимир Горев, Иосиф Зильберт. Они оказывали помощь руководству китайской армии в организации разведорганов.

Основным центром деятельности советской разведки в Китае был Шанхай. Достаточно развитый в промышленном отношении, этот город пользовался правом экстерриториальности, не подчинялся местному законодательству. Кроме предприятий тяжелой и легкой промышленности здесь размещали свои офисы крупнейшие китайские и иностранные банки. Шанхайский порт принимал грузы со всего мира. Здесь же были сосредоточены основные силы зарубежных разведок, в том числе и

советской.

Легальную резидентуру в Шанхае возглавлял Александр Алексеев. Однако наиболее активно действовали сотрудники нелегальной резидентуры Христофора Салныня и его помощника Ивана Винарова. Крышей для них служила экспортно-импортная фирма, торговые агенты которой находились во многих городах Китая.

Вообще в Китае в 20—30-е годы работали многие опытные сотрудники Разведупра. Здесь в 1930–1932 годах действовала резидентура Рихарда Зорге, позже Якова Бронина. После ареста Бронина в Шанхай командировали одного из крупнейших работников военной разведки Льва Боровича, который прежде работал в берлинской и венской резидентурах, в центральном аппарате. Кстати говоря, Лев Александрович действовал под «крышей» отделения ТАСС в Шанхае, занимая должность помощника заведующего отделением советского телеграфного агентства.

Дважды в командировку в Китай выезжала и Урсула Кучински, она же Рут Вернер. Под прикрытием должности секретаря Тихоокеанских профсоюзов там же действовал и Яков Рудник.

Яков Матвеевич известен тем, что еще во время Октябрьской революции был комиссаром Военно-революционного комитета в Финляндском полку, участвовал в штурме Зимнего дворца, организовывал Красную Гвардию в Финляндии, был членом коллегии ВЧК в Петрограде.

В 1921 году он резидент советской военной разведки во Франции, был арестован, осужден.

Будущий заместитель начальника советской военной разведки Борис Мельников в 1928–1931 годах под «крышей» должности Генерального консула СССР также работал в Харбине. Это о нем Ян Берзин писал: «Мельников Борис Николаевич в разведке специально по Дальнему Востоку работает с 1920 года. Лично побывал в Японии, Китае и Монголии. Изучил и знает во всех отношениях, как Китай, так и Японию. Весьма развитый и разбирающийся в сложной обстановке работник...»

И в заключение несколько слов о нашей военной разведке в Японии. После установления дипломатических отношений с этой страной первым резидентом, действующим с легальных позиций, стал военный атташе Советского Союза Карл Янель.

Карл Юрьевич до приезда в Японию уже работал за границей под прикрытием дипломатических должностей в Берлине и в Вене.

Его сменил не менее опытный разведчик Александр Кук, который еще в 1921 году занимал должность помощника начальника Разведупра. После его смерти должность военного атташе в Токио занял Иван Ринк. До этого

Иван Александрович дважды выезжал в Афганистан, руководил 3-ми 4-м отделами Разведупра, возглавлял восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе.

Среди сотрудников-«крышевиков» советской военной разведки также надо назвать секретаря Генконсульства в Токио Константина Звонарева, консула в Нагасаки Федора Васильева, сотрудника отделения Совторгфлота Максима Бабичева.

Таким было первое послевоенное десятилетие в судьбе Разведывательного управления штаба РККА, его работников, резидентов, агентов, действовавших под легальным прикрытием.

Произошло становление и укрепление заграничных легальных резидентур. В эти годы у военной разведки были и свои серьезные победы и свои не менее серьезные поражения, провалы. Однако следует констатировать, что несмотря на объективные трудности — нехватку кадров, денежных средств, разведчики работали пусть и в сложной, но спокойной и доброжелательной атмосфере.

Во главе Разведупра стоял уже достаточно авторитетный Ян Берзин. Он берег своих подчиненных и заботился о них. Курировал военную разведку опытный 1-й заместитель председателя РВС СССР и замнаркомвоенмар Иосиф Уншлихт. Проблемы начались в начале 30-х годов.

«Оказались битыми, как мальчишки...»

Тридцатые годы прошлого столетия стали, пожалуй, самыми беспокойными, сложными и, в конечном итоге, трагическими в истории советской военной разведки. Разумеется, речь идет о мирных этапах развития в жизни страны.

Это десятилетие ознаменовано несколькими крупными событиями, определившими атмосферу данного исторического отрезка. Их несколько: тяжелейшие провалы заграничных резидентур 1933–1935 годов, «десант» сталинских чекистов в Разведуправление, увольнение Яна Берзина, «кровавые» репрессии.

Первый тревожный звонок прозвучал в 1932 году, когда в Вене был задержан резидент Константин Басов (настоящая фамилия Ян Аболтынь).

Опытнейший разведчик, начинал службу еще в 1920 году в Региступре, помглавкома по Сибири, руководил агентурным отделением. Позже работал помощником начальника агентурного отдела штаба РККА, резидентом в Германии. Резидентом в Австрии стал с апреля 1931 года.

С трудом освободившись из-под ареста и избежав суда, Басов возвратился на Родину. Причины провала венской резидентуры были проанализированы, но трагедии из этого никто не делал. «Разведка — игра со многими неизвестными и неудачи в ней неизбежны», — сказал как-то Ян Берзин. И был совершенно прав. Однако неудача неудаче рознь. Если этот провал единичен, тогда действительно не стоит бить тревогу. Но на сей раз получилось иначе. Провал венской резидентуры, словно спусковой крючок двинул вперед целую лавину провалов.

4 июня 1933 года латвийская полиция арестовала агентов советской военной разведки — Матисона, Фридрихсона, Чауле.

Через месяц с небольшим, в июле того же года в Гамбурге взяли под стражу вербовщика Разведупра Юлиуса Троссина. Долгое время этот агент работал курьером, выезжал в США, во Францию, Англию, Румынию. После ареста он выдал немецкой контрразведке всю сеть явок, линий связи, людей, принимавших и отправлявших документацию. Связь со многими резидентурами была прервана.

Провал в Финляндии в октябре оказался особенно чувствительным. Контрразведка арестовала советского резидента Марию Шуль-Тылтынь и несколько ее помощников.

Мария Юрьевна работала в разведке с 1920 года. Выезжала во многие

зарубежные командировки. В 1923–1926 годах была помощником резидента во Франции, в 1927–1930 годах — в США. «За исключительные подвиги, личное геройство и мужество» удостоилась высокой награды ордена Красного Знамени.

В 1931 году возглавила резидентуру в Финляндии. Ее предали. Тылтынь арестовали, осудили на 8 лет. Она умерла в заключении.

Уже через два месяца в декабре произошел новый провал. На этот раз во Франции. Арестован резидент Вениамин Беркович, его жена, несколько ценных агентов. Один из них, к примеру, профессор Луи Мартин, сотрудник морского министерства, работавший с секретными шифрами.

Однако провалами центральных резидентур за рубежом, дело не закончилось. Как говорят, пришла беда — открывай ворота.

В сентябре 1933 года румынская контрразведка разгромила резидентуру Одесского пункта разведывательных переправ (ПРП). Через эти пункты шла переброска окружной оперативной агентуры, действовавшей в приграничной полосе.

В том же месяце привалились агенты разведотдела штаба Краснознаменной кавказской армии, засылаемые на сопредельную турецкую территорию через Ленинанканский пункт.

Неприятные известия пришли из Белорусского военного округа. После ликвидации контрреволюционной организации «Белорусский национальный центр» стало ясно, что 19 человек, якобы работавшие на советскую разведку, оказались двойными агентами.

Февраль 1934 года принес в Центр новые прискорбные известия: арестован резидент Апреленко и еще десять агентов штаба Украинского военного округа в Румынии.

Провалы западных резидентур аукнулись и на Востоке. В начале того же года под арестом оказались агенты сразу нескольких резидентур разведотдела штаба ОКДВА в Маньчжурии. Более того, сотрудники так называемой особой группы, занимавшиеся диверсионной работой, были перевербованы японской контрразведкой и заброшены в СССР. Особый отдел ОГПУ арестовал их, и выяснились вопиющие нарушения правил конспирации.

Словом, количество провалов в столь короткий срок не могло не вызвать озабоченности не только у руководства Разведупра, но и вышестоящих органов.

29 марта 1934 года состоялось заседание Политбюро ЦК, на котором с докладом «О компании за границей о советском шпионаже» выступил И. Сталин.

Следом за этим особый отдел ОГГГУ, надзиравший за работой Наркомвоенмора, составил докладную записку о работе IV управления штаба РККА. Подписал ее зампред ОГПУ Генрих Ягода. Адресована она была И. Сталину.

Причинами провалов, приведших к разгрому крупнейших резидентур, назывались засоренность предателями, подбор зарубежных кадров из сомнительных по своему прошлому и связям элементов, несоблюдение правил конспирации и, конечно же, недостаточность руководства зарубежной работой со стороны IV управления штаба РККА.

26 мая на очередном заседании Политбюро ЦК было принято соответствующее постановление. В нем указывались основные недостатки в работе разведки — сосредоточение в одном месте линий связи нескольких резидентур, назначение раскрытых в одной стране разведчиков на работу в другую страну, некачественный подбор агентурных работников и их слабая подготовка, отсутствие учебного заведения для обучения сотрудников.

Политбюро своим решением выводило Разведуправление из подчинения начальника штаба РККА и замыкало его на наркома, открывало специальную школу. Так же усиливалось руководство военной разведки.

Следует отметить, что мероприятия, запланированные Политбюро ЦК, были выполнены и, безусловно, сыграли свою положительную роль в совершенствовании работы военной разведки. Исключение составляет лишь последний пункт. Да, действительно, следовало укрепить руководящий состав управления, но кем? Специалистов такого уровня взять неоткуда. Вернее, они были только в одном учреждении — в Иностранном отделе ОГПУ. Возглавлял ИНО Артур Артузов.

Артур Христианович — авторитетнейший работник ОГПУ. Один из организаторов советских органов госбезопасности. С 1922 года начальник контрразведывательного отдела, с 1927-ш помощник начальника секретно-оперативного управления, с 1931-го начальник ИНО. Был организатором и руководителем от-ветственнейших специальных операций, таких как «Трест», «Синдикат», которые принесли ему заслуженную славу.

Тем не менее Сталин решил ослабить ИНО, забрав оттуда Артузова и назначив его в Разведупр.

25 мая 1934 года Артур Христианович был приглашен в Кремль. В кабинете Сталина уже находились наркомы Ягода и Ворошилов. Беседа продолжалась шесть часов.

Артузову предложили перейти в военную разведку, однако не начальником, а первым замом Берзина. Под него специально открывали

такую должность. Прежде у Яна Карловича были только помощники.

Предложение Сталина не вызвало у Артузова особой радости. В ВЧК он с 1918 года. Сам, собственными руками, строил эти ВЧК, ГПУ, ОГПУ, и когда казалось, достиг вершин, столько сил вложил в органы госбезопасности, его переводят в другое, чужое ведомство, к тому же с понижением. Было тут и еще одно щекотливое обстоятельство: ОГПУ, как орган надзирающий и контролирующий, смотрело на военное ведомство, тем более на военную разведку свысока, служить в ИНО считалось делом более престижным и авторитетным, чем в Разведупре. Так что Артузова, считай, понижали дважды.

Однако Сталин настаивал, он напомнил Артуру Христиановичу о порядке, заведенном еще при Ленине, когда коммунист работает на том посту, куда назначает его партия. Отказаться было невозможно. Конечно, Сталин, как опытный руководитель, умело подсластил пилюлю, он намекнул, что роль у Артузова в Разведупре особая, он должен стать «его глазами и ушами».

Правда, сталинские «уши и глаза» в одном из ведущих управлений не вызвали восторга у наркома Ворошилова. Этих «глаз и ушей» и так было достаточно. Сотрудники особого отдела

ОГПУ сидели в каждой воинской части. Однако Климент Ефремович и глазом не повел. Раз так нужно «хозяину», он принимает, пусть и скрепя сердце, его соглядатая. Да и возражать Ворошилову было вовсе не с руки: провалы-то произошли в его подчиненном подразделении, и Сталин старался укрепить его Разведупр. И потому нарком молчал. До поры до времени, разумеется.

Сталин ошибся. Казалось бы, на первый взгляд все было сделано правильно. «Хозяин» отдавал самого опытного, авторитетнейшего руководителя политической разведки на укрепление Разведупра. Не учел он только одного — степени противостояния этих двух спецслужб. К тому времени военная разведка уже в полной мере «нахлебалась» от «надзирателей» из ВЧК — ОГПУ.

В Разведупре прекрасно помнили и дело Полевого штаба, состряпанное особым отделом ВЧК летом 1919 года, когда бездоказательно арестовали главкома Вацетиса и руководителей разведотделения Кузнецова и Григорьева, и горячее желание Дзержинского «подмять» под себя военную разведку, и мнимые чистки разведорганов от «ненадежных элементов», и аресты консультантов Теодори и Зиверта, которых, в конечном итоге, оправдали.

С годами это противостояние только нарастало. Увы, Сталин этого не

почувствовал, а возможно, и не желал замечать подобного раскола и конфронтации.

К сожалению, весьма недальновидно повел себя и Артузов. Трудно сказать, с чем это связано. Возможно, Артур Христианович действительно, получив карт-бланш от Сталина, уверовал в то, что он теперь хозяин в Разведупре при живом и здоровом Яне Берзине, который стоял во главе организации уже добрый десяток лет. Иначе чем объяснить доклад Артузова, который он подготовил через месяц после своего прихода в управление. По сути доклада мы еще поговорим, а пока обратим внимание, кому он адресован. Догадываетесь? Первый экземпляр секретарю ЦК ВКП(б) тов. Сталину. И только второй — наркому Ворошилову. А непосредственному начальнику Берзину и вовсе ничего. Это как расценивать? Предложения по реорганизации разведки, которой руководит Берзин, ему не докладываются вовсе, наркому — во вторую очередь.

По меньшей мере, странный подход. И потом, когда у Артура Христиановича начинают не складываться отношения сначала с Яном Берзиным, потом с его последователем Семеном Урицким, он искренне удивлен этому, обижается и негодует. В письме к Семену Петровичу он пишет: «...Лично Ваше отношение ко мне не свидетельствует о том, что Вы имеете во мне ближайшего сотрудника, советчика и товарища, каким, я в этом не сомневаюсь, хотел меня видеть в Разведупре тов. Сталин».

Возможно, тов. Сталин действительно хотел видеть в Артузове «советчика и товарища» начальника управления, да вот не получилось как-то с этим у Артура Христиановича. И сдается мне, в этом виноват он сам.

Было и еще одно обстоятельство, которое недоучел или не захотел учесть Артузов, переходя на работу в Разведупр. В беседе со Сталиным он настоял, чтобы с ним на укрепление перешла группа сотрудников. Группа, откровенно говоря, немалая. Сначала 13 человек, потом еще около десятка. И все они заняли, как правило, руководящие должности. Например, Отто Штейнбрюк стал во главе 1-го западного отдела, а Федор Карин — во главе 2-го восточного. Теперь у начальника Разведупра все высшее окружение состояло из «варягов».

История повторилась почти через тридцать лет, в марте 1963 года. Начальником Главного разведывательного управления был назначен первый заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник Петр Ивашутин. Он тоже был «варягом», но Петру Ивановичу, в отличие от Артура Христиановича, удалось стать своим среди военных разведчиков. Ивашутин многое сделал для укрепления и совершенствования военной разведки, и его чтят и вспоминают в ГРУ добрым словом. Так вот Петр

Иванович практически никого не привел из КГБ, если не ошибаюсь, забрал с собой только двух человек, которые не занимали высоких постов, а исполняли сугубо технические обязанности.

Масла в огонь внутренних распрей подлило и ноябрьское 1935 года введение персональных воинских званий. Урицкий стал комкором, а его первый заместитель Артузов и начальники отделов Штейнбрюк и Карин получили равное с ним звание, только оно звучало иначе — корпусный комиссар. А вот исконные разведупровцы были обижены. Александр Никонов, который еще в 1924 году возглавил 3-й отдел, потом служил помощником и заместителем начальника Разведупра, стал всего лишь комдивом. Другой местный старожил Оскар Стигга, нелегальный резидент в Германии, начальник 3-го отдела Разведуправления, кавалер ордена Красного Знамени тоже был удостоен только комдивского звания. Легендарный Христофор Салнын и вовсе получил бригадного комиссара.

Но это, как говорят, еще полбеды. Артузов крепко взялся за реформирование структуры Управления. С середины 20-х годов Разведупр делился на добывающие и обрабатывающие аппараты. 3-й информационно-статистический отдел, возглавляемый Александром Никоновым, превратился к этому времени в мощный аналитический центр, который систематизировал, обобщал и анализировал поступающую информацию, давал свою оценку событиям, происходящим в мире.

В ИНО такого центра не существовало. И эту дурную практику Артузов принес в военную разведку. Он предложил создать два отдела стратегической разведки по географическому признаку — западный и восточный. Что и было сделано. Нарком утвердил новые штаты Разведуправления в ноябре 1934 года.

Казалось бы, все встало на свои места, во всяком случае, так, как желало «сталинское око» и «сталинское ухо». Мероприятия по укреплению военной разведки были проведены. Однако не прошло и года, как разведку потряс новый, невиданный доселе провал. Такого еще не знала история отечественной разведки.

В феврале 1935 года датская контрразведка арестовала четырех работников Центра и десяток иностранных агентов. Однако эта четверка, не скромные курьеры, а старейшие, опытнейшие работники, резиденты Александр Улановский, Давид Угер, Марк Максимов, Давид Львович.

Ветераны разведки копенгагенский провал называли между собой «совещанием резидентов». Действительно, как могло случиться, что в одном месте одновременно собралось столько резидентов и они попали в засаду.

А случилось это так.

Максимов (настоящая фамилия Фридман) работал в Разведупре с 1923 года. Был разведчиком-нелегалом в Германии, в Голландии. В 1931 году вновь выехал в Германию, развернул там агентурную сеть. По окончании командировки возвращался на Родину. Ехал через Данию. Там не должен был ни с кем не встречаться, но решил «заглянуть на огонек» к своему старому товарищу Александру Улановскому, где его и схватили.

Примерно то же, как под копирку, совершил и Давид Угер. Давид Александрович — командир отдельной автотанковой бригады еще в 1922 году освоил специальность летчика, возглавлял авиаотряд, служил военным советником по авиации в Китае.

В 1930 году окончил Военно-воздушную академию и был направлен в военную разведку. Убыл в командировку в США «под крышей» должности инженера авиаотдела Амторга. По возвращении из Америки Угера командировали в Германию. Приняв резидентуру, он возвращался в Союз для доклада и в Дании решил навестить Улановского.

Помощник начальника 1-го отдела Давид Львович также из старых кадров Разведупра. Начинал службу еще в 1921 году. Работал как нелегалом, так и под прикрытием легальных должностей — консулом в Персии, в Турции. Теперь же его послали в командировку в Данию. И Давид Оскарович без проверки явился к Улановскому. Его постигла та же горькая участь.

Кроме четырех резидентов, полиция задержала завербованных иностранных агентов, которых Улановский принимал на конспиративной квартире. Вновь начались разбирательства. Доклад вновь писал Артузов. На сей раз вину было валить не на кого. Он констатировал, что «были нарушены правила конспирации, и в «нейтральной» стране разведчики расслабились». Однако теперь это были его разведчики.

Доклад уже не адресовывался Сталину, а лишь наркому Ворошилову. На нем Климент Ефремович наложил весьма показательную резолюцию: «...Наша зарубежная разведка все еще хромает на все четыре ноги. Мало что дал нам и т. Артузов в смысле улучшения этого серьезного дела. На днях доложу меры, принимаемые для избежания повторения случаев, подобных копенгагенскому».

После этого доклад был направлен Сталину. Берзин подал рапорт, в котором просил освободить его от должности. Освободили. Вместо него назначили комкора Семена Урицкого.

Семен Петрович строевой командир. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Красной Армии прошел должности от начальника

боевого участка до командира и военкома 13-го стрелкового корпуса. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Некоторое время состоял в штате Разведуправления, был в зарубежной командировке в Чехословакии и Германии. По возвращении на Родину вновь попросился на строевую работу.

Отношения у Урицкого с Артузовым не сложились. Оперативные вопросы начальник разведки решал, не привлекая ни Артузова, ни Штейнбрюка, ни Карина.

Артур Христианович написал Урицкому письмо, но это не помогло. Судя по всему, на сторону Урицкого стал и нарком. 11 января 1937 года по предложению Ворошилова Политбюро принимает решение об освобождении от должностей Артузова и Штейнбрюка. Корпусной комиссар Карин пока остался в Разведупре.

До их ареста и расстрела оставалось несколько месяцев.

«Советский Союз, как очередной противник...»

«Разведуправление со своим аппаратом попало в руки немцев». Это слова Сталина, сказанные им 21 мая на совещании в Разведупре.

«Разведки нет, настоящей разведки... Наша разведка по военной линии плоха, слаба, она засорена шпионажем... Разведка — это та область, где мы впервые за 20 лет потерпели жесточайшее поражение».

А эту оценку деятельности военной разведки Иосиф Виссарионович дал 2 июня на расширенном заседании военного совета при Наркоме обороны.

Шел 1937 год. Столь тяжелые обвинения из уст руководителя страны не сулили ничего хорошего.

11 июня состоялся суд по делу так называемой «антисоветской троцкистской военной организации», более известному, как заговор Тухачевского и группы высших командиров и начальников.

По всей стране прокатились митинги, на которых народ клеймил «предателей» и подлых агентов фашизма. А ведь всего месяц назад Сталин сказал, что Разведуправление попало в руки немцев, то есть тех самых фашистов. Стало быть, смерть этим выродкам. Впрочем, и сами работники Разведупра на своем собрании требовали «беспощадной и суровой расправы» над предателями. И она пришла очень скоро эта расправа.

В числе первых были арестованы заместитель начальника Разведуправления старший майор госбезопасности Михаил Александровский, помощники начальника корпусной комиссар Лев Захаров-Мейер и Александр Абрамов-Миров, руководители отделов комкор Анатолий Геккер, корпусные комиссары Отто Штейнбрюк, Федор Карин, комбриг Василий Боговой. В этот «расстрельный» список попали заместители начальников отделов дивизионный комиссар Лев Борович, полковник Стефан Уданский и Алексей Мазалов, а также начальник отделения Макс Максимов.

Особенно не повезло 1 — му западному отделу. В подвалах Лубянки оказались начальник, два его заместителя, руководитель отделения, и даже помощник по кадрам майор Прозоров-Полуэктов.

Однако этих сотрудников, судя по всему, доблестным энка-вэдэшникам не хватило. Из-за границы из Испании был отозван бригадный комиссар Григорий Семенов, из Германии полковник Александр Иодловский, из Японии полковой комиссар Аркадий Асков. Кстати, Аркадий Борисович

ярчайший представитель легальной разведки, много лет проработавший под прикрытием консульских должностей в городах Нагасаки, Цуруге, Кобе.

Видимо, чтобы разбавить мужской коллектив «врагов народа», к этому списку присовокупили и одну женщину, кавалера ордена Красного Знамени Софью Залесскую.

Софья Александровна, она же «Зося», была привлечена к сотрудничеству с военной разведкой в 1920 году, еще студенткой Венского университета. Потом служила резидентом Разведупра в польском Кракове, в Венской и Берлинской резидентурах. «Тов. Залесская прекрасный работник для нелегальной работы», было записано в ее характеристике. Но это уже никого не интересовало.

Доблестным энкавэдэшникам было достаточно легко работать с разведчиками. Попробуй докажи, что какой-нибудь командир батальона, прослуживший всю жизнь где-нибудь на Кольском полуострове, является японским шпионом. Конечно, доказывали и это. И комбат собственной рукой подписывал признание. И все-таки тут могли возникнуть вопросы, например, где предатель-комбат нашел в северных сопках на другом конце земли японцев. Правда, следователям не стоило беспокоиться, им никто подобных вопросов не задавал. А с разведчиками просто красота: за границей работал, с иностранцами общался. Значит, шпион. Сомнений никаких.

И пошла писать губерния. Следом за первой «расстрельной» партией, арестована вторая — врид начальника Разведуправления комдив Александр Никонов, только, что назначенный начальником 2-го отдела комбриг Август Гейлис, а также руководитель 8-го отдела дивизионный комиссар Емельян Стельмах.

Кто они, эти люди? Александр Матвеевич Никонов член партии с 1918 года. Участник Первой мировой войны. На фронте. — командир пехотной роты, поручик.

В феврале 1917-го примкнул к большевикам. Служил начальником штаба 6-й бригады. С 1921 года в Разведуправлении. Помощник начальника отделения, помощник руководителя информационно-статистической части, начальник 3-го отдела.

Ближайший соратник Яна Берзина. С 1934 года помощник начальника Разведуправления.

Комбриг Август Гейлис всю жизнь посвятил работе в Китае. Он был секретарем комиссии по Китаю при Политбюро ЦК ВКП(б), военным советником в Китае, начальником разведотдела штаба ОКДВА.

В апреле 1937 года его отозвали в Москву и назначили начальником отдела Разведуправления, а через четыре месяца арестовали.

Дивизионный комиссар Емельян Стельмах родился в Белоруссии, но судьба его занесла в Казань. Здесь он участвовал в революции, был избран членом Казанского губкома, губисполкома.

В Гражданскую войну — комиссар 1-й бригады, 16-й кавалерийской дивизии, начальник политотдела корпуса.

Емельян Васильевич дослужился до высокой должности помощника прокурора Верховного Суда СССР.

Потом служил в разведке. Под прикрытием консульской должности работал в Китае. В марте 1937 года назначен начальником отдела РУ.

Все это было в августе 1937 года. А в сентябре — новые аресты. За решеткой оказался начальник 12-го отдела бригадный комиссар Дмитрий Троицкий, руководитель отделения бригадный комиссар Илья Болотин, особоуполномоченный бригадный комиссар Петр Янов, специалист по Китаю, доктор экономических наук, полковой комиссар Евгений Иолк. Кстати говоря, в июле 1937 года за заслуги перед Отечеством Евгений Сигизмундович получил орден Красной Звезды. Трудно сказать, успел ли получить награду Иолк, ведь через месяц после постановления ВЦИК о награждении его взяли.

Из этой четверки выживет только Илья Болотин. Он проведет в заключении 18 лет. Петр Янов умрет в лагере, Иолка расстреляют, судьба Троицкого после ареста неизвестна.

До конца 1937 года под топор репрессий попадут самые крупные и значимые фигуры Разведуправления. Арестуют начальника советской военной разведки армейского комиссара 2-го ранга, кавалера двух орденов Ленина и двух Красного Знамени Яна Берзина, руководителя 1-го отдела комдива Оскара Стриггу, начальника 9-го отдела комбрига Владимира Панюкова, крупнейшего теоретика разведки полковника Константина Звонарева, заместителя резидента Рихарда Зорге в Шанхае — полковника Карла Римма, нелегального резидента во Франции и в США, перед арестом командира 5-й мехбригады, кавалера ордена Ленина и трех орденов Красного Знамени комбрига Яна Талтыня, члена партии с июля 1917 года, уполномоченного секретного отдела ОГПУ, консула СССР в Китае, Литве, Японии полкового комиссара Вольдемара Груздупа, бойца Красной гвардии в Кронштадте, резидента в Риге, заместителя начальника 10-го отдела Разведупра бригадного комиссара Эрнеста Перкона и других.

Репрессии продолжатся и в 1938 году. Расстреляют почетного чекиста, участника операции «Синдикат-2», кавалера орденов Ленина и двух

Красного Знамени старшего майора госбезопасности Семена Гендина, который в этот период исполнял обязанности начальника военной разведки.

Следом за ним пойдут и комдив Александр Орлов, а потом и Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Иван Проскуров.

Что же в итоге? Он трагичен. Расстреляно все руководство военной разведки, начальники отделов, большинство руководителей отделений, резиденты.

Еще до своего ареста начальник Разведупра Проскуров в мае 1940 года докладывал наркомку обороны и комиссии ЦК ВКП(б): «Последние два года были периодом чистки агентурных управлений и разведорганов от чуждых и враждебных элементов. За эти годы, органами НКВД арестовано свыше 200 человек, заменен весь руководящий состав до начальников отделений включительно...»

Еще определеннее высказался и.о. начальника 1-го отдела полковник А. Старунин в обращении к наркомку: «В результате вражеского руководства в течение длительного периода времени РККА фактически осталась без разведки. Агентурная, нелегальная сеть, что является основой разведки, почти вся ликвидирована... Реальных перспектив на ее развертывание в ближайшее время нет. Итак, накануне крупнейших событий мы не имеем «ни глаз, ни ушей».

Вот такие, надо прямо сказать, не простые оценки. Оставалось надеяться, прежде всего, на легальные резидентуры, работавшие под «крышей». Хотя, откровенно говоря, когда читаешь биографии легальных резидентов, назначенных за рубеж, диву даешься, как им удалось развернуть агентурную работу. Возьмем, к примеру, Германию. В конце 30-х годов для нашей разведки эта страна представляла наибольший интерес. Берлин провел модернизацию своих вооруженных сил, укрепил их, обрел боевой опыт в ходе гражданской войны в Испании и был готов к броску на Европу. Что, собственно, и сделал в сентябре 1939 года, напав на Польшу и разгромив ее в короткий срок.

Так вот советские разведчики, работавшие в Германии в 1939–1941 годах, были весьма образованными людьми. Резидент генерал Василий Тупиков окончил университет им. Свердлова, курсы «Выстрел» и академию им. М.В. Фрунзе, полковник Николай Скорняков школу летчиков и две академии — Военно-воздушную им. проф. Жуковского и Генерального штаба.

Военно-морской атташе СССР в Германии капитан 1-го ранга Михаил Воронцов и вовсе имел за плечами четыре учебных заведения — военно-фельдшерскую школу, подготовительную школу комсостава флота, военно-

гидрографическое училище и военно-морскую академию.

«Академиками» были и другие сотрудники резидентуры — полковники Николай Бажанов и Василий Хлопов.

Не успел поучиться в академии только капитан Николай Зайцев, поскольку был еще достаточно молодым офицером, окончившим Ленинградское артиллерийское училище.

Так что нынешние разведчики по своему уровню образования, не уступали офицерам императорского Генштаба. Правда, до приезда в Германию никто из них, не только не работал за границей, но даже не бывал за рубежом. Исключением можно считать разве что резидента Василия Туликова. В 1935–1937 годах он служил помощником военного атташе в Эстонии.

Примерно такое же положение было и в других резидентурах европейских стран — во Франции, в Югославии, Румынии, Болгарии, Финляндии.

В Венгрии советский военный атташе и резидент полковник Николай Ляхтеров, до своего назначения в Будапешт выезжал, правда, в краткосрочные командировки за рубеж.

Положение резидентов и их подчиненных усугублялось и тем, что подавляющее большинство из них не работало прежде в разведке. Многие отправлялись за границу сразу после окончания академии, пройдя небольшой курс подготовки. К таким следует отнести уже названных полковников Николая Скорнякова, Василия Хлопова, Николая Бажанова, и.о. военного атташе и резидента в Болгарии майора Леонида Середу.

После репрессий 1937–1938 годов кадровый голод в разведке был столь велик, что кандидатов для работы за рубежом искали по всем вооруженным силам, вне зависимости от воинской профессии и занимаемой должности. Тот же генерал-майор Василий Тупиков был возвращен в штат Разведуправления с весьма высокого поста начальника штаба Харьковского военного округа.

Военно-морской атташе Михаил Воронцов перед отъездом в Берлин служил помощником начальника штаба Тихоокеанского флота.

Генерал-майора Ивана Суслопарова командировали в Париж в качестве военного атташе и резидента с должности помощника начальника управления артиллерией Красной Армии.

В свою очередь в Белград убыл заместитель начальника управления военных учебных заведений РККА генерал-майор Александр Самохин. Теперь все они стали военными дипломатами и разведчиками.

Была и еще одна сложность — у молодых и неопытных резидентов

оставалось очень мало времени. Большинство из них приступили к работе в европейских столицах во второй половине 1939-го, а кое-кто и в 1940 году. Уже началась Вторая мировая война и до нападения на Советский Союз оставалось год-полтора. Казалось, объективная реальность такова, что за столь короткий промежуток времени, при существующих сложностях, мало что можно успеть. Но разведчики того, предвоенного призыва так не думали.

Самому молодому сотруднику берлинской резидентуры Николаю Зайцеву была поставлена задача отыскать и наладить связь с нелегальным резидентом в Берлине Ильзой Штебе («Альтой»), контакт с которой был потерян. Николай Максимович выполнил задачу, и как пишет он сам, «к нам потекла информация о военной промышленности, технике и даже о состоянии разработки атомной энергии».

На связи с другим сотрудником резидентуры полковником Николаем Скорняковым был ценный источник, который давал сведения по вооруженным силам Германии.

Умело руководил резидентурой в сердце фашистской Германии генерал Василий Тупиков. Прибыв в Берлин в конце 1940 года, уже в марте 1941-го Василий Иванович подготовил и направил в Центр доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировке по состоянию на 15.03.41 года. Доклад содержал более 100 страниц текста и три десятка схем оргструктур боевых частей германской армии, схему группировки военно-воздушных сил, организации немецкого армейского корпуса, сводные таблицы боевого состава артиллерийских частей вермахта.

«Доклад генерал-майора В. Тупикова, — считает историк Владимир Лота, — по содержанию, оформлению и полноте данных является уникальным свидетельством того, что бывший начальник штаба Харьковского военного округа, получивший навыки разведывательной работы в первой зарубежной спецкомандировке в Таллине, полностью выполнил информационную часть задания начальника Разведуправления Красной Армии. Данные о состоянии германских вооруженных сил были точны».

Доклад Тупикова лег в основу разведывательной сводки по Германии, который направили в наркомат обороны и управления Генштаба.

В следующем месяце Василий Иванович прислал из Берлина еще один документ — уточненные данные по группировке германской армии на 25.04.41 г.

В письме на имя начальника Разведуправления резидент отмечал: «За

три с половиной месяца моего пребывания здесь я послал вам до полутора сотен телеграмм и несколько десятков письменных донесений. Сведения, содержащиеся в этих телеграммах и донесениях, касаются различных областей, но все различной достоверности и различной ценности. Они являются крупинками ответа на основной вопрос: стоит ли, не в качестве общей перспективы, а конкретной задачи, в планах германской политики и стратегии война с нами; каковы сроки возможного столкновения, как будет выглядеть германская сторона при этом?»

И генерал Тупиков ясно и четко отвечает на поставленные вопросы. Он говорит, что сроки столкновения не столь отдаленные, в пределах текущего года, и в «планах германского руководства СССР фигурирует, как очередной противник».

К докладу была приложена схема возможных действий Германии против СССР. Когда смотришь на нее, понимаешь, сколь талантливым аналитиком и разведчиком оказался Василий Иванович. По одному из вариантов через год с небольшим и будут действовать немцы.

Думается, подвиг генерала Туликова до сих пор не оценен по достоинству. Он не только поставлял в Центр ценную разведин-формацию и аналитику, но упорно, несмотря на все опасности, отстаивал свою, весьма неудобную для многих руководителей, точку зрения. Неспроста, за сутки до нападения немцев, раздосадованный Берия писал Сталину: «Этот тупой генерал (имеется в виду, Тупиков) утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев».

Надо отдать должное и генералу Ивану Сулопарову, резиденту советской военной разведки во Франции. Он тоже не играл в поддавки. 21 июня он сообщает в Москву: по данным источника Отто (Леопольд Треппер, нелегальный резидент в Париже), нападение Германии на СССР намечено на 22 июня.

На докладе Сулопарова Сталин написал с угрозой: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его».

Разузнали бы и, не сомневаюсь, жестоко бы наказали, как требовал вождь, да не успели.

Резидент военной разведки Григорий Еремин (псевдоним «Ещенко») в Румынии в середине марта 1941 года сообщал в Москву: «Обергруппенфюрер СС в беседе с источником заявил, что о марше на Англию нет и речи. Фюрер теперь не думает об этом... Более 100 дивизий сосредоточено у нас на восточной границе. Теперь план переменялся. Мы идем на Украину и на Балтийский край... Наш поход на Россию будет

военной прогулкой».

В апреле «Ещенко» подтвердил свои предыдущие данные. Он сообщал: «Румынский генеральный штаб имеет точные сведения о том, что готовится в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши 80 дивизий для наступления на Украину через 2–3 месяца».

В Хельсинки легальную резидентуру возглавил военный атташе полковник Иван Смирнов. В своих донесениях он раскрывал ход подготовки Финляндии к войне. В июне 1941 года Иван Васильевич телеграфировал в Москву: «Проведение всеобщей мобилизации подтверждается. Повсюду отмечается большое количество резервистов, следующих по назначению.

В Хельсинки отмечены признаки эвакуации населения. В частях отпуска прекращены, находящимся в отпуске приказано немедленно явиться в часть».

Активно работала и легальная резидентура в Югославии, во главе которой стоял генерал-майор Александр Самохин.

В феврале 1941 года Александр Георгиевич докладывал начальнику Разведуправления: «По данным югославского Генштаба, Германия имеет сейчас 250 дивизий». И далее резидент дает раскладку; сколько соединений находится в Восточной Пруссии, в Румынии, в Венгрии, в Словакии, в генерал-губернаторстве. Далее расписываются вооруженные силы союзников Германии.

В марте генерал Самохин донес в Москву следующее: «От министра двора в Белграде получены сведения о том, что германский генштаб отказался от атаки английских островов, ближайшей задачей поставлено — захват Украины и Баку, которая должна осуществиться в апреле — мае текущего года, к этому сейчас готовится Венгрия, Румыния и Болгария».

В апреле Александр Георгиевич предупреждал Центр о том, что немцы перебрасывают в Финляндию свои войска, а румынские мониторы на Дунае имеют германские экипажи.

К сожалению, военный атташе и резидент Разведуправления в Венгрии полковник Николай Ляхтеров в марте 1941 года дал иное сообщение в Центр. Он утверждал, что «выступление немцев против СССР в данный момент считают все немыслимым до разгрома Англии. Военные атташе Соединенных штатов Америки, Турции и Югославии подчеркивают, что германская армия в Румынии предназначена, в первую очередь, против английского вторжения на Балканы и как контрмера, если выступят Турция и СССР. После разгрома Англии немцы выступят против СССР».

Это донесение Ляхтерова было для начальника военной разведки генерала Голикова, как нельзя кстати. Он приказал использовать его при разработке доклада о немецкой армии.

Вскоре Николай Григорьевич сообщил, что его вызвали в военное ведомство Венгрии и долго убеждали, что слухи о подготовке Германии, Венгрии и Румынии о нападении на СССР не более, чем английская пропаганда. Более того, Ляхтерову предлагают совершить поездку в Карпатскую Украину, чтобы во всем убедиться лично.

О разговоре в Минобороны Венгрии и предложении выезда резидент доносит в Москву. И пусть потом он в нескольких своих телеграммах говорит о переброске в Румынию до 50 немецких эшелонов в сутки, о концентрации 100 дивизий на западной границе СССР, о слухах в Будапеште о войне с СССР, именно его мартовскому сообщению Голиков даст ход. Донесение из Венгрии он направляет по списку № 1 — Сталину, Молотову, Тимошенко и Жукову.

В Кремле жаждали услышать добрую весть от разведки. И вот она пришла. Желаемое выдавалось за действительное. Что ж, случилось и такое.

Рассказывая о деятельности легальных резидентур, действующих под дипломатическим прикрытием, нельзя не отметить и работу нелегальных резидентов Треппера и Робинсона во Франции, Ефремова в Бельгии, Радо и Кучински в Швейцарии, Зорге в Японии. Впрочем, о них написано немало.

Постоянную работу вели и разведотделы военных округов, в особенности приграничных — Киевского, Белорусского, Прибалтийского. Кроме войсковой агентурной разведки действовали радиотехническая и авиационная разведки. Однако следует констатировать горький факт — нападение фашистской Германии на СССР оказалось для нашей разведки неожиданным, а война, к которой готовились, совсем другой, во многом необычной, сложной, требующей новых подходов и ответов на возникающие вызовы.

Фронт вдали от фронта

Резидентуры советской военной стратегической разведки успешно действовали в Западной Европе на протяжении всей войны. Однако надо уточнить, речь идет о нелегальных резидентурах. Разведчики, работавшие под прикрытием дипломатических, торгпредовских должностей, сотрудники аппаратов военных атташе вынуждены были возвратиться на Родину. Практически все они убыли в действующую армию.

Генерал Василий Тупиков, вместе с другими советскими дипломатами был интернирован немецкими властями: выехал в Турцию, оттуда в Советский Союз. Применение его опыту нашлось быстро. Василия Ивановича назначили начальником штаба Юго-Западного фронта. Он по-прежнему оставался самим собой: принципиальным, честным, не умеющим лизоблюдствовать и подстраиваться под мнение властей предержавших.

Когда возникла угроза окружения Киева, Тупиков подал рапорт на имя Сталина, в котором проанализировал положение войск фронта и предлагал отвести части на левый берег Днепра.

Командующий фронтом генерал-полковник Михаил Кирпонос и член военного совета Михаил Бурмистренко имели на этот счет свое мнение и доказывали Сталину, что удержат Киев. Тупиков в телефонном разговоре с Верховным настаивал на своем решении. И оказался прав. Войска Юго-Западного фронта постигла катастрофа. Василий Иванович, возглавивший группу прорыва, погиб.

Военный атташе и резидент во Франции генерал-майор Иван Суслопаров становится начальником штаба артиллерии Красной Армии, потом командует артиллерией 10-й армии. В июле 1944 года его отзывают с фронта и вновь направляют на военнодипломатическую работу — главой военной миссии во Франции при штабах союзных войск.

Капитан 1-го ранга Михаил Воронцов, военно-морской атташе в Германии возглавит разведуправление Главного морского штаба ВМФ и будет руководить им до конца войны.

Полковник Василий Хлопов уже в сентябре 1941 года станет начальником разведотдела Брянского фронта, потом возглавит одно из управлений ГРУ Генштаба Красной Армии. Победу встретит заместителем начальника Главного разведуправления.

Интернированный из Венгрии военный атташе полковник Николай

Ляхтеров будет направлен на соответствующую должность в Турцию, где и проведет всю войну.

На службу в Разведуправление возвратится резидент в Болгарии Леонид Середа.

Полковника Григория Еремина направят на Южный фронт, где он возглавит разведотдел армии.

Драматически сложится судьба генерал-майора Александра Самохина. В 1941 году он примет под свою команду стрелковый корпус, позже станет заместителем командующего армией. Однако в конце того же года будет возвращен в Разведуправление и назначен начальником 2-го управления.

В апреле 1942-го приказом Ставки Александр Георгиевич назначается командующим 48-й армией Брянского фронта. Он срочно вылетает в Елец, чтобы принять армию, но летчик сбивается с курса и оказывается над вражеской территорией. Самолет был подбит, генерал Самохин попал в плен. При нем оказалась оперативная карта и директива Верховного Главнокомандующего.

В плену он держался мужественно, от сотрудничества с немцами отказался. Освобожден советскими войсками в 1945 году, репрессирован. Реабилитирован в 1953 году.

В период Второй мировой войны легальные резидентуры советской разведки, не имея возможности действовать в Европе (за исключением Великобритании), активно работали против врага с позиций других стран, таких как США, Канада, Турция, Иран, Китай, Япония.

... В апреле 1940 года в аппарат военного атташе в Соединенных Штатах Америки прибыл новый водитель Сергей Александров. Событие, откровенно говоря, не такое уж заметное, если бы не одно обстоятельство — истинная фамилия шофера была Лев Сергеев, и прибыл он в страну на самую высокую оперативную должность — руководителя разведаппарата. Резидент-шофер? Кто-то из разведчиков посчитал, что Центр чудит, а кто-то принял это как должное. В конце концов, как в песне Высоцкого: жираф большой, ему видней. Однако дальше — больше. Резидент оказался в звании старшего лейтенанта, за границей не работал, оперативного опыта не имел, да и в Разведупре служил всего три года. Некоторые из подчиненных Сергеева, так и не смогли смириться с таким назначением. Например, майор Судаков. Он никак не мог воспринять «зеленого лейтенанта» в качестве руководителя разведаппарата. Пришлось Судакова отозвать на Родину.

Вообще Лев Сергеев попал в фантастически сложную ситуацию. Военный атташе полковник Илья Сараев, по просьбе начальника разведки,

лишней работой своего шофера не загружал. Но водителю в соответствии с обязанностями, да и по легенде, приходилось крутить баранку по пять-семь часов в день. На работу с документами времени практически не оставалось.

Лев Александрович готов был «прихватить» и ночь. Но на ночь шифровальный кабинет закрывался. Ведь шифрорган обслуживал и посольство, и резидентуру НКГБ, а не только аппарат атташе. Кроме того, возникал закономерный вопрос: а что, собственно, делает в шифркабинете шофер военного атташе? Тут находиться ему вроде не по чину. Приходилось Сараеву объясняться и с послом и с «соседями».

Препятствовало работе и еще одно обстоятельство. Шофер он и есть шофер. Круг общения у него соответствующий. Попасть на официальный прием, солидное мероприятие практически невозможно, а, значит, и нужные знакомства не заведешь.

Однако все эти сложности не смутили молодого резидента Сергеева. Он, с присущим ему упорством и трудолюбием, взялся за дело, внимательно стал разбираться в ситуации. Уже через полтора месяца после прибытия, встретился с «Доктором» — ключевой фигурой резидентуры. Далее выяснил, что на серьезную работу можно рассчитывать с еще одним агентом, действующим под псевдонимом «Мастер».

Реальное положение дел он докладывает в Центр: в классическом понимании на сегодняшний день резидентуры не существует. Есть он, как резидент, и два уже названных агента. Надо признаться, что для Москвы такая оценка оказалась крайне болезненной.

Начинается тяжелая, напряженная работа. Весной — летом 1941 года в США разворачивается мощная волна антисоветской пропаганды. Она не заканчивается и после нападения Гитлера на нашу страну. Изменения в политике Штатов наступают лишь после того, как президент Рузвельт займет принципиальную позицию и пойдет на сближение с СССР.

Но разведчикам прояснений на политическом небосклоне ждать некогда. С началом фашистской агрессии вашингтонская резидентура переходит на режим военного времени.

Более четырех лет отработает в таком режиме Лев Сергеев и его подчиненные. Впрочем, подчиненных у него будет не слишком много: легальный аппарат в 1940–1942 годах состоял из двух человек, и концу года добавился еще один сотрудник, и в 1943-м — два.

А сделать удалось многое. В документе по итогам работы резидента советской военной разведки Льва Сергеева в США сказано: «Созданная «Морисом» (псевдоним Сергеева) группа агентов была признана Центром весьма ценной. Одновременно с увеличением агентурной сети «Морис»

добился активизации ее работы. Преодолевая трудности в руководстве агентурной сетью, «Морис» умело руководил своими агентами, которые передали ему около 20 тысяч листов секретных и совершенно секретных документов.

Материалы агентов резидентуры «Мориса» в своем большинстве использовались для докладов советскому правительству».

К этому остается добавить, что ни один из агентов, которыми руководил Сергеев, не был раскрыт контрразведкой.

За свою работу в США Лев Александрович удостоился высшей награды нашего государства — ордена Ленина.

В соседней с Америкой стране, в Канаде, тоже активно действует наша легальная резидентура. Возглавляет ее советский военный атташе Николай Заботин. Заместителем назначается подполковник Петр Мотинов. В состав резидентуры также входят лейтенанты Игорь Гузенко и Павел Ангелов.

Перед резидентурой в Оттаве стоит трудная задача — проникнуть в исследовательский отдел военного ведомства и в национальный исследовательский совет, которые занимаются разработками по созданию атомной бомбы.

В резидентуре разворачивается опергруппа, которая должна непосредственно заниматься этими проблемами. Упорная работа дает свои результаты — к сотрудничеству удастся привлечь канадских ученых-физиков Смида, Мазерала, Гальперина. Не все из них охотно сотрудничают, но добываемая информация, тем не менее, радует Центр. Удастся узнать, что идет строительство завода по производству урана. Что именно уран может стать начинкой для бомб. Заинтересованы в этом американцы, они и вкладывают большие средства в исследовательские работы.

Разумеется, самой большой удачей канадской резидентуры стала вербовка крупного ученого Аллана Мея. В 1942 году этот физик уже работал в Англии с одним из сотрудников военной разведки, однако, переехав в Канаду, он потерял связь с Разведуправлением.

В начале 1945 года Ангелов разыскал Мея и пришел к нему домой. Это, откровенно говоря, не обрадовало ученого. Он отказался от сотрудничества, ссылаясь, что якобы находится под наблюдением контрразведки. Нашему разведчику пришлось немало потрудиться, чтобы убедить Мея в обратном и наладить связь.

Физик передал своему куратору образцы урана-233 и урана-235, а также доклад о ядерных исследованиях.

Доклад был весьма ценным, в нем описывалась конструкция бомбы, ее

узлы, технологические процессы изготовления. К нему прилагалась схема организации американского и канадского атомных проектов: указаны адреса заводов и объектов, перечислены имена ученых, занимающихся атомной тематикой.

Материалы Мея и образцы урана оказались столь ценными, что было принято решение не отправлять их диппочтой, а послать с нарочным. Курьером назначили заместителя резидента Мотинова.

С. Пестов в статье «Канадская А-бомба», опубликованной в «Совершенно секретно» в № 11 за 1994 год, приводит слова Петра Семеновича Мотинова: «На аэродроме меня встречал сам «Директор» (начальник Разведупра Ф. Кузнецов). С большими предосторожностями я достал из-за пояса драгоценную ампулу и вручил ее «Директору». Он немедленно отправился к черной машине, которая стояла тут же на аэродроме, и передал ампулу в машину.

— Кто там был? — спросил я у «Директора».

— Это Берия, — прошептал «Директор».

Казалось бы, ничто не предвещало беды. Хорошо отлаженная агентурная сеть поставляла ценные материалы по атомной тематике. Но в сентябре 1945 года шифровальщик резидентуры Игорь Гузенко совершил предательство и бежал к врагу. Он выдал почти два десятка агентов военной разведки в Канаде, девять из которых были арестованы.

Весной 1946 года схватили Аллана Мея. Срочно пришлось покинуть Канаду нелегалу Яну Черняку. Немедленно выехал из США другой нелегал Залман Литвин. В 1950 году в Англии арестовали физика Клауса Фукса.

Резидент полковник Николай Заботин, его жена и сын были арестованы уже на родине, осуждены и находились в лагерях.

Разведчикам, работавшим под дипломатическим прикрытием в составе легальных резидентур, приходилось заниматься не только разведдеятельностью, но и другими весьма важными задачами, которые поручались им.

Так в июле 1941 года в Москве было заключено соглашение между СССР и Великобританией о совместных действиях против Германии. В Советский Союз также прилетал специальный представитель президента США Рузвельта Гарри Гопкинс. Его принимал Сталин. Обсуждался вопрос военной помощи. В ходе этой работы пришли к соглашению, что караваны с помощью пойдут через Архангельск. Так удобнее всего.

Для координации совместной деятельности была создана советская военно-морская миссия. На первых порах ее возглавил начальник Разведуправления генерал Филипп Голиков, замом у него стал контр-

адмирал Николай Харламов.

Голиков пробыл в Англии недолго, уехал в Советский Союз и больше не вернулся. Вся большая и ответственная работа легла на плечи Николая Михайловича.

Адмирал и его подчиненные занимались всеми многочисленными вопросами организации, проводки и охраны конвоев, поддерживали контакты с представителями США и Великобритании по вопросам поставок оружия.

Харламову пришлось решать вопросы, связанные с открытием второго фронта. Он присутствовал при высадке англо-американских войск 6 июня 1944 года в Нормандии.

На другом конце земли проходил службу его коллега — военный атташе в Китае генерал Василий Чуйков. До осени 1940 года он командовал армией. Однако после приглашения его к наркому обороны и обстоятельной беседы стало ясно — теперь его путь лежит в Китай. Потом в своих воспоминаниях Чуйков скажет: «Я не мог считать свое новое назначение случайностью. «Китайский вопрос» не был для меня неожиданностью». И это действительно так. Василий Иванович уже работал в Китае в 1927–1930 годах.

Перед отъездом с Чуйковым беседовал лично Сталин. Вот как описывает эту встречу в книге «Миссия в Китае» сам Василий Иванович.

«Ваша задача, товарищ Чуйков, — продолжал Сталин, — не только помочь Чан Кайши и его генералам с умением воспользоваться оружием, которое мы им посылаем, но и внушить Чан Кайши уверенность в победе над японскими захватчиками...

Ваша задача, товарищ Чуйков, задача всех наших людей в Китае — крепко связать руки японскому агрессору. Только тогда, когда будут связаны руки японскому агрессору, мы сможем избежать войны на два фронта, если немецкие агрессоры нападут на нашу страну».

Более года работал в Китае Чуйков. К весне 1942 года он все более приходил к убеждению, что основную задачу, возложенную на него, выполнил. «Аппарат военных советников и военных атташе, — пишет Чуйков, — правильно информировал наш наркомат обороны о положении в Китае и о тех событиях, которые происходили вокруг него. При нашей советнической помощи китайские войска в 1941 году отбили атаки японцев на всех фронтах».

Генерал Чуйков убыл на родину. Он вступил в командование 62-й армией на Сталинградском фронте. Дальнейшая его судьба хорошо известна — он стал дважды Героем Советского Союза, маршалом

Советского Союза.

Военным разведчикам приходилось также обеспечивать крупнейшие мероприятия, проводившиеся на высшем уровне. Примером тому встреча «Большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля в Тегеране в ноябре — декабре 1943 года.

Идея этой встречи принадлежала Рузвельту. Сталин дал свое согласие на участие в ней. Он хотел наряду с другими проблемами обсудить с союзниками еще одну важнейшую задачу — добиться открытия второго фронта. Но для успешной работы Сталин хотел знать истинные намерения англичан и американцев по этому вопросу.

Выполнение задания было возложено на военного атташе и резидента Разведуправления в Великобритании генерал-майора Ивана Склярова.

Ивану Андреевичу удалось выяснить, что план вторжения союзных войск в Европу был завершён ещё летом 1943 года, но до сих пор не осуществлён.

В октябре 1943 года резидент сообщал в Центр: «Второй фронт в Западной Европе не открывается по чисто политическим соображениям. Считается, что русские недостаточно ослаблены и все ещё представляют большую силу, которой опасаются, как в Англии, так и в Америке».

Сведения Склярова подтвердил и резидент советской военной разведки в Нью-Йорке полковник Павел Мелкишев.

К этой операции подключился и разведаппарат в Иране, которым руководил военный атташе полковник Борис Разин. Поскольку территория этой страны контролировалась войсками СССР, США и Великобритании, перед Борисом Георгиевичем была поставлена задача — обеспечить скрытность вывода из Тегерана 182-го горного стрелкового полка с целью его замены более подготовленными подразделениями, которым предстояло осуществлять охрану важнейших государственных объектов. Задача была выполнена успешно.

Разумеется, все это время иранская резидентура поставляла в Центр необходимые разведматериалы.

Во время проведения встречи «Большой тройки» Сталин заслушал доклад полковника Разина.

...Когда в августе 1945 года США сбросили атомную бомбу на японские города Хиросиму и Нагасаки, первыми на место взрыва приехали советские военные разведчики, работавшие под дипломатическим прикрытием — Михаил Иванов и Герман Сергеев.

Вот как рассказывает об этом задании генерал-майор Иванов в своих воспоминаниях: «Поезд замедлил ход и остановился на станции Хиросима.

Мы осмотрелись. Кругом царил невообразимый хаос. Казалось, какой-то великан перевернул здесь все вверх дном: опрокинутые остовы вагонов, обгоревшие паровозы, вывороченные из земли шпалы и скрученные рельсы, искореженные мостовые фермы. Все было окрашено в ядовитые оранжево-красные тона железной окалины.

Собирали, что требовалось, среди пепла, руин, обугленных трупов. От людей, еще сутки назад, пребывавших в здравии, только след на камне... Страшно вспоминать, но мы взяли с собой наполовину обугленную голову с плечом и рукой.

Мы возвратились в Токио усталые и потрясенные увиденным».

Путешествие в эпицентр взрыва стоило одному из разведчиков — Герману Сергееву жизни. Вскоре он скончался от лучевой болезни, а Михаил Иванов долго лечился после победы.

...В мае 1945 года война завершилась. Наступил мир, но только не для разведчиков. Началась так называемая холодная война. И если для большинства населения нашей страны это была все-таки фигура речи, то разведка ощущала тот самый «холод» на собственной шкуре.

Огромный мир разведки

В 1946 году Фултонская речь Черчилля дала старт холодной войне. Через три года под руководством США был создан агрессивный блок НАТО. В 1953-м американская военщина развязала войну в Корее.

Америку захлестнула оголтелая антисоветская пропаганда. Ограничено передвижение наших дипломатов по территории США. Провокации становятся постоянным оружием контрразведки.

Сотрудникам советских дипломатических представительств предлагают стать предателями и невозвращенцами, а если получают отказ, спецслужбы прибегают к запугиванию и шантажу.

В стране бушует шпиономания, американцы запуганы массированными рассказами в прессе о советских шпионах и диверсантах. В каждом нашем человеке видели врага США.

Вот как о той обстановке в Соединенных Штатах рассказывал полковник Александр Никифоров, в 50-е годы помощник военного атташе СССР в Вашингтоне: «При первом знакомстве, естественно, человек спрашивает: «Кто вы? Откуда?» Зная столь напряженную обстановку в стране, поначалу пытаешься уйти от вопроса, отвечаешь, мол, из Европы. Не проходит. Чаще всего приходится конкретизировать. Говорить, что ты советский нельзя. Учитывая, что русских из Европы, там не мало, представляешься: «Рашен». И человека, словно кипятком ошпаривает. Пот на лбу выступает. Невольно по сторонам озирается. Еще бы, к шпиону попал».

А вот Франция, 1956 год. Вспоминает помощник военного атташе в Париже Владимир Стрельбицкий: «Обстановка в стране крайне сложная. Венгерские события, ввод войск Варшавского договора в мятежную республику не лучшим образом сказались на отношении французов к советским. От нас шарахались, как черт от ладана. На стадионе, услышав рядом русскую речь, могли демонстративно подняться и уйти».

Встретив у посольства, порою интересовались: «Советик?» После утвердительного ответа, да, советский можно было получить плевков в лицо. Контрразведка так же ужесточила режим наблюдения и слежки».

А в 70-е годы в Китае было и того похлеще. Военный атташе в Пекине полковник Василий Иванов о тех годах повествует так: «Для КНР мы в ту пору враг номер один. Атташе или секретарь посольства, никому дела нет. Вытащат из машины, и если уж не побьют, то наорут, заплюют, наговорят

гадостей.

Поехали мы как-то на машине в Цзянь Цзинь. Разумеется, получив предварительно разрешение от китайского МИДа. На полдороге нашу машину останавливают, высаживают, и начинается спектакль: разгневанные хунвейбины, как черти из табакерки, беснуются вокруг нас. Потом затолкали в машину и отправили назад. Протест в Министерство иностранных дел ничего не дал».

Хуже пришлось «сменщику» Иванова военному атташе полковнику Винокурову. Толпа хунвейбинов избивала его прямо в аэропорту.

В 1988 году в Пакистане в своей машине был расстрелян и.о. военного атташе полковник Федор Гореньков.

Так что холодная война для наших разведчиков была самой что ни на есть горячей.

Впрочем, несмотря на все эти сложности и опасности, офицеров, пришедших в разведку после Великой Отечественной войны, трудно было чем-либо запугать. Они не раз смотрели смерти в лицо. Да иначе и быть не могло. Ведь отбирали в Главное разведуправление лучших из лучших. Среди них немало Героев Советского Союза, кавалеров боевых орденов.

Так, летчик-штурмовик Алексей Лебедев и командир взвода разведки Владимир Стрельбицкий попали в одну группу в Военно-дипломатической академии. Алексей Иванович, Герой Советского Союза, командир эскадрильи штурмового авиационного полка, совершил 82 успешных боевых вылета на самолете Ил-2. За проведенные 11 воздушных боев с истребителями, за лично сбитые 4 самолета противника, проявленные при этом мужество и героизм, маршал Жуков подписал на него наградной лист, в котором представил капитана Лебедева к званию Героя Советского Союза.

Лейтенант Владимир Стрельбицкий во главе разведвзвода много раз ходил в рейды за линию фронта, на его счету восемь фашистских «языков». В одном из таких рейдов был тяжело ранен, потерял сознание. Боевые друзья-разведчики не бросили командира, вытащили и донесли до своих окопов.

В 1956 году после окончания академии, Лебедев и Стрельбицкий приехали в Париж. Так началась их служба в стратегической разведке.

Алексей Иванович за время службы будет работать резидентом и военным атташе в четырех странах, в том числе и в воюющем Вьетнаме. Американский «шрайк» попадет в дом, где жили Лебедевы, влетит в их спальню, обвалит стену. К счастью, и резидент, и его жена останутся живы.

На счету Алексея Ивановича одна из самых знаменательных вербовок.

Позже этому агенту присвоят псевдоним «Мюрат». Он, полковник НАТО, будет работать на нашу разведку полтора десятка лет, передавая особо ценные материалы.

Владимир Васильевич прослужит за рубежом 22 года, также в четырех странах — во Франции, в Бельгии, в Швейцарии и в Марокко. О его умении добывать образцы секретной зарубежной техники и оружия до сих пор ходят легенды в ГРУ. Когда транспортный самолет из Голландии доставил в Москву танковый двигатель одной из новейших боевых машин НАТО, его встречать на аэродром приехал сам командующий танковыми войсками маршал бронетанковых войск Амазап Бабаджанян.

Смело воевал в кавалерийском корпусе Льва Доватора и командир сабельного взвода лейтенант Виктор Грошев. Это он вместе с сослуживцами-кавалеристами в зимних боях 1941–1942 годов совершал рейды по тылам врага.

В 1950 году окончив академию им. М.В. Фрунзе, потом Высшие академические курсы, Виктор Федорович выехал в Англию. Несмотря на молодость, ему передали на связь одну из самых ценных агентурных групп британской резидентуры — группу Орсена. В этот разведколлектив входили, кроме самого Орсена, трое ценных источников — один из министерства вооружения, второй из центра по разработке химического и бактериологического оружия, третий — из штаба военно-морского флота.

По своим оперативным возможностям это была фантастическая разведгруппа. Двое агентов удостоились за свою работу высших наград нашей родины — орденов Ленина, а также ордена Красной Звезды. И сегодня в музее ГРУ на одном из стендов выставлены их награды. А под ними скромная надпись: «Ордена агентурной группы Лондонской резидентуры».

Вскоре после первой командировки Виктора Федоровича вновь отправили в Англию. Позже он возглавлял резидентуру советской военной разведки в Канаде.

В послевоенный период для прикрытия разведдеятельности широко использовались также возможности Телеграфного агентства Советского Союза, более известного в мире под аббревиатурой ТАСС. Под крышей корреспондентской должности этого агентства и приехал в свою первую командировку во Францию Нил Ленский. Нил Иванович только что закончил академию, а до этого Военный институт иностранных языков. Так что на французском он изъяснялся в совершенстве.

По своему характеру Ленский был человеком смелым. На войну ушел в 17 лет, воевал, что называется, на самом «передке», командовал

орудийным расчетом истребительно-противотанковой батарее.

Противотанкисты всегда находились на переднем крае, и деваться им оттуда некуда. Они последняя надежда командования: кроме них, немецкие танки остановить некому.

Противотанковые пушки, знаменитые «сорокапятки» эффективны только на малой дальности. Тут уж как говорят, в народе, «либо грудь в крестах, либо голова в кустах».

Ленскому посчастливилось. У него была «грудь в крестах». В придачу, конечно, к тяжелому ранению.

В Париже он завербовал ценного агента Жоржа Бофиса. Жорж был героем Сопротивления, офицером Почетного легиона. Он поставлял для нас ценные материалы.

Полковник Владимир Глухов работал за рубежом «под крышей» представительства «Аэрофлота» в Нидерландах. Он был единственным из разведчиков, который оказался в Указе Президиума Верховного Совета СССР на награждение по итогам первого полета человека в космос. Это говорит само за себя.

Разведцетельность Глухова попала в поле зрения контрразведки. Владимира Алексеевича арестовали и бросили в тюрьму. Однако в застенках он вел себя мужественно. У голландских спецслужб не было доказательств его разведцетельности, они рассчитывали сломить нашего разведчика и добиться от него признания. Однако это сделать не удалось, и они выпустили Глухова на свободу.

Владимир Алексеевич также воевал, участвовал во взятии Варшавы и Берлина. После войны окончил военное училище и Военно-дипломатическую академию.

Позже вслед за фронтовиками в разведку стали приходить «дети войны». Это те мальчишки, которые мечтали о фронте, но пока учились в спецшколах, в военных училищах, война, к счастью, закончилась. Послужив в войсках, лучшие из них оказывались в разведке.

Именно такой путь прошел капитан 1-го ранга Валерий Калинин. Родился и рос он в Ленинграде. Когда началась война, ему было четырнадцать лет. Валерку приняли в Ленинградскую военно-морскую специальную среднюю школу. Она была эвакуирована из города на Неве и находилась в городке Тара Омской области.

Летом 1944 года Калинин, окончив школу, возвратился в Ленинград и стал курсантом Каспийского высшего военно-морского училища.

После окончания училища командовал малым разведывательным кораблем Черноморского флота «Маныч», кораблем «Аргун». А летом 1954

года сдал экзамены в Военно-дипломатическую академию. В 1958-м окончил ее и был направлен в Грецию, в объединение «Совфрахт» на должность старшего инженера. Приходилось осваивать «крышевые» обязанности, подтягивать язык и заводить знакомства. Многое уцалось. Например, познакомиться с влиятельной супружеской парой. Супруга была фрейлиной королевы. Это дало возможность бывать на приемах, которые проводил королевский двор.

Вторая командировка Калинина состоялась в Швейцарию, под «крышей» представительства СССР при ООН и других международных организациях. Здесь ему на связь был передан особо ценный источник — посол иностранного государства.

Командировка Валерия Петровича закончилась успешно. Он был награжден орденом Красного Знамени.

Не успел повоевать, хотя и пытался бежать на фронт и будущий капитан 1 — го ранга Виктор Любимов. Он также окончил спецшколу, военно-морское училище им. М.В. Фрунзе, служил на крейсере «Молотов», на эскадрильном миноносце «Боевой». Был направлен в разведку и после подготовки убыл в США.

Следующая его зарубежная командировка будет во Францию, где ему поручат работать с особо ценным агентом «Мюратом».

В 1968 году Виктора Андреевича направят в Голландию в качестве резидента ГРУ под прикрытием должности заместителя торгпреда СССР. Там он проработал четыре года.

В характеристике по итогам его командировки говорилось: «Под руководством Любимова голландский разведаппарат проделал значительную работу по успешному выполнению разведывательных и организационных задач.

За указанный период через агентуру, доверенных лиц и разрабатываемых резидентурой, было добыто более 300 документов и образцов, оцененных как «ценные» и «особой важности». В целом уровень выполнения разведзадач по сравнению с 1970 годом вырос в три раза.

Тов. Любимов В.А. во время командировки принимал личное участие в вербовочной работе».

Мы рассмотрели работу нескольких наиболее ярких представителей «крышевой» разведки, которые действовали, как сотрудники военных атташатов, Телеграфного агентства Советского Союза, представительства «Аэрофлота», объединения «Совфрахт», торгового представительства. Разумеется, спектор «крышевого» прикрытия значительно шире и разнообразнее, однако нет необходимости раскрывать его более

скрупулезно и подробно, ибо даже на примере этих должностей понятен смысл и государственная важность деятельности этих людей.

В заключение хочется сказать: в меру своих сил и возможностей я постарался написать исторический очерк о зарождении, развитии и нынешнем дне разведки, действующей под «крышевым» прикрытием. Мне кажется, что-то удалось, однако многое осталось за бортом повествования. Нет, не по злой воле или умыслу. Ибо история русской, советской, российской военной разведки — это огромный мир, который охватить одному автору просто не под силу.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

М.Б. Барклай-де-Толли. Художник Дж. Доу

А.И. Чернышов. Художник Дж. Доу

Павел Граббе — первый разведчик, работавший под дипломатическим прикрытием

*Павел Шиллинг-Канштадт —
ученый-криптограф, изобретатель,
военный разведчик*

Памятник Чохану Валиханову в Омске

Легендарный разведчик и путешественник генерал-майор
Генерального штаба Николай Пржевальский

Ефимий Путятин, морской агент России в Лондоне и Париже (1856–1857 гг.), в Лондоне (1858–1861 гг.)

Военный разведчик Яков Малама работал под прикрытием консульской должности в Эрзеруме

Исследователь Абиссинии (ныне Эфиопия) поручик Александр Булатович

Военный министр Алексей Куропаткин в молодости тоже выполнял секретные разведздания

Великий флотоводец, кораблестроитель, полярный исследователь адмирал Степан Макаров стоял у истоков создания нового направления в разведке — радиоразведки

Николай Тифонтай (настоящее имя Цзи Фэнтай), приняв российское подданство, на свои деньги организовал диверсионный отряд «Пинтуй», который воевал с японцами

Будущий лидер Белого движения Лавр Корнилов проходил службу в качестве военного агента в Китае

Помощник генерал-квартирмейстера Западного фронта в Первую мировую войну Александр Самойло

Военный агент в странах Скандинавии и во Франции Алексей Игнатьев, впоследствии генерал-лейтенант Советской армии

Старший адъютант штаба 14-й кавалерийской дивизии Борис Шапошников

Начальник 1-го отдела Разведуправления комдив Оскар Стигга

Начальник Разведуправления штаба РККА армейский комиссар 2-го ранга Ян Берзин

Резидент в Германии, Австрии полковой комиссар Константин Басов (Ян Абелтынь). Это он рекомендовал для работы в разведке Рихарда Зорге
Заместитель начальника Разведуправления комдив Александр Никонов

Герой войны в Испании, начальник Разведуправления НКО СССР
генерал-лейтенант авиации Иван Проскуров

Герой Советского Союза военный атташе СССР во Вьетнаме генерал-

майор Алексей Лебедев (второй справа) на боевых позициях воинов ПВО

Генерал-майор Владимир Стрельбицкий (слева) с американским астронавтом Армстронгом

Советский военный атташе Василий Иванов приветствует атташе КНР

Визит Н. С. Хрущева во Францию. Нил Ленский — второй слева

Старший лейтенант В. Грошев. Май 1943 г.

Открытие нового представительства «Аэрофлота» в Амстердаме.
Первый справа — Владимир Глухов

Командир разведывательного корабля Валерий Калинин (справа)

Капитан 1-го ранга Виктор Любимов